

Собрание сочинений

В. Г. Тана.

Томъ седьмой.

Духоборы въ Казахѣ. — Бѣлая Арагія. —
Искатели.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акціонернаго О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій пр., д. № 75.

120

Бумага без примеси древесной массы.

11343-50

Оглавление.

	Стр.
Духоборы въ Канадѣ. Очерки.	
Вмѣсто предисловія	3
I. Виннипегъ	11
II. Веригинъ	50
III. Макаарскій	90
IV. Огъздъ	99
V. Юрктонъ	108
VI. Село Терпѣніе	140
VII. Крестовый походъ	158
VIII. По селамъ	182
IX. Матрена Красикова	207
X. Село Труженіе	218
XI. Русскіе сосѣди	226
XII. Село Отрадное	240
Бѣлая Аранія	247
Искатели.	
I. Въ садахъ	261
II. Лександра Сильный	278
III. Слѣпой	295

Духоборы въ Канадѣ.

ОЧЕРКИ.

Вмѣсто предисловія.

Въ жизни различныхъ общественныхъ группъ, большихъ и малыхъ, бываютъ иногда эпохи великихъ порывовъ, которыя проходятъ сквозь глубину народной души, какъ буря, и озаряютъ ее, какъ молнія, и долго потомъ въ сумеркахъ историческихъ будней онѣ сіяютъ, какъ маяки, возвѣщая человѣчеству надежду на движеніе впередъ и на лучшее будущее. Эти эпохи зарождаются на поворотѣ кризисовъ, въ сѣтяхъ строптивой тоски, которая не желаетъ дольше признавать окружающую неправду за нѣчто нормальное и неизбежное. Изъ своихъ сомнѣній онѣ создаютъ новое ученіе и превращаютъ его въ идеаль, который спускается на дно народного духа и производитъ тамъ такое же потрясеніе, какъ струя подземнаго потока, проникшая въ вулканъ. Тогда общественная группа, поколебленная до самыхъ низшихъ слоевъ, поднимается, выходитъ изъ береговъ и въ судорожныхъ конвульсіяхъ пытается немедленно осуществить свой идеаль, не считаясь съ отношеніями дѣйствительности и не обращая вниманія на условія времени и мѣста.

Всѣ такія попытки поражаютъ своимъ сходствомъ, и нравственное стремленіе, лежащее въ ихъ основѣ, указываетъ постоянно въ одномъ и томъ же напра-

вленіи, какъ магнитная стрѣлка всегда обращается на сѣверъ. Съ неизмѣнною и однообразною правильностью онѣ стремятся перескочить черезъ историческую бездну, шагнуть впередъ на нѣсколько тысячъ лѣтъ и немедленно водворить царство Божіе на землѣ. Онѣ обыкновенно оканчиваются неудачей и въ лучшемъ случаѣ осуществляютъ только небольшую частицу обѣщаннаго возрожденія, но даже эти неудачи составляютъ для человѣчества лучшія изъ его воспоминаній, и безъ нихъ исторія потеряла бы смыслъ и цѣну.

Эпохи великихъ порывовъ разворачиваются обыкновенно на широкой исторической аренѣ, но иногда самыя мелкія общественныя единицы являются для нихъ такимъ же удобнымъ поприщемъ, и онѣ развиваются въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ съ наиболѣе характерными признаками, какъ будто соціологическій препаратъ, приготовленный въ лабораторіи природы и уединенный отъ окружающей среды для большей чистоты опыта.

Всякій, кто слѣдилъ за исторіей русскихъ духоборовъ въ теченіе минувшей четверти вѣка, легко могъ убѣдиться, что эта небольшая, но сильная группа русскаго племени переживала въ послѣднее время именно такое потрясеніе. Стоитъ вспомнить рядъ неожиданныхъ рѣшеній, которыя были приняты и осуществлены, попытки поступательнаго шествія по избранному пути, именно въ то самое время, когда воздѣйствіе окружающей среды сурово приказывало вернуться назадъ къ отправному пункту. Какъ бы для того, чтобы увеличить оригинальность явленія, исторія въ самомъ разгарѣ кризиса выдернула духоборскую группу изъ старой почвы и пересадила ее на совсѣмъ новое мѣсто, на плодородный конти-

нентъ, предназначенный въ судьбахъ человѣчества именно для подобной пересадки культуры. Это случилось четыре года тому назадъ, и съ тѣхъ поръ исторія жизни духоборовъ пріобрѣтаетъ двойкій интересъ, гдѣ изложеніе развитія духоборскихъ идеаловъ сплетается съ описаніемъ того, какъ пересаженное общественное растеніе пускаетъ свои корни въ новую почву, отчасти приспособляясь къ новымъ условіямъ, отчасти приспособляя ихъ къ себѣ.

Я познакомился съ духоборами почти неожиданно для самого себя, послѣ долговременнаго пребыванія въ Нью-Йоркѣ.

Пятнадцать мѣсяцевъ я просидѣлъ безвыходно въ гигантской столицѣ западнаго континента среди пышной и искусственной городской обстановки. Деревья, которыя я видѣлъ, были пересажены изъ далекихъ лѣсовъ на предварительно опустошенную почву; цвѣты, которые я могъ держать въ рукахъ, были куплены за деньги на уличномъ перекресткѣ. Я ѣлъ поддѣльную пищу, поздно вставалъ, работалъ по ночамъ, читалъ бюллетени о кулачныхъ бояхъ и подробные отчеты о празднествахъ милліардеровъ въ Саратогѣ, пробѣгалъ телеграммы о македонскихъ, армянскихъ, африканскихъ и бессарабскихъ звѣрствахъ, и, наконецъ, мнѣ стало не въ мочоту. Я встрѣчалъ слишкомъ много людей, жилъ въ самой гущѣ общественной жизни и теперь ощущалъ повелительное стремленіе бѣжать безъ оглядки, куда-нибудь на край свѣта, отъ этихъ машинъ, электрическихъ трамваевъ, пронзительныхъ фабричныхъ свистковъ и безсонныхъ кафешантановъ.

Тогда я вспомнилъ, что на далекомъ западѣ, за

рубежомъ Великихъ Озеръ, тамъ, гдѣ дымное дыханіе фабричной культуры еще не успѣло помрачить зеленое лоно преріи, поселилась горсть русскихъ мужиковъ и настойчиво пытается осуществить на дѣлѣ именно ту утопію, которую пророческая мечта представляетъ предъ человѣчествомъ какъ идеаль отдаленнаго будущаго. И я почувствовалъ себя какъ бы обязаннымъ закончить свое пребываніе въ Америкѣ знакомствомъ съ этимъ оригинальнымъ отросткомъ русскаго племени, на половину противъ своей воли переброшеннымъ черезъ океанъ.

Знакомство мое съ Духоборіей было непродолжительно, но впечатлѣніе отъ него осталось тѣмъ болѣе цѣльно и сильно.

Это былъ цѣлый русскій округъ, занимавшій шестьдесятъ миль въ длину и сорокъ въ ширину. Пятьдесятъ духоборскихъ селъ лежали на просторѣ этой обширной территоріи, какъ длинная кисть, протянутая вдоль одной главной дороги. Всѣ инородные элементы отошли въ сторону. Кругомъ были русскія лица, русскія избы, даже русскіе плетни на задворкахъ деревень. Пять недѣль подрядъ я почти не слышалъ англійской рѣчи, кромѣ случайныхъ вокабулъ, вытверживаемыхъ ребятишками изъ дешевой школьной азбуки. Иногда мнѣ положительно казалось, что передо мной сельскій уголъ Россіи, какимъ-то чудомъ перенесенный сюда за тридевять земель, въ тридесятое царство. Въ то же время это была новая, еще не видѣнная мною Россія. Окружавшее меня населеніе состояло поголовно изъ земледѣльцевъ, которые жили какъ братья и занимались мирнымъ трудомъ на плодородныхъ поляхъ Канады. Нигдѣ не было ни урядника, ни сотскаго, ни даже сельскаго старосты, ибо духоборская деревня испра

вляеть свои дѣла безъ всякихъ особыхъ управителей. Иногда въ деревенской толпѣ, собравшейся на улицѣ, глаза мои невольно искали мундира или мѣдной бляхи съ надписью, но ихъ нигдѣ не было видно. Молодые парни по старой памяти носили кафтаны казацкаго покроя и суконныя шапки съ краснымъ кантомъ, но вмѣсто кокарды онѣ были украшены свѣжими цвѣтами, только что сорванными съ поля. Признаюсь, даже самая возможность подобнаго сочетанія явилась для меня совершенно неожиданной. Это былъ миражъ золотого вѣка, на мгновеніе превращенный въ дѣйствительность, какъ бы отброшенный на экранъ волшебнаго фонаря исторіи предъ глазами изумленнаго человѣчества и, быть можетъ, готовый завтра же разсѣяться въ пространствѣ. Разнообразіе міра неистощимо, и въ немъ есть мѣсто для осуществленія самыхъ причудливыхъ сновъ. Если бы какой-нибудь старый народникъ могъ выбрать себѣ сонъ по своему произволу и потомъ претворить его въ жизнь, онъ, вѣроятно, вышелъ бы похожъ на этотъ удивительный округъ. И между тѣмъ, какъ только мы приближались къ границамъ Духоборіи, мы повсюду встрѣчали образцы англосаксонской культуры, совершенно отличной по типу, жадной, дѣятельной, индивидуалистичной, не разбирающей средствъ въ борьбѣ съ природой и обстоятельствами. Все вмѣстѣ походило, чтобы взять литературный примѣръ, на старый разсказъ Златовратскаго, переплетенный вмѣстѣ съ Рѣдіардомъ Кипплингомъ.

И по мѣрѣ того какъ мое знакомство съ Духоборіей развивалось и шло впередъ, во мнѣ стало просыпаться чувство, которымъ русская дѣйствительность такъ рѣдко балуетъ своихъ дѣтей,—то было чувство гордости русскимъ именемъ, принадлежностью

къ народу, который могъ выдѣлать изъ своей среды такой благородный отпрыскъ, полный энергій и идеализма. Я сказалъ, что русская дѣйствительность рѣдко балуетъ насъ этимъ чувствомъ и, напротивъ, то и дѣло посылаетъ факты, возбуждающіе желаніе спрятаться, какъ говорилъ покойный Герценъ. Русское сердце истосковалось въ поискахъ содержанія для „любви къ отечеству и народной гордости“. Нѣмцы гордятся школьнымъ учителемъ, который сдѣлалъ Германію культурной и могущественной. Французы принесли человѣчеству всемірную „эпоху великихъ реформъ“. Англичане даже въ національномъ гимнѣ поютъ: „Never, never the Britons will be slaves“ („Никогда, никогда Британцы не будутъ рабами“). Чѣмъ же можемъ мы, русскіе, восхвалить свое имя предъ исторіей?

Матеріалъ, который предлагаютъ для этой цѣли присяжные торговцы патриотизмомъ, не возбуждаетъ ничего, кромѣ отвращенія. А такъ бы хотѣлось имѣть законные поводы для народной гордости и патриотизма.

Только прекрасная русская литература даетъ этому чувству нѣкоторую пищу, безъ которой русское сердце могло бы умереть съ голода, и передъ именемъ Толстого все человѣчество раздѣляетъ наше удивленіе и любовь.

Имя Толстого упомянуто здѣсь почти случайно, но оно какъ нельзя болѣе подходитъ къ разсказу о духоборахъ, ибо и Толстой и духоборы выросли изъ одного національнаго и историческаго корня, и въ послѣдніе годы духовное развитіе духоборовъ совершалось подъ вліяніемъ идей, истекавшихъ изъ лучшаго источника русской интеллигентной мысли. И въ настоящее время Духоборія проникнута глубокимъ

почтеніемъ къ „дѣдушкѣ Толстову“, приравниваетъ его къ семи древнимъ мудрецамъ и называетъ его „большимъ столпомъ, которымъ подперта вся духовная слобода“.

Быстрое и оригинальное развитіе Духоборіи на канадской почвѣ служить указателемъ того въ какомъ направленіи могли бы расцвѣтать лучшіе русскіе цвѣты, если бы ихъ не побивали весенніе ранніе морозы. Къ сожалѣнію, рассчитывать на перемѣну климата нѣтъ никакихъ основаній, и опытъ показалъ намъ, что даже изверженіе Геклы не въ силахъ растопить окружающихъ снѣговъ. Человѣчество можетъ согрѣться, только измѣняя распредѣленіе топлива и непрерывно улучшая систему общественныхъ калориферовъ. Къ этой цѣли всѣ народы идутъ вмѣстѣ внѣ условій широты и плодородія почвы. Исторія подгоняетъ заднихъ и не даетъ имъ отставать слишкомъ далеко, даже если зимняя выюга бьетъ имъ прямо въ лицо.

Парижъ 1903 г.

I.

Виннипегъ.

Прерія разстилалась по обѣ стороны желѣзной дороги, широкая, ровная и сухая, какъ будто укатанная каткомъ, вымощенная пластами чернозема и накрытая сверху желто-зеленымъ, слегка волнистымъ ковромъ пшеницы. Картина была открытая, степная, хорошо знакомая мнѣ съ дѣтства. На горизонтѣ синѣли холмы, похожіе на степные курганы, тѣ же желтые суслики выглядывали изъ норъ у дороги, тяжелый степной ястребъ-шуликъ низко парилъ надъ травой, отыскивая себѣ добычу.

Широкія полосы нивъ и луговъ непрерывно смѣнялись другъ друга. Мѣстами пшеница уходила подъ горизонтъ, оцетинивъ во всѣ стороны свои перепутанные колосья, какъ нечесанные волосы, и обѣщая обильный урожай, какіе бываютъ только на такихъ дѣвственныхъ, едва тронутыхъ культурой мѣстахъ. Вмѣсто неуклюжихъ изгородей она была опоясана тонкой и щетинистой проволокой, воздушно перекинутой по столбамъ, какъ телеграфный проводъ. Луга были оставлены безъ ограды, и на нихъ повсюду пасся скотъ безъ пастуха и безъ призора. Привлекаемая шумомъ поѣзда коровы ежеминутно выходили на дорогу и чинно прохаживались по рель-

самъ, заставляя паровозъ надсаждаться отъ хриплаго рева и нерѣдко даже вынуждая машиниста замедлить ходъ. Въ промежуткахъ между нивами то и дѣло встрѣчались усадьбы, большія, крѣпко обстроенныя, съ монументальною ригой и цвѣтникомъ у передняго крыльца. Но иногда въ болѣе уединенномъ мѣстѣ попадался одинокій хуторъ, весь закутанный въ солому и съ подсолнухами вмѣсто цвѣтовъ. У глинянаго крылечка стояла характерная женская фигура, въ цвѣтной плахтѣ и съ краснымъ монистомъ на шеѣ, и, приложивъ руку къ глазамъ, глядѣла на пробѣгавшій поѣздъ. И тогда мнѣ опять начинало казаться, что я гдѣ-нибудь въ Екатеринославской или Таврической губерніи.

А между тѣмъ это была Западная Канада, страна, отдаленная отъ Новороссіи на 20 тысячъ миль и мало извѣстная даже въ Западной Европѣ. Эта необозримая прерія только теперь открывалась для человѣческихъ поселеній. Она была еще дѣвственна и пуста, и линія распаханныхъ полей прилегала къ самой желѣзной дорогѣ. Это была совсѣмъ новая американская страна, и только соломенный хуторъ былъ, дѣйствительно, перенесенъ изъ Восточной Европы, изъ-подъ галицкаго Перемышля или изъ-подъ Богуслава-на-Днѣпрѣ.

Уже десять лѣтъ переселенческій потокъ льется въ эту страну широкою и ровною струей, все возрастающая въ объемѣ и быстротѣ стремленія. Европейскіе народы смѣшиваются здѣсь въ пропорціяхъ еще болѣе неожиданныхъ, чѣмъ въ гаваняхъ Соединенныхъ Штатовъ. Бывшіе корнуэльскіе рудокопы и шотландскіе крофтеры селятся бокъ-о-бокъ съ рыбаками изъ Исландіи и пастухами изъ венгерской пушты. Славяне всѣхъ племенъ занимаютъ видное мѣсто, и

однихъ галицкихъ русиновъ насчитывается до 60 тысячъ человекъ. Года три тому назадъ начали появляться русскіе хохлы, баптисты и православные, и въ двухъ-трехъ мѣстахъ уже успѣли образовать отдѣльныя колоніи.

Изъ этихъ разнородныхъ элементовъ дѣятельно формируется новая нація, и, вѣроятно, черезъ четверть вѣка эта плодородная страна будетъ соперничать съ западомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Поѣздъ безостановочно неся и неся впередъ. Одинокіе поселки стали гуще и разнообразнѣе. Нивы смѣнились огородами. Съ лѣвой стороны появился длинный кирпичный заводъ. Желѣзнодорожное полотно расширилось и заблестало новыми рядами рельсъ. Мы подъѣзжали къ городу Виннипегу, который составляетъ для этой страны столицу и средоточіе торговли. Здѣсь скрещиваются восемь желѣзнодорожныхъ линій, и почти ежегодно городъ выпускаетъ отъ себя еще одинъ стальной лучъ, помогающій пришлому переселенію племенъ проникать дальше и дальше въ глубину малоизслѣдованной степи.

Черезъ часъ я уже стоялъ на деревянной платформѣ среди густой толпы людей, пробиравшихся къ выходу. Незадолго передъ нами пришелъ переселенческій поѣздъ, который долженъ былъ прослѣдовать дальше, на западъ, къ городу Реджайнѣ. Его безконечные вагоны вытянулись далеко впередъ за предѣлы желѣзнодорожнаго навѣса, и все разнородное населеніе ихъ высыпало наружу, чтобы воспользоваться остановкой. Эмигрантскіе вагоны въ Канадѣ — большіе, просторные, чрезвычайно удобные. Всѣ пассажиры имѣютъ спальныя мѣста, устроенныя точно такъ же, какъ въ спальныхъ вагонахъ Пуль-

мана, но только безъ тюфяковъ и бѣлья. Впрочемъ, управленіе Тихоокеанской дороги продаетъ желающимъ подушки, одѣяла и занавѣси по заготовительнымъ цѣнамъ, и переселенцы раскупаютъ ихъ нарасхватъ, ибо на новыхъ мѣстахъ всѣ эти вещи стоятъ значительно дороже.

Населеніе поѣзда видимо разбивалось на обособленныя этнографическія группы. У двухъ переднихъ вагоновъ толпились ирландцы, разбитные, крикливые, съ длинными лицами и характерно вздернутыми носами, въ пиджакахъ съ продранными локтями и войлочныхъ шляпахъ съ вентиляціей. Съ ними былъ даже деревенскій патеръ, который, очевидно, не захотѣлъ отпустить свою паству безъ призора и рѣшился переѣхать вмѣстѣ съ нею изъ полуголоднаго деревенскаго прихода въ Лимерикъ или въ Дерри на тучный западъ Канады. Рядомъ съ ирландцами помещался отрядъ финновъ, бѣлобрыхъ, приземистыхъ и молчаливыхъ, съ мрачными лицами и медленными движеніями. Быть можетъ, среди этой ровной и сухой степи они вспоминали свои родные камни и свѣтлыя озера.

Партія подростковъ изъ Лондона ѣхала подъ предводительствомъ дядекъ полувоеннаго вида. Это были сироты, воспитанники дѣтскихъ пріютовъ, которыхъ одно благотворительное общество ежегодно пересылаетъ изъ Англіи въ Канаду и Австралію. Сироты научены ремесламъ и легко пристраиваются на мѣста. Надо замѣтить, что заработки въ западныхъ городахъ Канады такъ высоки, что мальчикъ, поступающій въ мелочную лавку подручнымъ, для начала получаетъ кромѣ полного содержанія, при отдѣльной комнатѣ, еще 15 долларовъ въ мѣсяцъ.

Больше половины вагоновъ занимали австрійскіе

славяне, высокіе, съ бритыми лицами и длинными усами, одѣтые въ сермяжныя чамарки или короткія овчинныя куртки, выложенныя бѣлымъ шнуркомъ. Вездѣ раздавалась словацкая, польская или малорусская рѣчь. У лѣваго края платформы стояла группа человѣкъ въ пятнадцать, въ смурыхъ свитахъ и барашковыхъ шапкахъ. Одинъ носилъ на головѣ старую офицерскую фуражку съ кокардой, перешедшую, должно быть, черезъ десять рукъ, прежде чѣмъ добраться до этой желѣзнодорожной платформы. Это были баптисты изъ Полтавы. Они ѣхали черезъ Канаду въ Сѣверную Дакоту, въ недавно основанную колонію Бальфуртъ, которая является уже вторымъ русскимъ поселеніемъ въ этой мѣстности.

Дѣтскія головки, бѣлокурыя, русыя и черныя, во множествѣ выглядывали изъ оконъ вагоновъ. Дѣти были грязныя и оборванныя, нѣкоторыя прямо полуголыя. Они служили практическою иллюстраціей причинъ, которыя перегоняютъ европейскіе народы съ насиженныхъ гнѣздъ въ эти плодоносныя пустыни.

Черезъ четверть часа я шелъ по главной улицѣ, направляясь на другой конецъ города, гдѣ жили мои знакомые англичане. Это была аллея вдвое шире Невского проспекта, вымощенная асфальтомъ и обсаженная молодыми деревьями. Другой конецъ ея упирался въ рѣку Ассинибоинъ и переходилъ въ монументальный желѣзный мостъ, переброшенный въ предмѣстье на еще незастроенный пустырь. Виннипегъ — совсѣмъ новый городъ. Первые дома его построены 35 лѣтъ тому назадъ. Теперь въ немъ 50 тысячъ жителей. Онъ прекрасно вымощенъ, освѣщенъ электричествомъ и покрытъ цѣлою сѣтью электрическихъ трамваевъ. Двѣ главныя улицы застроены многоэтажными домами и бойкими магазинами. Въ Виннипегѣ

четыре большихъ политическихъ газеты, изъ которыхъ одна — „Свободный голосъ Манитобы“¹ — сдѣлала бы честь даже Нью-Йорку съ его пресловутой „желтой“ прессой, — и цѣлая серія низшихъ и среднихъ школъ. Минувшимъ лѣтомъ здѣсь была земледѣльческая и промышленная выставка, прошедшая необыкновенно удачно. Новыя торговыя и промышленныя предпріятія возникаютъ чуть не ежедневно, и заработки продолжаютъ оставаться чрезвычайно высокими. Чернорабочій на земляной работѣ или по переноскѣ тяжестей получаетъ 2 доллара въ день, плотникъ или слесарь — 4—5 долларовъ. Благосостояніе города все-таки зиждется преимущественно на торговлѣ хлѣбомъ и скотомъ, и жизненные продукты попрежнему очень дешевы, даже сравнительно съ восточной половиной Америки. Однимъ словомъ, это благодатное мѣсто, которое притягиваетъ къ себѣ не только переселенцевъ изъ-за океана, но также сотни молодыхъ людей изъ Восточной Канады и Соединенныхъ Штатовъ, приходящихъ на поиски наживы и быстрой карьеры.

Каждый разъ, когда я прохожу по улицамъ такого молодого города, возникшаго въ областяхъ земли, занятыхъ англосаксонскою расой, во мнѣ возникаетъ странное чувство. Мнѣ кажется, что передо мной особая порода людей, ушедшая впередъ отъ остального человѣчества въ своей духовной приспособленности къ развитію культуры. Они носятъ въ себѣ инстинктъ общественной организаціи во всей его полнотѣ и сложности и, явившись на новое мѣсто, немедленно создаютъ свою общественную клѣтку

¹ Манитоба — имя провинціи, главнымъ городомъ которой является Виннипегъ.

во всѣхъ подробностяхъ и сразу, какъ будто по ма-новенію волшебнаго жезла. Они прямо начинаютъ съ детальнаго раздѣленія труда, и въ то время когда одни работники только намѣчаютъ просѣки для будущихъ улицъ, другіе уже обдумываютъ планы сложныхъ предпріятій, которыя должны возникнуть, чтобы отвѣтить еще не существующему, но уже предвидимому спросу. Всѣ эти тысячи людей заботятся только о матеріальномъ благосостояніи и умѣютъ устраивать его чрезвычайно быстро и искусно. Политическія надстройки, которыя отравляютъ жизнь населенія въ городахъ старой Европы, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Люди приходятъ сюда не управлять, а наживать деньги. Порядка никто не охраняетъ, и никому въ голову не приходитъ нарушать его. Готовность пролить кровь за отечество здѣсь не составляетъ профессіи, и даже самое имя внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ расплывается въ туманъ и переходитъ въ разрядъ малоупотребительныхъ словъ.

Тогда мнѣ вспоминаются иные города, тоже молодые и новые, возникшіе въ колоніяхъ другой великой расы міра, но устроенные по совершенно иному типу. Они возникли для административной надобности и застроены казенными постройками. Нѣкоторые на половину заселены казенными людьми, бывшими и настоящими, другіе кишатъ невольными поселенцами и трепещутъ предъ вѣчными разбоями. Они погружены въ кромѣшную тьму по ночамъ и въ невылазную грязь. Заработки въ нихъ рассчитываются на копейки, и въ довершеніе всего, если кто-либо печетъ пирогъ съ начинкой, то обязуется, по шедринскому рецепту, вырѣзать изъ него середину, дабы принести оную въ даръ.

Вспоминая эти подробности, я еще разъ воочію

убѣждаюсь, что развитіе двухъ великихъ народовъ современнаго человѣчества, дѣйствительно, совершается по весьма различнымъ путямъ.

Черезъ два часа, устроивъ свои личныя дѣла, я опять возвратился на вокзалъ. Группа переселенцевъ въ смурыхъ свитахъ не выходила изъ моей головы; я хотѣлъ также поближе взглянуть, какъ Канадская желѣзная дорога и государственное управленіе распоряжаются этой разнохарактерной и разнородной массой пришельцевъ. Западный поѣздъ успѣлъ уйти, но на станціи было попрежнему тѣсно. Люди ходили взадъ и впередъ по платформѣ, таскали свои чемоданы и мѣшки, толкались и задѣвали другъ друга. Я прошелъ въ переселенческое управленіе, которое помѣщалось въ двухъ шагахъ отъ станціи, и черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденіи русскаго переводчика Деррика отправился осматривать эмигрантскій домъ, гдѣ наиболѣе бѣдные изъ пришельцевъ получаютъ даровой пріютъ на первыя недѣли. Деррикъ тоже былъ довольно любопытенъ. Въ виду наплыва галицкихъ и русскихъ переселенцевъ канадское правительство завело соотвѣтственныхъ переводчиковъ во многихъ городахъ по линіи желѣзной дороги. Между ними попадаются удивительные типы. Я видѣлъ, напримѣръ, переводчика-латыша, бывшаго городского, изъ Митавы, который говорилъ на особомъ чухонско-русскомъ діалектѣ и между прочимъ упрямо называлъ барановъ баранками. Большая часть переводчиковъ, впрочемъ, происходитъ изъ Галиціи. Все это неудачники, которые не сумѣли пристроиться ни къ какому болѣе прибыльному дѣлу и пошли на мелко-чиновничій, сравнительно плохо оплачиваемый трудъ.

Деррикъ былъ родомъ изъ Ксломіи и первона-

чально воспитывался въ семинаріи, намѣреваясь избрать духовное поприще. Но въ одномъ изъ послѣднихъ классовъ съ нимъ произошла „непріятность приватнаго свойства“, по его собственному краткому выраженію, и ему пришлось уѣхать изъ Галиціи. Онъ попалъ въ Вѣну, потомъ въ Парижъ и постепенно добрался до Западной Канады. Въ Виннипегѣ онъ прожилъ уже лѣтъ восемь и перепробовалъ много поприщъ, было даже секретаремъ мѣстной группы „рыцарей труда“, основанной другимъ русскимъ переселенцемъ, Макарскимъ, но вскорѣ вышелъ изъ нея съ нѣкоторымъ трескомъ и пошелъ на казенную службу. Теперь у него, впрочемъ, были жена и четверо дѣтей, и мысли его были направлены только къ тому, чтобы упрочить свое положеніе на этомъ временно созданномъ мѣстѣ. По русски онъ говорилъ плохо и употреблялъ невпопадъ простонародные обороты, заимствованные отъ духовоборовъ, которые постоянно приходятъ въ Виннипегъ на заработки. Деррикъ довелъ меня до дверей эмигрантскаго дома и ушелъ назадъ. Ему нужно было написать цѣлую груду актовъ объ отводѣ земли русинскимъ переселенцамъ, которые выбрали себѣ малоплодородные участки, лежащіе у самаго города, но до сихъ поръ не находившіе охотниковъ.

Эмигрантскій домъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ барачковъ. Одинъ — побольше и почище — назначался для болѣе культурныхъ переселенцевъ изъ Англіи и Скандинавскихъ государствъ. Въ немъ стояли кровати, застланныя простынями, и деревянные столы. Жильцовъ, однако, не было, ибо среди англо-скандинавскихъ пришельцевъ полные бѣдняки рѣдки. Кромѣ того, и англичане, и скандинавы

питають закоренѣлую ненависть ко всякаго рода казеннымъ помѣщеніямъ.

Другой баракъ назначался для восточныхъ варваровъ. Онъ былъ очень грязенъ, и вся мебель его состояла изъ деревянной лавки со сломанною ногой, которая была прислонена къ стѣнѣ и укрѣплена подставленнымъ снизу чурбаномъ. Груда соломенныхъ тюфяковъ была свалена въ углу. Полъ, навѣрное, не былъ мытъ со времени постройки, и досчатые стѣны были испещрены слѣдами раздавленныхъ клоповъ. Къ моему удивленію, все населеніе барака состояло изъ малороссовъ изъ-подъ Полтавы, которые пріѣхали сюда нѣсколько дней тому назадъ и пока пріютились въ эмигрантскомъ домѣ. Ихъ было три семьи. Мужчинъ не было, они ушли на работу. Одна изъ функций переселенческаго управленія — отыскивать работу своимъ кліентамъ, и оно исполняетъ ее чрезвычайно быстро и успѣшно. Такимъ образомъ, черезъ двѣ-три недѣли эмигрантъ уже получаетъ возможность занять собственную квартиру, и держать его въ казенномъ клоповникѣ нѣтъ болѣе основанія.

Группа женщинъ сидѣла на полу, собравшись въ кружокъ, и пила чай. Скатертью имъ служилъ головной платокъ одной изъ нихъ, которая сидѣла простоволосая, съ чайникомъ въ рукахъ и ребенкомъ на колѣняхъ. Рядомъ сидѣла другая, подобравъ ноги и сгорбившись надъ своей грубой глиняной чашкой. Она была еще совсѣмъ молодая, и лицо у нея было странное, — узкое, съ большимъ лбомъ и строгимъ выраженіемъ. Глаза у нея были выцвѣтшіе, прищуренные, очевидно больные. Они постоянно смотрѣли внизъ и даже въ разговорѣ почти никогда не обращались на лицо собесѣдника. Выходило, какъ

будто эта женщина разговариваетъ сама съ собой или съ кѣмъ-то невидимымъ, кому она не рѣшается посмотреть въ глаза.

Множество ребятишекъ, маленькихъ, грязныхъ, полунагихъ, ползали во всѣхъ углахъ и кувыркались на грудѣ рухляди. Ихъ было такъ много, что они скрадывали пустоту барака и какъ-то придавали ему жилой видъ.

— Чьи же эти дѣти? — невольно спросилъ я, когда нѣсколько оборванцевъ, свившись въ живой клубокъ, скатились съ груды тюфяковъ, прямо мнѣ подъ ноги, не переставая на ходу тузить и щипать другъ друга.

Женскій кружокъ тотчасъ же вывелъ меня изъ недоумѣнія.

— У мене шестеро, — сказала простоволосая баба, — тутай въ Мелигранѣ. Та двое на улицѣ, та одинъ съ батькомъ ушелъ.

— Та и у меня тоже девять, — сказала ея со-сѣдка съ лѣвой стороны, толстая, съ краснымъ лицомъ, одѣтая съ патріархальною простотой, въ длинную холщевую рубаху, подпоясанную шерстянымъ гайтаномъ. — У Дуни тоже девять, — прибавила она. — Все здися въ Телеграмѣ.

Она ткнула пальцемъ въ грудь третью участницу кружка, маленькую сморщенную старушенку, потомъ указала рукой въ уголъ на группу копошившихся ребятишекъ. Мелигранъ и Телеграмъ, очевидно, составляли видоизмѣненіе непривычнаго слова эмигрантъ и обозначали эмигрантскій баракъ.

Молодуха съ больными глазами помолчала, не поднимая глазъ съ земли.

— А у мене нема ни одного, — наконецъ сказала она. — Ни дѣтей, ни чоловіка!.. Я сама одна!..

— Ото! — сказала простоволосая. — Тожъ тобі ладнійше одъ насъ (тебѣ лучше, чѣмъ намъ)!..

— Біда съ дітми на чужій стороні! — пояснила она, обращаясь ко мнѣ. — Та ще и въ дорозі, на чугунці тій... Хто плаче, хто гомонить, хто істи просить. А я имъ кажу: цытьте, діти, бо вкину подъ рейки, тутъ васъ машина и задавить (молчите, дѣти, не то кину на рельсы, тутъ васъ машина и задавить)!

— Ни! — сказала молодуха упрямо и просто. — Чоловікъ да дитина-то наймыльше одъ усего!..

— А на судні еще хуже, — продолжала просто-волосая перебирать свои воспоминанія. — Блюють. Судно качае: бухъ, бухъ, бухъ! А я имъ кажу: цытьте, діти, бо вкину въ воду — то вони и замовчать!

Она говорила удивительно ровнымъ, почти безучастнымъ голосомъ. Очевидно, слезы, голодъ и готовность броситься въ воду или на рельсы поѣзда вошли въ житейскій обиходъ этой группы странницъ, и онѣ не видѣли во всемъ этомъ ничего особенно необыкновеннаго.

— У мене бувъ чоловікъ, — сказала молодуха, продолжая думать о своемъ, — да его въ москаляхъ спекли, въ Палтангурѣ. Потимъ того кажуть, ступай домой! Тамъ духъ легкій, — вылічишься! А одъ же не вылічився, померъ.

Въ комнатѣ стало какъ-то тоскливо послѣ этихъ немногихъ словъ.

— А что, не скучно вамъ объ родномъ мѣстѣ? — спросилъ я по невольной ассоціаціи идей.

— Сумно? — переспросила простоволосая. — Зачѣмъ намъ сумовать? Можетъ, здѣсь лучше будетъ.

— Вездѣ Божья земля! — подхватила баба въ холщевой рубахѣ. — Насъ вонъ сосѣди съ села не пускали. Куда, говорятъ, ѣдете? На гибель ѣдете! И агентъ жидовскій... Вкинуть васъ жида въ воду, не довезутъ до мѣста... А все-же-таки довезли!

Молодуха не сказала ничего и вдругъ заплакала своими большими, наполовину незрячими глазами, и эти молчаливыя слезы были краснорѣчивѣе самаго подробнаго отвѣта.

Пятая женщина, одѣтая нѣсколько получше, сидѣла съ другого края группы. Это была гостья, жившая на вольной квартирѣ и пришедшая въ „Мелигранъ“ навѣстить своихъ товарокъ.

— Христина!.. Ильпинская!.. — укоризненно заговорила она. — Та яка-жъ ты дурна!.. Здѣсь вѣдь справди лучше... — Вотъ я портомойница, платя мѡю, — продолжала она, — полтретья доляра на два дні заробляю... Да еще піду, а пані спросить: „А паляница (хлѣбъ) у тебе есть?“ Я скажу: „Нема“, то она паляницу дастъ. А потомъ снова спросить: „А молоко у тебе есть?“ А я опять скажу: „Нема“. То она и молока дастъ.

— А по-каковски вы съ ней говорите? — поинтересовался я. — По-англійски?

— Отъ! — презрительно отозвалась гостья. — То бараняча мова: бя, бя! Я ии на розумъ не беру. А пані таки по-нашему молвить, по-руську. То наши земляки изъ Руссіи...

Портомойница имѣла въ виду русскихъ нѣмцевъ изъ Либавы и Саратова, которыхъ много въ Виннипегѣ и во всей Западной Канадѣ.

Большая часть живетъ очень зажиточно, особенно менониты, которые пришли сюда, когда страна была еще пуста, и могли выбрать лучшую землю.

Тѣ, которые остались въ городахъ, стали домовладельцами и купцами. Изъ позднѣйшихъ пришельцевъ многіе успѣли предварительно совсѣмъ обрусѣть и до сихъ поръ охотно говорятъ по-русски.

Часы пробили шесть. Рабочій день былъ оконченъ, и мужчины одинъ-по-одному стали собираться въ переселенческій баракъ. Пришелъ менонитскій проповѣдникъ, рыжій и приземистый, въ башмакахъ, огромныхъ, какъ лодки, и съ громаднымъ сѣрымъ цилиндромъ на головѣ, похожимъ на печную трубу. Онъ говорилъ по-нѣмецки, но все-таки часто вставлялъ въ рѣчь ломанія русскія слова. Онъ разсказалъ мнѣ, что нарочно пріѣхалъ изъ своей деревни за 30 миль отъ города и что на-завтра онъ собирается проповѣдывать въ баптистской молельнѣ, куда сходились для молитвы почти всѣ русскіе переселенцы. Молельня эта, по его словамъ, приобрѣла совершенно международный характеръ, и даже англійскіе члены конгрегаціи учатся распѣвать русскіе гимны вмѣстѣ съ переселенцами. Вслѣдъ за нѣмцемъ прошелъ какой-то старый полякъ или литвинъ, пьяный, истерзанный, безъ сюртука и съ бутылкой рома въ карманѣ. Голова у него была бѣлая, какъ лунь, но онъ держался пѣтушкомъ и даже отпускалъ довольно вольныя шутки. Женщины относились къ нему съ неистощимымъ терпѣніемъ.

— Выпилъ, старый! — добродушно говорили онѣ и очень скоро уложили его спать въ углу на тюфякахъ, прикрывъ его какой-то пестрой попоной, изображавшей одѣяло.

Большая часть пришедшихъ все-таки были русскіе. Они явились, какъ были на работѣ, въ грязныхъ холщевыхъ рубахахъ и съ руками, запачканными въ глину. Все это были, очевидно, но-

вички; даже ихъ рабочая одежда имѣла характерный русскій покррой и отличалась отъ американской. Картузы у нихъ были русскіе съ кожанымъ козырькомъ и ватнымъ подбоемъ. Нѣкоторые были совсѣмъ безъ шапокъ. У одного на головѣ красовался бѣлый гречневикъ совсѣмъ архаическаго вида.

Въ баракѣ, впрочемъ, не на чемъ было даже присѣсть.

— Пойдемъ лучше къ намъ! — предложилъ Капустинскій, рослый и костлявый портной, который жилъ въ Виннипегѣ уже третій годъ и имѣлъ болѣе постоянное обиталище, чѣмъ другіе.

Жилище Капустинскаго было на другомъ концѣ главной улицы. Онъ занималъ нижній этажъ полуразрушеннаго дома, въ верхнемъ этажѣ котораго находился складъ старой мебели. Внизу было такъ сыро и темно, что мы даже не подумали войти внутрь его и усѣлись на дворѣ на обрубкахъ бревенъ, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ.

И здѣсь было много ребятишекъ. Они копошились у задней стѣны, на кучѣ песку за бревнами.

На мой вопросъ Капустинскій объяснилъ, что у него тоже девять дѣтей. Это, повидимому, было установленное число. Кромѣ собственныхъ дѣтей у Капустинскаго были два племянника и два пріемыша, и вся семья состояла изъ пятнадцати человѣкъ.

Гости продолжали подходить. Одни изъ нихъ только что побывали на рѣкѣ, чтобы смыть рабочую грязь, и волосы ихъ лоснились отъ сѣраго мыла. Трое сыновей Капустинскаго пришли вмѣстѣ. Они были почти совсѣмъ мальчики, и всѣ казались одного возраста. Съ ними пришелъ и старшій пріемышъ, высокій и крѣпкій, но съ меланхолическимъ выраженіемъ лица. Онъ не успѣлъ вымыться, и даже въ

волосахъ его налипли кусочки сѣрой глины. Придя во дворъ, онъ немедленно вытащилъ изъ-за голенища истрепанную книжку и, усѣвшись на брезвѣ, принялся за чтеніе. Мало-по-малу во дворъ собралось около тридцати человѣкъ.

— Какъ это вы пріѣхали сюда? — задалъ я стереотипный вопросъ этой русской толпѣ, успѣвшей перебраться на совсѣмъ новую почву.

— А такъ и пріѣхали! — отозвался приземистый человѣкъ въ холщевыхъ штанахъ съ мотней и въ короткомъ жилетѣ, составленномъ изъ разноцвѣтныхъ заплатъ. — Изъ-подъ Полтавы... Тѣсно въ Полтавщинѣ. Затѣсненная земля...

— А на какія деньги? — спрашивалъ я.

Пестрый жилетъ не отвѣчалъ.

— Скажи ты, Грынь! — обратился Капустинскій къ своему сосѣду, небольшому человѣку съ бѣлокурой бородкой и свѣтло-голубыми глазами. Онъ держалъ въ рукахъ пилу, какъ эмблему своего ремесла.

— Какія наши деньги? — сказалъ Грынь. — Помогали одинъ другому, у кого чѣмъ было... Кто шматокъ земли продалъ. Въ Полтавщинѣ каждый кавалокъ земли — сто — двѣсти карбованцевъ, не такъ, какъ здѣсь. У кого хата была, у кого корова, — все деньги.

— Мнѣ вотъ братья помогли, — прибавилъ онъ. — Ты, говорятъ, холостой человѣкъ, испытай тую Америку, какая она для людей. Если понравится тебѣ, напиши; пріѣдемъ и мы...

— Что же вы, написали? — спросилъ я.

— Я еще денегъ не заробивъ! — отозвался Грынь. — Надо долга отдать, а то на слово не повѣрятъ!

Я не вполне понялъ, имѣлъ ли рассказчикъ въ виду братьевъ по крови или по вѣрѣ, но это, по-видимому, были люди недовѣрчивые, которые не хотѣли пускаться на невѣрное предпріятіе.

— Мы тоже другъ-другу помогали! — сказалъ пестрый жилетъ.

Очевидно, тутъ было нѣсколько группъ, пріѣхавшихъ въ разное время.

— А то!.. Въ Писаніи сказано: помогай ближнему до семи разъ и еще семь разъ семь. Кто есть ближній? Перво — своя родина (собственные родные), потомъ — своя вѣра, потомъ — всѣ люди. То мы и помогали поэтому.

— А ни? — возразила портомойница на это своеобразное богословское заявленіе. Она вмѣстѣ съ Христиной послѣдовала за мужчинами. — Надо всякаго миловать ровно. Вотъ съ нами на пароходѣ жида ѣхали, пять семей. Какія были деньги, все отдали на машину да на билетъ. А потомъ какъ засѣли въ Емигрантъ (она нѣсколько запнулась, но выговорила это слово правильнѣе другихъ), йисти нечего у нихъ. То мы имъ по доллару на день давали отъ своего имѣнія. Только бы не засохли они съ голода. Ой, бѣдненькіе, даже взгадывать худо такую бѣду! Плачутъ, руки цѣлуютъ, въ ноги кланяются. А мы имъ говоримъ: „Не намъ кланяйтесь, а Тому, Кто дае и вамъ, и намъ, на общую долю“.

— А гдѣ лучше жизнь? — задалъ я другой стереотипный вопросъ.

— Та щожъ? — отозвался съ другой стороны двора мрачный, очевидно пессимистическій голосъ. — Бѣдному человѣку вездѣ худо, хоть сквозь землю пройди. Да хоть и въ Канадѣ этой, работай, какъ черный волъ, даже рубашка не обсыхаетъ.

— Опять закаркалъ! — съ неудовольствіемъ возразилъ человѣкъ въ пестромъ жилетѣ. Приравнявъ злото до блота... Какая намъ жизнь была, какъ воробью при дорогѣ. Кто схвативъ, тотъ и сдушивъ. А здѣсь наша заработка два долѣра на день!

Пестрый жилетъ, очевидно, былъ оптимистомъ и поклонникомъ канадской жизни.

— А земля крѣпкая, какъ глей, — настаивалъ пессимистъ. — Ея и лопата не беретъ. Въ Полтавѣ чѣту такой крѣпкой земли. Работа легче...

— Легче! — съ негодованіемъ передразнилъ оптимистъ. — А курицу выгнать негдѣ. Вотъ она какая легкость. А здѣсь заплати десять долѣровъ и бери пятьдесятъ десятинокъ, еще съ прибавой.

— А за четвертакъ — лѣсу на постройку и топку! — подхватилъ другой голосъ. — Гдѣ еще есть на свѣтѣ такая благодать?

Вмѣсто земляныхъ работъ мысль ихъ перескочила на земельные надѣлы, и они перебирали условія отвода казенныхъ участковъ, которыя дѣйствительно даютъ каждому способному основать хозяйство 160 акровъ земли и необходимое количество лѣса, со взносомъ десяти долларовъ за участокъ.

— А порядокъ какой! — продолжалъ пестрый жилетъ. — Сомнѣваешься въ чемъ, такъ вонъ полицменъ стоитъ, подойди и спроси. Онъ тебя не ударитъ, не обругаетъ.

— Они даже по-нашему говорить стали! — подхватила портомойница.

— На той недѣлѣ я одного спросила, гдѣ тутъ большой красный домъ? Бѣлье я несла, да адресъ запутала. А онъ отвѣчаетъ по-нашему, по-русски, да такъ чисто: „Передъ домомъ стоишь, тетка, а сама спрашиваешь!“

— Знають англики, — разсудительно сказалъ Грынъ, — что русскому некогда учиться. Оттого и сами учатся по-нашему.

Эту полулегенду о томъ, что городовыхъ въ Виннипегъ обучаютъ русскому языку, я слышалъ не одинъ разъ, и она показываетъ, какъ много довѣрія питають русскіе переселенцы къ правительству своей новой родины.

— А мы не пойдемъ на землю! — отозвался одинъ изъ молодыхъ Капустинскихъ изъ своего угла.

— А лысый съ вами, не ходите! — сказалъ пестрый жилеть.

— А отчего?

— Ванька говорить, — вмѣшался старый Капустинскій безпристрастнымъ голосомъ, — намъ и въ городъ хорошо... У насъ вѣдь шесть человѣкъ на работу ходятъ, — прибавилъ онъ уже самъ отъ себя. — Вѣдь это цѣлый капиталъ!

— А на землѣ будешь самъ себѣ хозяинъ! — возразилъ пестрый жилеть.

— Я и здѣсь буду хозяинъ! — сказалъ Капустинскій. — Вотъ куплю себѣ лотъ (участокъ) земли и построю домъ. Хлѣбъ, мясо здѣсь дешевы. Можно жить да Бога хвалить.

Это было неизбежное разслоеніе деревенскихъ и городскихъ элементовъ. Капустинскій, очевидно, уже накопилъ денегъ и выбиралъ для себя болѣе легкую жизнь въ городѣ.

— Въ деревнѣ пыль, жара! — сказалъ Ванька. — А у насъ дома какъ прохладно!..

Я только что прошелъ внутрь дома, чтобы напиться воды. Прохладное жилище Капустинскаго оказалось до такой степени грязно, что можно было

только удивляться, какъ люди могутъ жить среди такой обстановки. Вся мебель была изломана. Постель состояла изъ груды тряпья, еще болѣе грязнаго, чѣмъ въ эмигрантскомъ баракѣ. Женщина пеленала ребенка на обѣденномъ столѣ, и пеленки оставили слѣдъ рядомъ съ корками хлѣба и неубранной миской. За послѣдніе два года я совсѣмъ отвыкъ отъ такихъ картинъ и теперь съ содроганіемъ думалъ, что эти люди, живущіе въ такомъ смрадномъ логовищѣ, навѣрное, являются своего рода избранниками среди полтавскихъ крестьянъ и вдобавокъ имѣютъ запасъ денегъ въ банкѣ или въ кубышкѣ.

— А я пойду на село, я пойду! — громко заговорила Ильпинская. — Землю искать пойду! Мои братья фармы побрали. Я къ нимъ пойду, тоже фармисткой (фермершей) стану...

— Какая это земля? — продолжала она, очевидно, по адресу пессимиста, порицавшаго твердость канадской почвы, хотя глаза ея смотрѣли совсѣмъ въ другую сторону. — Глей? Ты знаешь? Это — золотая земля. Брось въ нее что хочешь, хоть картошку вареную, она все родить!..

— Братики, — продолжала она, обращая свои слова къ другимъ слушателямъ, — я была тутъ у Галиціанки на фермѣ. Ухъ, грекъ ее бей! Вотъ хозяйство! Одного маку цѣлый загонъ. Въ полтавщинѣ хлѣба столько не сѣютъ. Рѣдка — по человѣчьей головѣ. Картошку не могли всю выкопать...

Приемышъ Капустинскаго поднялся мнѣ навстрѣчу съ книжкой въ рукахъ.

— Что такое залогъ? — спросилъ онъ. — Куда его залагаютъ? — Я посмотрѣлъ книжку. Это былъ дешевый русско-англійскій самоучитель, мало-понятный даже для болѣе культурнаго читателя. —

Еще вотъ видъ, это что, паспортъ? — продолжалъ бѣдный мученикъ грамматики. — А по-англійски какъ?

— У, русскій дурень! — немедленно подхватилъ Ванька. — По-англійски нѣтъ паспортовъ...

— А вы сами кто? — огрызнулся приемышъ, складывая книги.

— Мы — англики! — убѣжденно сказалъ Ванька.

— Дурни англійскіе, — подтвердилъ приемышъ, вынимая изъ кармана листокъ бумаги и обломокъ карандаша.

— Какъ это вы англики? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Конечно, — сказалъ Ванька. — Мы всю зиму въ школу ходили, — не то что Опанась!

— We are english (мы англичане)! — произнесъ онъ довольно правильно, но съ акцентомъ, болѣе приличнымъ для татарскихъ, чѣмъ для англійскихъ звуковъ. — Нась и англійскіе ребята къ себѣ принимаютъ.

— Опанась — лобомъ трясъ! — со смѣхомъ сказалъ другой Капустинскій, задирая въ свою очередь приемыша.

— Опанась! Лови свиней, а не насъ! — подхватилъ третій мальчикъ.

Опанась поднялся съ мѣста и подошелъ къ обидчикамъ.

— Если вы такіе умные съ братами, — сказалъ онъ, подавая Ванькѣ листокъ, исписанный неровнымъ почеркомъ, — нате ка, прочитайте.

Мальчикъ съ недоумѣніемъ повертѣлъ листокъ и передалъ его брату.

— Чертъ тебя знаетъ, что ты тутъ надрыпавъ! — проворчалъ онъ презрительно, немного смущеннымъ голосомъ. — Глупство, должно быть.

На листкѣ было написано:

„Жокике уфпакъ, татъ я ниву окшекъ анчриплтіе цумпи“.

— Ага, не понимаешь! — съ торжествомъ сказалъ Опанась. — Это — тарабанска грамота.

— Это я написалъ, — обратился онъ ко мнѣ. — Хотите узнать, какъ я пишу отвѣтъ, англійскіе дурни?

Тарабанская грамота была очень наивнаго свойства, ибо она сохраняла всѣ первоначальныя гласныя, и при самомъ маленькомъ навыкѣ ее можно было читать, какъ открытую книгу.

Но Опанась, очевидно, былъ другого мнѣнія.

— А я тебя вотъ что спрошу, — прибавилъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ: — ты, можетъ, въ Кобеляки поѣдешь?

— Наврядъ ли! — сказалъ я. — А что?

— Зачѣмъ наврядъ? — убѣждалъ меня мой собесѣдникъ. — Ты лучше поѣзжай въ Полтаву и въ Кобеляки!..

— Зачѣмъ же мнѣ ѣхать? — переспросилъ я, не понимая, куда онъ мѣтитъ.

— Ну, вотъ, — сказалъ Опанась. — Я бы съ тобой письмо написалъ, такое, тарабанское... Цѣлѣ было бы!..

Хозяйка собрала ужинъ для своей семьи, и гости одинъ за другимъ стали расходиться. На-завтра было воскресенье, и Капустинскій пригласилъ меня посѣтить международную молельню, но я отговорился недосугомъ. На слѣдующее утро вождь духоборовъ, Петръ Веригинъ, долженъ былъ проѣхать черезъ Виннипегъ, и я намѣревался провести этотъ день съ духоборами, которые составляютъ въ Виннипегѣ со-всѣмъ отдѣльный кругъ отъ малорусскихъ баптистовъ.

Когда въ воскресенье утромъ я вышелъ изъ дома, было еще очень рано. День былъ тихій и теплый,

какіе наступаютъ въ сѣверныхъ степяхъ только въ серединѣ лѣта, когда земля совсѣмъ разогрѣется и разомлѣетъ и примется переливать свои лучшіе соки въ зеленныя жилы молодаго урожая. Воздухъ былъ ясенъ и неподвиженъ. Даже молодыя деревья на бульварѣ стояли не шевелясь и лѣниво подставляли свои листья подъ возрастающіе потоки свѣта и тепла.

Какая-то торжественная тишина стояла надъ бойкимъ Виннипегомъ. Это было начало воскреснаго отдыха, соннаго, лѣниваго, полулетаргическаго, который, повидимому, совершенно необходимъ англосаксонскому Западу послѣ лихорадочнаго напряженія недѣльной работы. Прохожихъ на улицѣ было совсѣмъ мало. Я постоялъ на углу, дожидаясь трамвая, но ни одинъ вагонъ не показывался на этомъ обыкновенно столь оживленномъ перекресткѣ. Я обратился съ вопросомъ къ одинокому старику, который медленно переходилъ съ одного угла на другой, но вмѣсто отвѣта онъ неодобрительно покачалъ головой.

— Мы въ Канадѣ всѣ любимъ отдыхать, — сказалъ онъ, наконецъ, въ видѣ объясненія, — и мы очень довольны этимъ!

Я пересталъ дожидаться трамвая и пошелъ по тротуару рядомъ со старикомъ.

— Вы съ Востока? — спросилъ онъ, глядя на мои сапоги.

Я отвѣчалъ утвердительно. По дорогѣ, въ Монреаль, я купилъ себѣ сапоги, и, вѣроятно, они были слишкомъ новы для моего остальнаго костюма.

— Господь Богъ создалъ воскресенье для всѣхъ, — строго продолжалъ старикъ, — а въ томъ числѣ и для машинистовъ на трамваѣ.

Это было все-таки, по англо-саксонской мѣркѣ, необыкновенное проявленіе общительности, ибо ста-

рикъ обращался ко мнѣ уже въ третій разъ, но насъ было только двое на улицѣ, и ему, видимо, хотѣлось завязать приличный разговоръ въ благочестивомъ воскресномъ стилѣ.

У меня, однако, не было никакого желанія выражать своему новому собесѣднику. Я всегда держался того мнѣнія, что если палестинская „черта осѣдлости“ съ ея неугомоннымъ религіознымъ горниломъ дѣйствительно сдѣлала человѣчеству серьезный и цѣнный подарокъ, то этимъ подаркомъ является еженедѣльный субботній юбилей. Господь Богъ въ своей неизреченной благодати трудился надъ созиданіемъ міра только шесть дней, въ седьмой же день почилъ отъ трудовъ; „князья земли сей“ волей-неволей должны были послѣдовать примѣру Господа и разрѣшить своимъ бѣлымъ, желтымъ и чернымъ рабамъ эту столь безразсудно-непроизводительную затрату седьмой части всего рабочаго времени. Еженедѣльный отдыхъ есть лучшее наслѣдство, которое досталось современному человѣчеству отъ сѣдой древности, и для того, чтобы закрѣпить его, понадобились синайскій громъ и двѣ пары каменныхъ скрижалей. Я вполне убѣжденъ, что безъ прямого приказанія свыше самая идея о немъ даже теперь, въ началѣ двадцатаго вѣка, показалась бы современнымъ жрецамъ и архонтамъ соблазнительной и волнующей умы. Въ лучшемъ случаѣ ее пришлось бы поставить въ программѣ minimum прежде восьмичасоваго рабочаго дня, и исторія была бы еще на нѣсколько вѣковъ сзади.

Улица свернула влѣво и привела насъ на берегъ рѣки къ огромному парку, составляющему лучшее украшеніе города Виннипега. Это былъ первобытный лѣсъ, почти не тронутый и только слегка под-

чищенный въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, такъ, чтобы не испортить его растрепанной и небрежной красоты. Я прошелъ по узкой дорожкѣ, протоптанной въ толстомъ слоѣ опавшихъ листьевъ, и выпелъ на рѣку. Она катилась широко и красиво, и какъ-то не хотѣлось вѣрить, что эта живая сила уходитъ на сѣверъ къ заброшенному озеру и къ вѣчно окруженному льдами заливу Полярнаго моря.

Здѣсь, вблизи городской черты, въ предѣлахъ этого прекраснаго естественнаго парка рѣка Ассино-боинъ дышала мирнымъ оживленіемъ. У каждой стрѣлки были привязаны лодки, увѣшанныя разнообразными снарядами любительской рыбной ловли, оставленными съ вечера; мелкіе островки, лѣпившіеся у береговъ, были какъ будто привязаны къ нимъ линіями узкихъ мостковъ съ деревянными перилами и даже съ проволокой телефона, переброшенной взадъ и впередъ. Я взглянулъ впередъ и сталъ понимать, почему городъ Виннипегъ выглядѣлъ такъ безлюдно въ это воскресное утро. По всей безконечной полосѣ прибрежнаго парка были разбросаны палатки, перемежку съ утлыми избушками, сколоченными изъ барочныхъ досокъ. Это былъ настоящій дачный городъ, населенный рабочими, приказчиками и другими мелкими людьми. Они вели здѣсь идиллическую жизнь, выбирая себѣ на городской землѣ облюбованный участокъ и устраиваясь на немъ по собственному благоусмотрѣнію.

Нѣкоторые изъ дачниковъ, видимо, старались устроиться поудобнѣе. Деревянные стѣны ихъ жилищъ были окружены кокетливыми полотняными навѣсами. Впереди, на расчищенной площадкѣ, стояла чугунная плита американскаго образца со всѣми новѣйшими ухищреніями и добавочными приспособле-

нiями, и ея высокая труба, поднимавшаяся среди деревьевъ прямо подѣ открытомъ небомъ, напоминала фабрику, уменьшенную до удобопереносимыхъ размѣровъ и приспособленную для домашнихъ удобствъ. Около печки помѣщалась полѣнница сосновыхъ дровъ, даже груды угля; цвѣтные гамаки висѣли на деревьяхъ, и на самомъ видномъ мѣстѣ красовался Union Jack, а въ русскомъ вольномъ переводѣ — Союзный Ванька, — національный флагъ, безъ котораго не обходится въ Америкѣ ни одна порядочная усадьба.

Большая часть дачниковъ предпочитала, однако, первобытную жизнь лѣтняго кочевника, столь пространенную во всѣхъ предѣлахъ американскаго континента. Просторныя палатки были укрѣплены на грубо отесанныхъ кольяхъ. Предъ входомъ было мѣсто для костра, съ деревяннымъ треногомъ для котла, какъ устраиваетъ его до сихъ поръ индiйскiй охотникъ, и даже топливо состояло изъ груды хвороста, котораго до сихъ поръ было много въ этомъ прибрежномъ лѣсу.

Двѣ линiи желѣзныхъ рельсовъ проходили сквозь этотъ полотняный поселокъ, и жители его могли съ удобствомъ ѣздить въ Виннипегъ для работы и покупокъ. Впрочемъ, въ дачномъ городѣ были собственныя лавки и даже первобытный театръ, передѣланный изъ стараго сарая. Здѣсь упражнялись по субботамъ мѣстные любители, разыгрывая героическiя сцены изъ послѣдней бурской войны, въ которой Канада принимала такое живое участiе.

Дачный городъ раскинулся такъ широко, что я предпочелъ вернуться съ полдороги и отправился обратно въ Виннипегъ вдоль того же рѣчного берега. Населенiе стало просыпаться. Въ одномъ углу мужчина рубилъ дрова, а женщина раскатывала на

желѣзномъ листѣ тѣсто для лепешекъ. Въ другомъ углу жарили шашлыкъ, пекли картофель въ золѣ, перепекали сухой маисъ на чугунной сковородкѣ. На берегу рѣки веселая компанія пекла на палочкахъ мелкую, повидимому только-что пойманную рыбу. Стаи ребятишекъ купались или возились на пескѣ, устраивая послѣ утренней ванны атлетическія игры; другая веселая компанія, вся безъ сюртуковъ и жилетовъ, уже пила пиво на открытомъ воздухѣ, черпая его ковшикомъ изъ деревяннаго боченка. Всѣ эти люди, очевидно, умышленно старались жить попроще и послѣ прозаической недѣльной работы въ пыльных мастерскихъ и конторахъ находили особенное удовольствіе разыгрывать сельскихъ Робинзоновъ на мирномъ лонѣ подгородной природы.

Паркъ заканчивался широкимъ пустыремъ, на которомъ паслись лошади и коровы. Дальше начинался желѣзнодорожный лабиринтъ, заставленный ненужными вагонами, заваленный заржавленными частями какихъ-то разнообразныхъ машинъ, старымъ желѣзомъ и тому подобнымъ хламомъ. Я перешелъ по мосту черезъ Ассинобоинъ. Внизу, подъ откосомъ на небольшой площадкѣ, поросшей чахлою травой, бѣлѣло еще нѣсколько палатокъ. Передъ ними тоже теплились костры, возились люди, приготовляя пищу. Я спустился внизъ, чтобы посмотрѣть поближе на этотъ новый дачный поселокъ, умудрившійся прилѣпиться чуть не подъ самымъ мостомъ, въ центрѣ желѣзнодорожнаго хаоса.

Это была духоборская молодежь, занятая въ Виннипегѣ на лѣтнихъ заработкахъ. Ихъ было около пятидесяти человекъ, и вмѣсто того чтобы ютиться въ городѣ по англійскимъ харчевнямъ, они предпочли послѣдовать примѣру дачниковъ и отабо-

риться всѣмъ вмѣстѣ на вольномъ воздухѣ. Они выбрали себѣ мѣсто вблизи своихъ работъ, не желая тратить ежедневно по гривеннику на трамвай.

Это была вторая группа русскихъ людей, которую я встрѣтилъ въ Виннипегѣ, но они рѣзко отличались отъ хохлацкихъ земляковъ, бѣжавшихъ очертя голову изъ утѣсненной полтавщины и запачканныхъ до самой шеи въ канадскую глину. Здѣсь все были молодцы на подборъ, красивые, крѣпкіе, одѣтые въ чистое платье цивилизованнаго покроя и похожіе скорѣе на какое-то новое племя, которое еще не родилось, но должно родиться на Руси, провѣяться на элеваторѣ, который перетряхаетъ русскую сырую рожь до самаго дна мѣшковъ и обдуваетъ ее со всѣхъ сторонъ теплымъ и вольнымъ воздухомъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Канадѣ они уже выглядѣли совсѣмъ старожилami и хлопотали вокругъ своего лагеря подъ мостомъ съ такою увѣренностью, какъ будто это мѣсто было занято еще ихъ дѣдами и отцами. Палатки у нихъ были такія же бѣлыя и большія, какъ и у англійскихъ дачниковъ. Внутри земля была подкопана, уложена досками и укрыта одѣялами и простынями, такъ что образовались довольно удобныя кровати.

Завтракъ былъ готовъ. Духоборы немедленно усадили меня за столъ и сунули мнѣ въ руки точеную деревянную ложку издѣлія собственныхъ мастеровъ Канадской Духоборіи.

Я попробовалъ отговориться, но долженъ былъ уступить гостепрѣимству моихъ новыхъ знакомыхъ.

— Поѣшь съ нами борща! — настойчиво говорили они. — Полно тебѣ англійскимъ прѣснымъ хлѣбовомъ брюхо ополаскивать.

Духоборскій борщъ былъ горячій и густой, бит-

комъ набитый различными овощами и обильно заправленный коровьимъ масломъ. Я свелъ съ нимъ потомъ близкое знакомство во время своихъ странствованій по духоборскимъ селамъ.

— Чѣмъ намъ жить у англиковъ да платить по полудоляру на день, лучше же намъ варить себѣ по своему, — говорили духоборы. — Наше брюхо требуетъ другую пищу, — борщъ, квась, кашу, крутой хлѣбъ, все кислое да прочное.

Это была русская національная стихія, которая не хотѣла идти на компромиссъ съ американскимъ сладкимъ картофелемъ и слоенымъ пирогомъ изъ тыквы.

— Бѣда! — жаловались мнѣ потомъ члены духоборскаго комитета. — Приходится намъ по общественнымъ дѣламъ переѣзжать изъ города въ городъ. Конечно, заѣзжаемъ въ гостиницу; между прочимъ ѣда ихняя очень для насъ неподходящая. Мяса мы не ѣдимъ, одинъ хлѣбъ да картошку. Только деньги переводимъ зря. Пробовали мы уговаривать ихъ. Берите съ насъ только за ночлегъ, а объ ѣдѣ нашей не пекитесь. Мы себѣ будемъ свой борщъ варить, хоть въ полѣ на таганѣ. Не хотятъ ни за что. Подай имъ по два доллара въ день съ каждого человека. Теперь стали мы знакомцевъ заводить по городамъ. Такъ много легче!..

Мы разговорились съ духоборами, какъ будто старые пріятели, знающіе другъ друга уже Богъ знаетъ сколько лѣтъ.

Отъ этой группы русской простонародной молодежи, закинутой на другую сторону земного шара, на меня пахнуло яркимъ и простымъ очарованіемъ, какъ отъ полевыхъ цвѣтовъ, растущихъ среди преріи, которая открыла для нихъ свои гостепріимные пре-

дѣлы. Они дѣйствительно походили на цвѣты или на молодые плоды, еще покрытые первымъ дѣвственнымъ пушкомъ. Всѣ они были такіе славные, чистые, прозрачные, какъ стекло. Никто изъ нихъ не пилъ водки и не курилъ табаку. Уста ихъ не раскрывались для крѣпкихъ словъ, которыя считаются традиціонной принадлежностью русской народной рѣчи, даже въ полуофіціальномъ обиходѣ. За три года ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ столкновенія съ канадской полиціей, не сидѣлъ въ участкѣ, не судился у мирового судьи, однимъ словомъ, не продѣлывалъ всѣхъ тѣхъ прелестей, которыми такъ богата наша широкая всероссійская улица. Зато эти мужицкія дѣти, таскавшія землю и ворочавшія бревна въ канадскомъ городѣ, живо напомнили мнѣ нашу университетскую молодежь. У нихъ были такіе же чуткіе ко всему, интеллигентные души и умы, хотя около половины изъ нихъ были малограмотны, а другіе тоже не пошли дальше хрестоматіи и „Родного Слова“. Но учиться и мыслить можно не только по старымъ книжкамъ или даже по новѣйшимъ литографированнымъ лекціямъ.

Эти духоборскіе юноши выросли въ критическую эпоху, на поворотѣ жизни своего небольшого міра. Они скитались вмѣстѣ со своими отцами по холоднымъ грузинскимъ ауламъ, потомъ переѣзжали черезъ океанъ. Исторія выбросила ихъ вмѣстѣ со всей общиной прямо на безлюдную степь, гдѣ не было ничего, кромѣ сусликовъ и комаровъ, и въ минувшіе три года они работали больше и тяжелѣе всѣхъ, создавая матеріаль для новаго жизнестроительства. Вмѣстѣ со всей общиной эти молодые люди участвовали въ выработкѣ своеобразныхъ идеаловъ, которая совершается въ оригинальномъ русско-канадскомъ

околоткѣ, изо дня въ день и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ путемъ безконечныхъ бесѣдъ и сѣздовъ и непрерывной проповѣди, и неудивительно, что, вырастая на такой почвѣ, они привыкли къ каждому явленію подходить съ вопросомъ: зачѣмъ?

Они рассказали мнѣ много любопытнаго про устройство духоборской жизни. Сорокъ семь сель Юрктонскаго округа соединились всѣ въ одну большую общину, составили общую кассу и одно огромное хозяйство и для управленія имъ выбрали комитетъ изъ трехъ лицъ съ Петромъ Веригинымъ во главѣ. У новой общины были самыя широкіе планы насчетъ покупки машинъ и племеннаго скота, устройства общественныхъ складовъ, мастерскихъ и даже фабрикъ. Многое было уже осуществлено или на пути къ осуществленію. Главною помѣхой служилъ недостатокъ въ наличныхъ средствахъ для основного и оборотнаго капитала, ибо духоборы не привезли съ собой въ Канаду ничего, кромѣ долговъ. Чтобы сколько-нибудь пополнить свои нужды, община рѣшила отправить на заработки двѣ трети своего взрослого мужского населенія, что составляло больше тысячи человѣкъ. Остальная треть вмѣстѣ съ женщинами взяла на себя всѣ домашнія и полевые работы. Часть отхожаго контингента работала на подрядѣ, который община сняла на постройкѣ желѣзной дороги отъ Лебяжьей Рѣки къ городу Принцъ-Альберту. Другіе разошлись по ближайшимъ округамъ на три сотни миль въ окружности, занимаясь земляными работами, выдѣлкой кирпичей, постройкой домовъ, а въ страдную пору — также уборкой хлѣбовъ. Всѣ деньги поступали въ общую кассу, — и соединенная сумма заработковъ къ осени должна была достигнуть до ста тысячъ долларовъ.

юные подвижники именно затѣмъ и жили въ палаткахъ, сами варили себѣ щи и рассчитывали каждый центъ, чтобы сдѣлать свой взносъ по возможности побольше. Однако обязанности никакой не было. Кто хотѣлъ и считалъ нужнымъ, покупалъ себѣ платье, часы, даже гостинцы домашнимъ. Никто никого не усчитывалъ, но единодушiе было поразительное, и общiй результатъ превосходилъ всякое вѣроятiе. Единственное соперничество, которое существовало, состояло въ томъ, кто кого обгонитъ заработкомъ. Надо сказать, что оживленное время для заработковъ въ Канадѣ — весна и лѣто. Зимой все замираетъ, даже желѣзная дорога перестаетъ строиться. Молодые духоворы со вздохомъ рассказывали, что за всѣ четыре года они ни разу не видали, какъ растетъ трава на ихъ деревенскихъ поляхъ.

— Уйдемъ — черно и придемъ — черно! — жаловались они, — какъ-будто и не росло ничего, — или же бѣло. Наши деревенскiе уже стали кой-какую картошку и рѣпу въ землѣ оставлять до нашего прихода. Потѣшьте, говорятъ, вы, свѣжiй овощъ выдерните изъ гряды своими руками.

— Хорошо у насъ по деревнямъ! — мечтательно вспоминали молодые духоворы. — Теперь капуста уже завилась, дѣвки сѣно гребутъ, поютъ, должно быть. Такъ поютъ у насъ, — прибавляли они, — поле вздымается, небо на землю хочетъ упасть. Вотъ поѣдешь, самъ услышишь!..

Несмотря на эту меланхолю, они были настроены радостно и возбужденно и надѣялись, что благосостоянiе общины скоро встанетъ на прочную основу.

— Ничего! — утѣшали они сами себя, — только бы это лѣто намъ дотерпѣть. Сей годъ у насъ такiе посѣвы, что, если, дастъ Богъ, создастся урожай, на

будущую весну перестанемъ уходить, станемъ лучше прибавлять свое поле.

Я спросилъ у молодыхъ людей, въ которомъ часу долженъ пріѣхать Веригинъ.

— А вотъ кончимъ завтракъ и пойдемъ вмѣстѣ! — сказали они. — Пожалуй, что они уже пріѣхали, квартира-то ихняя на другомъ концѣ города. Молокане тутъ есть Казабовы, изъ армянъ, Петюшка къ нимъ всегда заѣзжаютъ!

Они говорили о своемъ руководителѣ во множественномъ числѣ, но въ то же время называли его уменьшительнымъ ласкательнымъ именемъ. Впрочемъ они относились и другъ къ другу съ такими же ласкательными обращеніями. Черезъ полчаса они передѣляли соотвѣтственно и мое имя и стали называть меня Володя и братецъ. О Веригинѣ они отзывались съ такой любовью, что ласкательное имя его получало въ ихъ устахъ совсѣмъ особенный характеръ.

— Какой человѣкъ, — неустанно повторяли они. — Ласковый, учительный, словоохотливый, ко всякому съ привѣтомъ, для всякаго съ помощью. Такого другого нѣту во всѣхъ духоборахъ.

Мы взобрались на верхъ и пошли по той же широкой главной улицѣ, сокращая время непрерывнымъ разговоромъ.

Больше всѣхъ говорилъ Миша Казаковъ, стройный, бѣлокурый, съ вьющимися кудрями и румянцемъ во всю щеку, поминутно вспыхивавшимъ и пропадавшимъ безъ всякой причины. Ему не могло быть больше восемнадцати или девятнадцати лѣтъ, и онъ походилъ на дѣвушку, переодѣтую мальчикомъ. Тѣмъ не менѣе, Миша завѣдывалъ паровиками на большомъ кирпичномъ заводѣ и зарабатывалъ больше ста долларовъ въ мѣсяцъ.

— И въ Канадѣ-то не все ровное! — говорилъ Миша. — Есть одно хорошее, а другое — худое... Вотъ, къ примѣру, англички нарекають на насъ, что мы хотимъ жить селами на обчинѣ. По-ихнему, каждый человѣкъ долженъ жить на своемъ участкѣ. А по-нашему, это — самое звѣрство. Потому что живетъ человѣкъ въ пустынномъ мѣстѣ одинъ въ родѣ звѣря... Еще другое. Семьистому человѣку поодиначкѣ жить не бѣда, а малосемейнымъ — худо. Захвораетъ если, никто, пожалуй, и не навѣдается.

— Вотъ я вамъ случай разскажу, — продолжалъ онъ. — Здѣсь фермы нарастають въ родѣ какъ пчелиный сотъ, рядышкомъ одна подлѣ другой. Кто позже всѣхъ пришелъ, тотъ садится съ краю, а дальше, конечно, лѣсъ, либо степь. Въ прошломъ году выѣхалъ англикъ одинъ тоже на ферму, бѣдненькій такой, маломочный, жена у него молодая и одинъ ребеночекъ грудной. Денегъ у нихъ нѣту, надо на работу идти. Вотъ онъ побился недѣли три, уладилъ для нихъ хибарку, изъ хвороста плетеную, самъ ушелъ на дорогу копать землю. Близко работу не нашелъ, послали его за триста миль на сторону. Написалъ домой письмо, отвѣта нѣтъ. Думаетъ: видно къ моему участку еще почта не прошла. А заработокъ хорошій. А дома у него тѣмъ временемъ хозяйка захворала или попритчилось чего. Никому, конечно, и горя нѣтъ, что вотъ не показывается человѣкъ. Да и не знаетъ никто. Этакъ недѣли черезъ три индѣи мимо шли ассинобойскіе, одна индѣйка зашла хлѣба вымѣнять. Перье они утиное собирають да на печеный хлѣбъ мѣняють, индѣи эти. Смотрятъ, а хозяйка-то ужъ холодная лежитъ, да и ребенокъ холодный, съ голоду видно замеръ...

Вотъ какъ выходить, ежели въ степѣ поодиначкѣ жить, — закончилъ Миша. — Наши живутъ гуртомъ, цѣпляются другъ за дружку, какъ репешочки.

— И въ городахъ у нихъ по-всякому, — продолжалъ Миша.

Съ непорочной высоты своихъ девятнадцати лѣтъ онъ подвергалъ окружающій міръ самой беспощадной критикѣ.

— Лучше, конечно, чѣмъ тамъ, а выходить одно на одно. Я же еще тамошняго не помню хорошо, — вставилъ онъ, — больше слыхалъ отъ старшихъ... А про здѣшнее скажу: если у кого денегъ нѣтъ, того считаютъ хуже грязи. А компанейщикъ Сипіаровъ всю округу въ рукахъ держитъ.

— Какой Сипіаровъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— S. P. R. Company, — объяснилъ Миша по-англійски.

Первыя три буквы обозначаютъ Canadian Pacific Railway (Канадская Тихоокеанская дорога) и произносится по-англійски си пи аръ. Духоборы безцеремонно передѣляли эти безличныя акціонерныя буквы въ жадное олицетвореніе канадскаго капитала, подъ именемъ компанейщика Сипіарова. Я сталъ спрашивать духоборскихъ юношей о городскихъ увеселеніяхъ и диковинахъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ бойкой столицѣ Западной Канады. Обыкновенно первобытные умы прежде всего увлекаются именно въ орбиту этихъ грязныхъ и грубо раскрашенныхъ приманокъ, и мнѣ было любопытно узнать, насколько эта свѣжая молодежь поддается такому непосредственному зрительно-слуховому влеченію.

Миша однако встрѣтилъ мои разспросы тѣмъ же самымъ непримиримымъ осужденіемъ.

— Театры? — говорилъ онъ, — а что въ нихъ смотрѣть? Мы пробовали, ходили. Только одна срамота. Парни да дѣвки ломаются. Безстыдники! — заключилъ онъ совсѣмъ по-дѣтски, и его румянецъ снова вспыхнулъ до самыхъ ушей. Повидимому, онъ вспомнилъ подробности своего личного опыта въ посѣщеніи какого-нибудь изъ виннипегскихъ кафе-шантановъ.

— Не говори! — вмѣшался другой духоборскій критикъ, по виду совсѣмъ подростокъ, еще моложе Миши. У него были веселые сѣрые глаза и пріятный, слегка картавый голосъ.

— Театры бываютъ разные. Вотъ я зимуся видѣлъ въ Менодозѣ, одинъ драмъ давали, какъ его, „Отеллу“, сочиненіе Шекспира, — сколь хорошо!.. Даже въ книжкахъ столь хорошо не пишутъ. Главный игральщикъ тамъ нигро, черень арапъ по-нашему, свою жену удушаетъ на сценѣ.

— Что же хорошаго! — угрюмо возразилъ Миша. — Значить, онъ убивецъ...

— Онъ не виноватъ! — горячо возразилъ защитникъ драмы. — Его злой челоуѣкъ подбилъ. Онъ потомъ съ горя самъ зарѣзался. Вѣрите, я ревмареуѣлъ отъ жалости! — простодушно признался онъ, обращаясь ко мнѣ.

Меня, однако, занимала совсѣмъ другая идея.

— Вы, значить, понимаете англійскій театръ? — спросилъ я молодого театрала.

— Понимаю! — скромно отвѣтилъ мальчикъ. — Я въ школѣ учился двѣ зимы, а кой-чему занялся отъ англійскихъ ребятъ.

Лица его товарищей покрылись улыбками.

— Ты говоришь по-англійски? — обращались они ко мнѣ наперерывъ.

— А ну, поговори-ка съ нимъ!

Мы заговорили по-англійски.

— И съ Мишенькой Казаковымъ! — поощряла публика. — Мишенька, ты чего!

Миша тоже вмѣшался въ разговоръ. Къ моему великому изумленію и даже стыду, эти духоворскіе ребятки, прожившіе въ Канадѣ неполныхъ четыре года, имѣли надо мной рѣшительное преимущество. Они употребляли болѣе правильные обороты, и въ особенности произношеніе ихъ было гораздо чище и ближе къ англо-саксонскому образцу.

— Видишь, какъ вы говорите, — не удержался я, — гдѣ это вы набрались?

— Отъ чего же намъ не говорить? — просто возразилъ Миша. — Англійскіе же ребята говорятъ.

Онъ, видимо, не понималъ моего удивленія. Но другой изъ его товарищей, высокій худошавый брюнетъ, съ энергичнымъ лицомъ смуглаго кавказскаго типа, понялъ.

— Правда, — сказалъ онъ, — есть изъ духоворскихъ ребятъ такіе, что имѣютъ умъ липкій. Охотятся учиться. Чтò увидятъ или услышатъ, перенимаютъ до разу.

— Мы что! — возразилъ Миша очень просто и скромно. — Мы всегда съ англичанами, имѣемъ случай. А вогу по селеніямъ есть тоже шустрые ребятки, ухъ азартные учиться. Зимой придемъ домой, какъ они начнутъ приставать, даже плачутъ иные. Учите насъ, чему сами знаете.

— Вотъ поѣдешь, увидишь самъ! — прибавилъ онъ въ заключеніе.

Я слышалъ эту фразу уже въ десятый разъ, и

она стала раздражать мое любопытство. Мнѣ захотѣлось поскорѣе попасть въ этотъ своеобразный міръ, гдѣ, повидимому, складывалась совсѣмъ новая русско-канадская жизнь.

Мальчикъ, защищавшій „Отелло“, неожиданно вернулся къ вопросу о зрѣлищахъ.

— Есть тутъ еще представленіе, — заговорилъ онъ, — Salvation-армія (армія спасенія)... Ходятъ по улицамъ въ мундирахъ, съ бубнами, съ музыкой. Потомъ станутъ на перекресткѣ, одинъ выйдетъ впередъ, начинается проповѣдь:

„Не ходите въ кабакъ, не пейте водку, отступитесь отъ своихъ грѣховъ. Спасеніе — простая штука. Богъ вамъ поможетъ. Я, говорить, тоже грѣшилъ, а потомъ пересталъ. Такъ и вы перестаньте!“...

Онъ пересказывалъ съ такимъ добродушнымъ и наивнымъ видомъ, что я не могъ разобрать его собственнаго отношенія къ проповѣди простого спасенія. Но слушатели разсмѣялись, и мое сомнѣніе исчезло.

— Намъ не очень нравитъ, — сказалъ Миша. — Эти мундиры, барабаны, флаги, зачѣмъ это? И проповѣдь ихняя: не разберешь, то ли они балагурятъ, то ли о дѣлѣ говорятъ. Опять же, гдѣ ни станутъ, сейчасъ послѣ проповѣди деньги собираютъ въ шапку, а то въ бубень. И такъ назойно пристають. „Намъ, говорятъ, надо на бѣдныхъ“. Будто безъ этихъ денегъ нельзя людямъ помогать.

— Съ вѣтру они говорятъ! — сказалъ брюнетъ. — Не пей водку, не грѣши. Кто же этого не знаетъ? А ты самъ загори, тогда и другаго обожжетъ.

Взглядъ его вспыхнулъ, голосъ сталъ глуше и проникновеннѣе, какъ-будто онъ собирался тотчасъ

же осуществить свой вызовъ и сдѣлать попытку „глаголомъ жечь сердца людей“ въ стилѣ пушкинскаго „Пророка“.

Это была живая иллюстрація къ описанію такъ-называемаго крестоваго похода духоборовъ, которое обошло всѣ американскія газеты осенью 1902 года. Огонь духоборскаго ученія, очевидно, еще горѣлъ пламенемъ, раскаленнымъ до-бѣла, если даже эти зеленые юноши, пришедшіе сюда на заработки и таскавшіе глину на плечахъ въ шесть дней недѣли, на седьмой день вмѣсто отдыха загорались жаждой проповѣди при каждомъ случайномъ поводѣ. Но въ этой кучкѣ молодыхъ духоборскихъ рабочихъ, несмотря на ихъ общинное единодушіе, было все-таки нѣсколько различныхъ теченій, какъ въ каждой группѣ людей, существующей на землѣ.

II.

Веригинъ.

Домъ Казабовыхъ былъ маленькій, деревянный, съ мезониномъ наверху и цвѣтникомъ въ палисадникѣ у крылечка. Кругомъ были все такіе же небольшіе деревянные дома, и спокойный переулокъ очень напоминалъ русскій уѣздный городъ. Мы застали, впрочемъ, у крыльца цѣлую толпу народа. Это были духоборы, которые работали въ разныхъ мѣстахъ на другомъ концѣ города и для которыхъ лагерь подъ мостомъ лежалъ слишкомъ далеко. Всѣ они тоже собрались посмотрѣть на „Петюшку“. Имъ было ближе, чѣмъ намъ, и мы застали ихъ уже на мѣстѣ. Когда мы приближались къ воротамъ, съ другой стороны подошелъ высокій статный человѣкъ, который опередилъ насъ на нѣсколько шаговъ и тотчасъ же поднялся вверхъ по лѣстницѣ. Сзади него шелъ молодой парень въ широкополой соломенной шляпѣ и съ узелкомъ въ рукѣ. Я немедленно узналъ Веригина, хотя, разумѣется, мнѣ не приходилось встрѣчать его раньше. Правда, мнѣ случилось какъ-то видѣть его портретъ, но на портретѣ онъ изображенъ съ окладистою черною бородой и на двадцать лѣтъ моложе. Теперь онъ брился и носилъ платье обыкновеннаго культурнаго покроя.

Тѣмъ не менѣе наружность его настолько выдавалась изъ толпы, что ошибиться было бы невозможно. Онъ былъ высокъ и крѣпокъ, какъ дубъ, и общимъ складомъ тѣла напоминалъ фигуру Петра Великаго, какъ его представляютъ на картинкахъ и статуяхъ. У него были большіе каріе глаза и красивыя, твердыя черты лица. Даже въ походкѣ его и въ осанкѣ головы сказывалась крупная, увѣренная въ себѣ и уравновѣшенная сила.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами со своими спутниками, я тоже поднялся наверхъ, но молодой человѣкъ, сопровождавшій Веригина, встрѣтилъ меня въ кухнѣ и довольно сурово преградилъ мнѣ путь.

— Что тебѣ надо? — спросилъ онъ меня коротко.

Я скромно объяснилъ, что хочу видѣть Веригина.

— Нельзя, — рѣшительно возразилъ молодой человѣкъ. — Петръ Васильевичъ теперь спать будутъ. Они двѣ ночи не спали. Да къ тому же они нездоровы.

Молодой человѣкъ былъ Сеня Рыбинъ, присяжный переводчикъ, постоянный спутникъ и, я бы сказалъ, тѣлохранитель Веригина, если бы этотъ восемнадцатилѣтній мальчикъ не выглядѣлъ такимъ тщедушнымъ сравнительно съ огромнымъ вождемъ Духоборіи. Впрочемъ, Сеня Рыбинъ, видимо, относился серьезно къ своимъ обязанностямъ и грудью охранялъ спокойствіе своего патрона. Въ оправданіе его надо сказать, что къ Веригину во все время его пребыванія въ Виннипегѣ постоянно приходили разные люди, — англичане, галичане и хохлы, — и отнимали у него послѣднія минуты отдыха.

Для собственнаго оправданія я объяснилъ Сенѣ,

что я пріѣхалъ изъ Петербурга и тоже не располагаю обиліемъ свободнаго времени.

— Ну, посиди здѣсь, — сказала Сеня нѣсколько смягченнымъ голосомъ, — я спрошу Петюшку.

Я утѣлся на опрокинутомъ ушатѣ рядомъ со столомъ, на которомъ хозяйка чистила картофель. Прямо предо мною была какая-то странная печь, похожая на русскую и занимавшая почти половину комнаты. Въ другой половинѣ было такъ тѣсно, что, когда хозяйка поднялась съ мѣста, чтобы помѣшать въ печи, она немедленно задѣла меня ухватомъ по головѣ.

— Извиняйте... — кротко сказала она, слегка отступая въ сторону. — А вы изъ какихъ будете? — немедленно прибавила она, задумчиво склоняя голову на круглые рога ухвата.

Я неопредѣленно объяснилъ, что я изъ Петербурга.

— А мы изъ армянъ... — словоохотливо продолжала она. — Армянскіе молоканскіе люди. У меня мужъ есть, онъ копаешь землю, и еще братья есть, онъ чинить улицу. У меня одинъ дочка есть, вотъ этотъ...

Она указала на красивую четырехлѣтнюю дѣвочку съ черными кудрями, распущенными по плечамъ, которая только-что взбѣжала по лѣстницѣ и шмыгнула въ запретную для меня дверь веригинской половины.

— А развѣ есть армянскіе молокане? — наивно спросилъ я.

Я привыкъ считать, „на основаніи авторитетовъ“, что ученіе русскихъ сектантовъ не имѣетъ никакого успѣха среди инородцевъ на Кавказѣ.

Но госпожа Казабова, видимо, не раздѣляла этого убѣжденія.

— О, много! — отвѣчала она на мой вопросъ, задумчиво качая головой. — Протестане, молокане, эти — какъ ихъ по вашему? — прыгунцы, всякія разныя вѣры.

Она рассказала мнѣ даже, что 500 семей армянскихъ сектантовъ собираются переселиться изъ Карской области въ Канаду и что армянское Переселенческое Общество послало въ Йорктонскій округъ протестантскаго миссіонера изъ армянъ осмотрѣть землю и приготовить для переселенцевъ почву въ прямомъ и переносномъ смыслѣ.

— Ахъ, это хорошо! — съ энтузіазмомъ говорила она. — Я такъ радъ! Скучно намъ тутъ. Наши люди никимъ нѣту. Русскіе мало. А галиціане, которые ходятъ, — пьяници, ругательные. Добрый, старательный человѣкъ совсимъ нѣту!..

— А духоборы? — возразилъ я.

— А ты видѣлъ одинъ духоборскій баба въ Виннипегу? — отвѣтила она съ упрекомъ. — Скажи, пожалуйста...

Я долженъ былъ признаться, что до сихъ поръ видѣлъ только мужчинъ.

— Духоборскій баба на земля сидитъ, — продолжала армянка, — свой хлѣбъ кушаетъ. Я тоже стану садиться на земля.

Дверь веригинской комнаты продолжала оставаться закрытой. Я вынулъ изъ кармана визитную карточку, написалъ на ней имя хорошаго петербургскаго журнала и, подманивъ къ себѣ дѣвочку, которая опять выскочила въ кухню, попросилъ ее передать Веригину мое посланіе.

Дѣвочка оказалась болѣе надежнымъ курьеромъ, чѣмъ Сеня Рыбинъ.

— Что же вы его тамъ держите? — раздался черезъ минуту изъ-за двери густой, бархатный голосъ. — Пускай онъ идетъ сюда.

Половина, занятая Веригинымъ, состояла изъ небольшой клѣтушки, болѣе похожей на табакерку, чѣмъ на комнату. Глубина ея была заставлена постелью, и единственный стулъ, стоявшій впереди, былъ совсѣмъ прижатъ къ двери для того, чтобы оставить мѣсто для прохода. Веригинъ сидѣлъ на кровати въ одномъ бѣльѣ, спустивъ на полъ ноги, обутыя въ туфли. Его крупная фигура казалась еще больше въ тѣсной и бѣдной рамкѣ. Лицо его показалось мнѣ теперь еще красивѣе, чѣмъ прежде. Особенно хороши были глаза, постоянно мѣнявшіе выраженіе, — то задумчивые, то ласково убѣдительные, часто насмѣшливо-остроумные, потомъ вдругъ заглядывавшіе собесѣднику прямо въ душу такимъ пытливымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Смолodu Веригинъ, должно быть, былъ замѣчательнымъ красавцемъ. Теперь виски его подернула сѣдина пятнадцати обдорскихъ зимъ, вокругъ глазъ лучились сѣти морщинъ, наложенныхъ долгими размышленіями досуга многолѣтней ссылки. Ему было теперь сорокъ четыре года отроду, но въ Канадѣ онъ былъ совсѣмъ недавно, немногимъ больше полугода.

Веригинъ возвращался теперь съ запада, изъ г. Реджайны, куда ѣздилъ покупать лошадей для общины. Ихъ должны были пригнать изъ штата Дакоты, но табунъ задержался въ дорогѣ. Духоборы вмѣстѣ съ англичанами попробовали отправиться навстрѣчу, но послѣ двухдневнаго путешествія по ненаселенной преріи рѣшили вернуться обратно. Въ концѣ концовъ духоборскій вождь не выдержалъ и,

оставивъ на мѣстѣ одного изъ своихъ товарищей по комитету, укатилъ въ обратный путь.

— Стосковался я по дому, — простодушно признавался онъ, — по матушкѣ, по сродникамъ и всѣмъ братьямъ...

За эти полгода онъ, видно, не успѣлъ еще насытиться радостью встрѣчи со своимъ родомъ и племенемъ.

— Я ихъ порядкомъ и разсмотрѣть не успѣлъ, — жаловался онъ. — Все въ разъѣздахъ... А народъ совсѣмъ новый. Мелкіе ребятишки большіе стали, другіе наново народились. Такъ что приходятъ ко мнѣ дѣвченки, цѣлуютъ меня: „Здравствуй, дядюшка“. А я ихъ отроду не видѣлъ.

Онъ, видимо, былъ занятъ все время мыслью о близкихъ людяхъ.

— Эхъ, поскорѣй бы! — произносилъ онъ иногда даже въ пылу разговора, не имѣвшаго никакого отношенія къ Канадѣ и ея дѣламъ. — Дожать бы поскорѣе!..

Надо замѣтить, что Духоборія платила ему такую же трогательною привязанностью. На третій день послѣ нашей встрѣчи Веригинъ получилъ телеграмму изъ Реджайны и долженъ былъ отправиться обратно. За свое двухдневное пребываніе въ Виннипегѣ онъ передѣлалъ множество необходимыхъ дѣлъ, для которыхъ въ сущности и прикатилъ изъ Реджайны, но возвращеніе его было отложено на двѣ недѣли. Когда въ теченіе этого времени я странствовалъ по духоборскимъ селеніямъ, жители признавались мнѣ почти въ такихъ же словахъ: „Стосковались мы по Петюшкѣ. Почто долго неѣдетъ? Осиротѣли совсѣмъ!“

Теперь Веригинъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо.

— Я читаль этотъ журналъ, — сказалъ онъ, разсматривая мою карточку. Извиняясь за свое дезабилье, онъ объяснилъ, что въ дорогѣ простудился и схватилъ лихорадку.

Теперь они съ Рыбинымъ возвращались изъ бани и собрались спать. Дѣйствительно, въ глазахъ его свѣтилось утомленіе, но черезъ нѣсколько минутъ оно исчезло. Мало-по-малу Веригинъ такъ разошелся, что совершенно позабылъ о снѣ. Быть можетъ, это было полезно и для его лихорадки. По крайней мѣрѣ, на другой день онъ былъ совершенно здоровъ и съ раннего утра сталъ заниматься разнообразными дѣлами, которыя ожидали его въ Виннипегѣ.

Я нѣсколько затрудняюсь, какъ описать наши разговоры съ Веригинымъ. Первый сеансъ длился восемь часовъ почти безъ всякаго перерыва. Время отъ времени Веригинъ выходилъ въ переднюю комнату, обмѣнивался нѣсколькими словами съ пришедшими духоборами, потомъ опять возвращался и садился на кровать. Человѣкъ пять пробрались въ спальню и, примостившись въ разныхъ углахъ, внимательно слушали рѣчи своего учителя. Теперь я могъ практически оцѣнить похвалы молодыхъ духоборовъ, подчеркивавшихъ словоохотливость духоборскаго вождя. Я, впрочемъ, долженъ признаться, что къ вечеру я усталъ и захотѣлъ ѣсть. Но рѣчи Веригина были интересны попрежнему; кромѣ того, я не имѣлъ за собой ни лихорадки, ни безсонницы, и мнѣ было стыдно сдаться первому. Веригинъ, по-видимому, такъ же мало нуждался въ пищѣ, какъ и въ отдыхѣ. По временамъ чернокудрая дѣвочка вбѣгала въ комнату и съ таинственнымъ видомъ клала ему въ руку пару замусленныхъ конфетъ или гор-

сточку сладкаго маиса, обжареннаго въ сахарѣ. Это, очевидно, были ея собственные гостинцы. Веригинъ принималъ угощеніе, ласково гладилъ дѣвочку по головѣ, но не переставалъ говорить. Одинъ разъ дѣвочка принесла ему крошечный букетикъ цвѣтовъ, который она только что нарвала въ палисадникѣ у крылечка. Веригинъ съ наслажденіемъ понюхалъ ихъ, потомъ сталъ прилаживать букетъ въ петлицу своей полуразстегнутой рубахи. Этотъ массивный человѣкъ, видимо, любилъ цвѣты и маленькихъ дѣтей, и послѣднія отвѣчали ему такою же любовью.

Первая половина нашего разговора имѣла теоретическій характеръ. Міросозерцаніе Веригина было, впрочемъ, отчасти извѣстно мнѣ изъ печатнаго источника. Я зналъ также, что Веригинъ читалъ нѣкоторыя книги и въ разговорѣ можетъ цитировать Некрасова, Дарвина, Эпиктета. Большая часть этихъ цитатъ явилась почти тотчасъ же. Веригинъ, очевидно, хранилъ ихъ въ памяти въ качествѣ ученаго аппарата для того, чтобы пускать ихъ въ дѣло въ соотвѣтственныхъ случаяхъ.

Онъ началъ съ энергической вылазки противъ современной культуры.

— Культура исказила все лицо человѣчества, — говорилъ онъ. — Посмотрите на ваши города: въ нихъ все поддѣльно, отъ сгущеннаго молока для младенцевъ до фальшивыхъ зубовъ для старости. Даже воздухъ надъ городомъ отравленъ, вода въ рѣкѣ загрязнена. Работы городовъ совершенно бесполезны. Пройдите мимо магазиновъ, — что въ нихъ выставлено? Ненужные наряды, роскошная мебель, зеркала. Для того, чтобы сотня семействъ имѣла эти нужныя вещи, городъ обираетъ деревню и весь свѣтъ. Вотъ теперь Африку дѣлятъ, Китай ра-

зорвали на части все для той же всепожирающей городской пасти.

— А машины какъ? — возразилъ я вопросомъ. — Деревня получаетъ ихъ отъ города и не можетъ жить безъ нихъ.

Я, конечно, имѣлъ въ виду земледѣліе американскаго типа, съ которымъ Веригину теперь пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу.

— Будто бы машины нельзя готовить въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ? — сказалъ Веригинъ. — Все это можно бы устроить иначе... Я думаю, люди могли бы легко перестроить свою жизнь. Они сами виноваты. На свѣтѣ такъ много свободнаго мѣста, зелени, воздуха. Если вамъ жить тѣсно, бросьте, отойдите отъ грѣха. Найдите себѣ гдѣ-нибудь пустой уголь, да и устраивайтесь по-своему, а пуще всего раскопайте побольше земли..

Онъ, разумѣется, имѣлъ въ виду опытъ своей общины.

— Вамъ хорошо говорить! — возразилъ я снова. — Конечно, земледѣльцы могутъ уйти, да еще общиной. А куда пойдетъ городской портной или слесарь? Онъ и заступа взять не умѣетъ въ руки... Къ тому же онъ одинъ...

— Къ намъ пусть идутъ, — настаивалъ Веригинъ. — Мы въ деревнѣ найдемъ мѣсто для всѣхъ...

— Развѣ вы не знаете, что это — утопія? — возразилъ я. — Никуда они не пойдутъ, да и для всѣхъ не хватитъ мѣста... Лучше бы намъ сдѣлать такъ, чтобы каждому на его собственномъ мѣстѣ жилось немного лучше.

— Мы этого тоже желаемъ, — живо сказалъ Веригинъ. — Особенно для тѣхъ, которые тяжело работаютъ... Знаете, когда наши на „пилигримство“

шли, „слободный путь“ отыскивали, они говорили еще такъ: „Идемъ отыскивать слободу для всѣхъ братьевъ, особливо для тѣхъ, которые работаютъ въ рудникахъ и на желѣзныхъ фабрикахъ“.

Онъ говорилъ о вышеупомянутомъ крестовомъ походѣ 1902 г., который англичане окрестили „пигримствомъ“, а сами духоворы называютъ „путемъ на слободу“.

— Все-таки культура слишкомъ сложна, — сказалъ Веригинъ. — Надо бы ее упростить, отбросить все лишнее и вернуться къ первобытной чистотѣ.

— Исторія не возвращается обратно, — возразилъ я. — И кромѣ того мы не хотимъ возвращаться.

— Отчего же? — воскликнулъ Веригинъ, — Жизнь человѣчества, какъ жизнь человѣка, имѣетъ свое начало и свой конецъ. Неизмѣнны только природа и идеаль, но человѣчество мѣняется, стремясь къ нему и отъ него...

— Мы вѣримъ въ безконечной прогрессъ, — возразилъ я.

— Ваша братія прогрессисты — слишкомъ большіе гордецы, — сказалъ Веригинъ. — Откуда вы знаете, что современное человѣчество самое лучшее? Вонъ патріархи были, по 900 лѣтъ жили, да и тѣ исчезли. Такъ можетъ исчезнуть и современное человечество.

Я не зналъ, что сказать на такой неожиданный аргументъ. Въ этомъ оригинальномъ міросозерцаніи цитаты изъ Дарвина составляли, повидимому, только ученую обстановку. Корни же его были связаны съ традиціей...

— Пусть современное человѣчество погибнетъ, — продолжалъ Веригинъ, — нечего его жалѣть... Быть можетъ, на мѣсто его вырастетъ другое, лучшее. А

быть можетъ, что ужъ цѣлый рядъ человѣчествъ смѣнился на землѣ и прежнія могли быть болѣе совершенны, чѣмъ современныя. По-моему, сказаніе о раѣ есть какъ воспоминаніе сквозь сонъ о минувшемъ совершенствѣ. .. Или вотъ къ примѣру, ученые люди только теперь начинаютъ находить остатки пропавшихъ цивилизацій и разыскивать хотя бы то, что желѣзныя дороги были и раньше.

У него, очевидно, былъ цѣлый коробъ такихъ неожиданныхъ аргументовъ и свѣдѣній.

— Позвольте васъ спросить, — сказалъ я, наконецъ, — вотъ вы давеча вспоминали Дарвина, что человѣкъ произошелъ отъ одного корня съ животными. Какъ это связать съ пропавшимъ совершенствомъ?

— Это — современный человѣкъ, конечный, — возразилъ Веригинъ, — а то безконечный рядъ смѣнъ человѣчества... Видно не столкнуться намъ, — неожиданно прибавилъ онъ.

— Отчего? — спросилъ я съ удивленіемъ.

Мнѣ пришло въ голову, не обидѣлъ ли его мой прямой вопросъ о теоріи Дарвина.

— Сколько ни приходилось мнѣ говорить съ вашимъ братомъ, — сказалъ Веригинъ, — съ прогрессистомъ, то есть, — мысли наши не идутъ по одной дорогѣ, — скрещиваются, перекрещиваются, а все-таки бѣгутъ розно, по двумъ отдѣльнымъ колеямъ... А впрочемъ, знаете ли что, — прибавилъ онъ, — по-моему, всѣ эти измышленія о прошломъ и будущемъ надо оставить до болѣе свободнаго времени. Теперь же довольно заниматься текущими дѣлами...

Всѣ эти оригинальныя идеи были, очевидно, привезены Веригинымъ изъ глубины недавняго уеди-

ненія. Канада навалила ему на плечи цѣлую кучу практическихъ дѣлъ, и ему дѣйствительно было некогда развивать свои соображенія о смѣнѣ исчезающихъ совершенствъ.

Незамѣтно для насъ самихъ разговоръ на минуту коснулся Россіи.

— Русскій народъ — великій народъ, — говорилъ Веригинъ. — Изъ этой дали его можно лучше оцѣнить. Какой размахъ и какой просторъ! Къ тому же прямой народъ, простодушный. Живетъ въ бѣдности, а тоскуетъ о правдѣ... Вѣрите ли, — прибавилъ онъ, — посмотришь когда кругомъ на это богатство, да и подумаешь: лучше бы мы остались среди тамошней бѣдности. Тамъ наше мѣсто. Этакъ бы всѣ убѣжали...

Я не видѣлъ противорѣчія въ этомъ трогательномъ сожалѣніи и въ недавнихъ совѣтахъ отойти отъ грѣха. То были взгляды, а это — чувства Веригина.

Послѣ этого разговоръ перешелъ на практическую почву и, въ сущности говоря, превратился въ монологъ, ибо я, разумѣется, старался ограничиваться только самыми необходимыми вопросами и репликами. Молодые духоборы смирно сидѣли по угламъ и глядѣли оратору въ ротъ.

Веригинъ пріѣхалъ въ Канаду въ самое критическое время, вскорѣ послѣ насильственного возвращенія „пилигримовъ“ на ихъ старыя мѣста. Все населеніе Духоборіи раздѣлилось на двѣ партіи, одна изъ которыхъ оставалась дома, а другая разрушила свое хозяйство, отпустила скотъ на волю и сама отправилась „отыскивать слободу“. Обѣ партіи взаимно упрекали другъ друга. Хозяйственные люди тяготѣли къ „благоустройству жизни“, а наиболѣе

крайніе изъ пилигримовъ въ своемъ отрицаніи матеріальныхъ удобствъ и потребностей дошли до отміны физическаго труда и одежды. Довѣріе канадскаго правительства къ духоборамъ пошатнулось, хотя, въ сущности говоря, именно близорукія старанія Земельнаго Управленія навязать духоборамъ частную форму землевладѣнія вызвали этотъ оригинальный протестъ бѣглыхъ. Но объ этомъ теперь никто не думалъ. Сосѣди смотрѣли недружелюбно на этихъ странныхъ людей, которые не хотѣли сидѣть смирно на мѣстѣ и причинили всему околотку столько безпокойства.

— Дуки¹ — какъ бараны, — сказали мнѣ потомъ цырюльникъ въ г. Іорктонѣ. — Ихъ безъ кнута не загонишь въ загородку.

Газеты печатали о духоборахъ всевозможныя небылицы, которыя потомъ распространялись по всему свѣту. Черезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда Веригина, благодаря его несравненному такту и огромному вліянію, обѣ духоборскія партіи примирились и соединились въ одну большую общину. Села, сохранившія свой скотъ, послали часть его энтузіастамъ „слободнаго пути“. Вся Духоборія наполнилась новою жизнью и закипѣла, какъ пчелиный улей, въ который вернулась матка.

Еще поразительнѣе были успѣхи, достигнутые Веригинымъ въ отношеніяхъ съ канадскимъ правительствомъ.

Чиновники въ Оттавѣ какъ будто только и ожидали его пріѣзда, чтобы сдать ему на руки попеченіе объ этихъ непонятныхъ пришельцахъ, все время толковавшихъ о „слободѣ“ и о „душѣ“. Прежде всего ему поставили въ заслугу, что онъ немедленно

¹ Dukes — въ сокращеніи изъ Dukhobors.

сбрилъ бороду и надѣлъ короткій пиджакъ англійскаго покроя и шляпу котелкомъ.

Веригинъ говорилъ мнѣ по этому поводу:

— Вся наша община рѣшила принять платье англійскаго покроя. Съ будущаго года начнемъ шить мужчинамъ пиджаки, а женщинамъ юбки и кофточки, какъ у сосѣднихъ фермеровъ. А для праздника выпишемъ вагонъ готовой одежды. Мы рѣшили, чтобы по внѣшности и по разнымъ пустякамъ не отличаться отъ другого населенія.

Формулировка послѣдней фразы свидѣлствуетъ о глубокомъ знаніи человѣческаго сердца.

Даже Земельное Управленіе спохватилось, что зашло слишкомъ далеко, и предложило покончить спорный вопросъ компромиссомъ. Прежнее требованіе, чтобы каждый домохозяинъ принялъ самъ на себя отдѣльный участокъ, было замѣнено формальнымъ представленіемъ поименнаго списка взрослыхъ духоборовъ. Соотвѣтственное количество участковъ было принято новообразованнымъ духоборскимъ комитетомъ уже въ общей сложности и отъ имени всей духоборской общины. Между прочимъ, это сберегло расходъ въ нѣсколько тысячъ долларовъ, неизбѣжный при индивидуальной регистраціи участковъ. Съ другой стороны, духоборы приняли регистрацію рожденій и смертей и небольшой дорожный налогъ, отъ чего до того времени они упорно отказывались. Другіе вопросы тоже приходили къ разрѣшенію, и въ томъ числѣ даже такой щекотливый, какъ устройство англійскихъ школъ въ духоборскомъ округѣ.

Однимъ словомъ, Веригинъ сдѣлался persona grata въ глазахъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Оттавѣ. Чиновники даже предупреждали меня:

„Имѣйте въ виду, что Веригинъ — духоборскій пророкъ и что онъ хочетъ вести свой народъ къ правильному благоустройству. Правительство не желаетъ видѣть никакого новаго вліянія, идущаго въ разрѣзъ съ планами Веригина“.

Мнѣ приходилось оправдываться и увѣрять ихъ, что я не имѣю никакого намѣренія основать среди духоборовъ какую-нибудь новую секту.

Веригинъ много рассказывалъ объ устройствѣ общины и объ ея внутреннихъ отношеніяхъ. Потомъ, когда мнѣ пришлось странствовать пѣшкомъ отъ деревни къ деревнѣ вдоль длинной цѣпи духоборскихъ поселеній, я ближе оцѣнилъ эту часть его разсказа. Поэтому не привожу ея здѣсь, чтобы избѣжать повтореній. Болѣе умѣстно будетъ привести подробности о матеріальныхъ дѣлахъ общины, которыя ближайшимъ образомъ лежали на попеченіи комитета.

— Затѣй у насъ много, а денегъ нѣтъ, — говорилъ Веригинъ. — Вонъ выписали машинъ изъ Чикаго почти на 40 тысячъ. Положимъ, въ цѣнахъ большое сбереженіе, процентовъ на 30. Въ Юрктонѣ косилка стоитъ 165 долларовъ, а какъ по выпискѣ — 120.

— А какво работаютъ ваши машинами?

— А чего ея работать? — усмѣхнулся Веригинъ. — Она сама работаетъ. Хлѣбная жнея даже снопы вяжетъ и выкидываетъ... Вотъ сестры жалуются: говорятъ, машины работу отбили, — прибавилъ онъ шутливо. — Кромѣ шутокъ, я получилъ сегодня письмо отъ своихъ. „Просятъ, — говорятъ, — сестрицы наши, купи, молъ, намъ хоть съ тысячу серповъ. Пожали бы мы хлѣбушекъ“. А гдѣ я имъ возьму серповъ? — закончилъ онъ. — Во всемъ

Виннипегъ сто серповъ не сыщешь. Не держатъ англичане.... Вотъ мы купили четыре локобиля паровыхъ, — продолжалъ Веригинъ, — да четыре большія молотилки съ автоматическою нагрузкой мѣшковъ... Теперь ставимъ четыре паровыхъ мельницы съ этими локобилями, а на молотьбу будемъ ихъ развозить по гумнамъ, а зимой, пожалуй что, станемъ ихъ приспособливать для лѣсопильни... Опять же хотимъ развести собственный лошадиный табунъ. Отъ „слободы“ у насъ очень скотъ убавился, а потомъ пришлось дѣлить его на части, а и тутъ мы отдѣлили немного на общину, сдѣлали начинъ. Пожалуй, сотенка будетъ безъ малаго. Теперь, если удастся купить лошадей по мыслямъ нашимъ, еще сотню отдѣлимъ, — пускай бѣгаютъ да плодятся. Восточная половина нашей земли — сплошной лугъ, и даже жить тамъ пока некому, кромѣ лошадей. Потомъ заведемъ еще овецъ кошару, — пускай плодится около насъ живность. Здѣсь земля самая пригодная для того, чтобы скотъ водить. Отъ овецъ станемъ шерсть брать. А то пришлось недавно вагонъ шерсти выписать. Сестрицы у насъ очень мастерицы ткать; пожалуй, мы поставимъ фабрику небольшую.

Онъ объяснилъ мнѣ, что „сестрицы“ прядутъ шерсть на самопрялкахъ и вяжутъ чулки, варежки и шарфы, а также ткутъ сукно на станкахъ собственного издѣлія. Квакеры прислали имъ въ подарокъ сотню самопрялокъ изъ пенсильванскихъ деревень, но сестрицы находятъ, что русская прялица сподручнѣе.

— Опытное поле хотимъ устроить, — рассказывалъ Веригинъ, — и огородъ, — пробовать, не подойдутъ ли какіе новые овощи подъ здѣшній кли-

мать. На Громовой горѣ попробуемъ развести садъ, фрукты... Славная такая гора на нашемъ участкѣ есть, вся обросла лѣсомъ, ягодникомъ, такъ вотъ на южномъ склонѣ хотимъ дѣлать опытъ. Быть можетъ, какія-нибудь раннія скороспѣлки преодолеютъ и канадскій холодъ.

Я любопытствовалъ узнать, насколько партія „пилигримовъ“ отказалась отъ своего стремленія „снять ярмо со скота и дать вздохъ всей живой твари“.

Веригинъ покачалъ головой.

— Духоборы — упрямые мужики, — сказалъ онъ. — Они ни отъ чего не отказываются. Я вотъ недавно говорилъ съ Николаемъ Зибаровымъ. „Нужно, — говоритъ, — на будущій годъ купить паровые плуги“.

— А косилки и жнеи какъ? — возразилъ я. — Они, кажется, не приспособлены къ работѣ паромъ.

— Я ему тоже указывалъ, — сказалъ Веригинъ. — А онъ говоритъ: „Не приспособлены, такъ мы приспособимъ. Тоже ихъ люди задумывали!.. Налогъ, — говоритъ, — дорожный не будемъ платить, изладимъ свои дороги, какъ мы сами знаемъ. Потомъ завведемъ автомобиль, и лошадей окончательно побочу“.

— Неужели это возможно у васъ? — спросилъ я.

Мнѣ показалось, что я слушаю пересказъ новой главы изъ извѣстнаго романа Беллами.

— Кто знаетъ? — задумчиво сказалъ Веригинъ. — Пускай они дѣлаютъ опытъ... Если удастся имъ, мы, пожалуй, и всѣ за ними послѣдуемъ... А пока что, хозяйственные-то мужики говорятъ совсѣмъ иначе, — продолжалъ Веригинъ, — съ Планидинымъ

Павломъ. „Скотъ, — говорятъ они, — помощникъ челоѣку, все равно товарищъ въ работѣ. Только надо миловать его, а не тиранить“.

Николай Зибаровъ и Павелъ Планидинъ были наиболѣе выдающіеся люди обѣихъ духоборскихъ партій. Оба они попали въ комитетъ вмѣстѣ съ Веригинымъ. Впрочемъ, духоборскій вождь со своимъ безошибочнымъ тактомъ старался держаться внѣ этихъ разногласій.

— Потому и послали насъ лошадей покупать, — продолжалъ Веригинъ. — Павлуша-то Планидинъ и теперь въ Реджайнѣ остался, ждетъ табуновъ. Хотимъ купить штукъ 400 опять тысячъ на 40. Такъ, чтобы когда подѣлимъ, въ каждомъ селеніи было по десяти паръ. Они говорятъ: мы тогда для лошадей двѣ смѣны заведемъ въ страдную пору, — до обѣда и послѣ обѣда. Работа лошадиная — тяжелая. Пускай не работаютъ больше пяти часовъ...

Это была попытка установить нормальный рабочий день для лошадей.

— Всѣ товары мы выписываемъ оптомъ, — продолжалъ Веригинъ прерванную нить разсказа, — кои изъ Виннипега, кои дальше съ востока... Тоже большое сбереженіе въ цѣнахъ... Наши купцы іорктонскіе стали ужъ нарекать на насъ. „Мы, — говорятъ, — думали, что съ пріѣздомъ Веригина духоборскія дѣла устроятся и будетъ польза для всего края. Для чего же, — говорятъ, — наше правительство и пустило ихъ въ страну, какъ не для роста торговыхъ дѣлъ, а выходитъ совсѣмъ иначе“... Есть у насъ въ Іорктонѣ лавочникъ одинъ, мистеръ Мердигъ, — продолжалъ Веригинъ съ улыбкой. — Такъ онъ прямо приставать сталъ ко мнѣ: „Какъ же, — говоритъ, — господинъ Веригинъ! Я, —

говорить, — выписаль 300 кожаныхъ половинокъ, думалъ, что духоборы разберутъ ихъ, а теперь съ вашей выпиской онѣ должны остаться у меня на рукахъ“... Дѣйствительно, сапожники наши раньше у него брали кожи... Я и говорю Сенѣ: „Переведи ему, что, по-моему, такъ вправду худо, но это дѣло можно легко устроить“. — „Какъ, какъ? — говоритъ и даже изъ лица раскраснѣлся. — Говорайте прямо по-русски, мой понимай!“.. Уже онъ научился отъ духоборовъ... „Очень просто, — говорю. — Развѣ же духоборы такіе плохіе сосѣди, что стали бы обходить вашу лавку? Да и къ чему бы имъ беспокоиться выписывать изъ Виннипега, если товаръ ужъ тутъ, подъ бокомъ“. А онъ только такъ етъ въ отвѣтъ“. Только надо, — говорю, — объ цѣнѣ сговориться, чтобы никому не было обидно. Вы, — говорю, — сочтите расходъ и съ перевозкой, да еще накиньте хоть пять процентовъ за свой трудъ и хлопоты. Духоборы не такіе люди, чтобы резоновъ не понимать. Я увѣренъ, что они сейчасъ же возьмутъ весь вашъ товаръ“... Конечно, онъ такъ и сдѣлалъ. А только ушелъ онъ отъ меня, такъ лицо такое красное, будто былъ въ банѣ. „Теперь, — говоритъ, — не стану больше выписывать товаръ на духоборскую руку“.

Широкая улыбка Веригина отразилась на лицахъ сидѣвшихъ передъ нимъ слушателей.

— А мы еще хуже хотимъ сдѣлать, — сказалъ онъ. — Хотимъ въ селѣ Отрадномъ оптовый складъ завести. И выписывать товаръ не то что на духоборскую руку, а вообще для окольныхъ жителей. Англикъ придетъ или галиціанецъ, мы не будемъ отказывать, — это не по-сосѣдски, а, конечно, отдавать будемъ по своей цѣнѣ, чего стоитъ самимъ.

Только, пожалуй, лавочники наши на насъ прошеніе подадутъ тогда. Скажутъ, что мы у нихъ покупателей отбиваемъ.

Беригинъ много рассказывалъ о „голыхъ“ духоборахъ, которые отбывали тюремное заключеніе въ Реджайнѣ. Ихъ было двадцать восемь человѣкъ. Они были арестованы въ концѣ мая за попытку войти въ Йорктонъ въ костюмѣ Адама или, точнѣе говоря, безъ всякаго костюма. То были наиболѣе нервныя элементы партіи пилигримовъ. Послѣ неудачи и ликвидаціи новаго крестоваго движенія, въ то время какъ большая часть „искателей свободнаго пути“ воссоединилась, наконецъ, съ основнымъ тѣломъ Духоборіи, другая группа человѣкъ въ сто или полтораста продолжала развивать свои положенія до ихъ крайнихъ предѣловъ. Здѣсь были по большей части бывшіе вожаки и идеологи, которые были захвачены новымъ стремленіемъ болѣе полно, чѣмъ рядовая масса. Они продолжали утверждать, что поискъ ихъ стремится къ возрожденію на землѣ „райской и свободной жизни“. Послѣ грѣхопаденія Богъ наказалъ человека стыдомъ передъ своей наготой и наложилъ на него ярмо физическаго труда. Человѣкъ, въ свою очередь, наложилъ ярмо труда на всю остальную природу. Но люди могутъ отречься отъ грѣха и усиленіемъ духа возстановить первобытное блаженство. Природа должна получить свободу. Земля должна быть превращена въ плодовый садъ. Люди, отрекаясь отъ грѣха, должны отбросить ярмо стыда, ибо стыдиться можно только за злое. Итакъ, одежда есть признакъ грѣховнаго стыда, ибо природы не слѣдуетъ стыдиться.

Однако у этого ученія не находилось новыхъ послѣдователей. Бывшіе приверженцы „искателей“

теперь оказывали на нихъ давленіе, стараясь увлечь ихъ вмѣстѣ съ собой къ принятію „земной жизни“. Но искатели стояли на своемъ. Веригинъ описывалъ мнѣ драматическую сцену, которая произошла въ селеніи Отрадномъ во время большой весенней сѣздки, установившей организацію общины. На сѣздку собралось около семидесяти делегатовъ и кромѣ того много другихъ гостей изъ разныхъ сель. Нѣкоторые изъ гостей попросили, чтобы ихъ впустили въ избу, гдѣ происходила сѣздка. Въ числѣ ихъ былъ Ефимъ Власовъ изъ села Трудненія, одинъ изъ главныхъ „искателей пути“. Гости впустили въ избу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не вмѣшивались въ дебаты сѣздки. Это былъ уже новый принципъ, ибо раньше каждый членъ общины имѣлъ право подавать свой голосъ на всѣхъ сходахъ и собраніяхъ, но новая организація требовала большой правильности. Гости посидѣли молча, потомъ вышли вонъ. Послѣ засѣданія Веригинъ стоялъ у выхода и говорилъ окружающимъ, что теперь нужно приниматься плотнѣе за работу.

— А ты, Ефимушка, какъ думаешь? — обратился онъ къ Власову, который стоялъ тутъ же въ толпѣ.

— Намъ съ земными невмѣстно! — сказалъ Власовъ. — Мы будемъ дѣлать другую работу, духовную...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Власовъ и другіе искатели объявили, что отказываются отъ пріема земли.

Съ этого времени отдѣленность группы „искателей“ приняла болѣе опредѣленный характеръ. Семьи ихъ, не желая вступать въ компромиссъ по поводу употребленія скота, вышли изъ хозяйственного общенія со своими сосѣдями и жили отдѣльно, попреж-

нему производя на себѣ всѣ необходимыя полевые и хозяйственныя работы. Партія чловѣкъ въ сорокъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, отправилась съ проповѣдью по селамъ, но въ виду очевиднаго неуспѣха словесныхъ аргументовъ очень скоро рѣшила перейти къ болѣе нагляднымъ приемамъ. Для этого, подходя къ селенію, всѣ члены партіи раздѣвались донага и проходили въ такомъ видѣ процессіей по улицѣ, предъ глазами пораженныхъ жителей, неся узелки съ одеждой подъ мышкой и приглашая всѣхъ встрѣчныхъ принять участіе въ „блаженствѣ“. Окончательно отказаться отъ одежды мѣшаль климатъ, и потому за селомъ блаженные обыкновенно одѣвались и отправлялись дальше.

Такой образъ дѣйствій, разумѣется, вызвалъ среди духоборской массы явное неудовольствіе. Прежде всего жители принудили женщинъ партіи вернуться домой и взяли съ нихъ обязательство „не разбираться“ впредь. Мужчины продолжали странствіе, но многія села отказывались впустить ихъ въ свою околицу. Наконецъ, предъ мостомъ черезъ рѣчку Бѣлопесочную, въ центрѣ главнаго участка, блаженныхъ встрѣтилъ отрядъ изъ большого селенія Надежда, расположеннаго на другомъ берегу, и объявилъ, что зарѣчныя села приговорили не пускать ихъ на свою землю. Произошло столкновеніе въ нѣсколько пошехонскомъ вкусѣ. Искатели были враждебны употребленію открытой силы, но они схватывались руками и пробовали напирать „по-бычичному“, уставясь лбомъ впередъ. Въ рукахъ у надеждинцевъ понемногу очутились „жиги“ гибкихъ вѣтвей лозняка. О дальнѣйшемъ свѣдѣніи расходятся. Надеждинцы увѣряютъ, что они чуть-чуть „постращали“ голыхъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ

утверждаютъ, что получили кровавое крещеніе на рѣчкѣ Бѣлаго Песка. Переговоры между жигами и голыми спинами длились съ вечера до утра, послѣ чего „искатели блаженства“ уступили и вернулись вспять. Тогда, въ виду окончательной неудачи среди собратьевъ, они рѣшили направиться въ Іорктонъ и понести свою проповѣдь въ дальнія страны. Въ Іорктонѣ приближеніе „блаженныхъ“ вызвало всеобщее возбужденіе. Это было второе появленіе духоборскихъ пилигримовъ, и оно грозило поразить англичанъ въ самое чувствительное мѣсто ихъ стыдливости. Отрядъ горожанъ подъ предводительствомъ единственнаго іорктонскаго полицейскаго вышелъ навстрѣчу духоборамъ и нашелъ ихъ въ степи за три мили отъ города именно въ ту самую минуту, когда они снимали съ себя одежду для торжественнаго входа въ Іорктонъ. Англичане приказали духоборамъ одѣться, что и было исполнено безпрекословно, потомъ они увели пришельцевъ въ городъ и заперли ихъ въ переселенческій домъ, который однажды уже принималъ такихъ невольныхъ гостей. Власти все-таки не знали, что дѣлать съ новыми подражателями Адама. Имъ предложили вернуться въ свои села и дать обѣщаніе вести себя, какъ прочіе люди. Искатели наотрѣзъ отказались, — они, разумѣется, не для этого пришли въ Іорктонъ.

— Сегодня вы выпустите насъ, а завтра мы опять пойдемъ проповѣдывать, — говорили они.

Въ концѣ концовъ правительство предало ихъ суду по обвиненію въ „неприличномъ поведеніи въ публичномъ мѣстѣ“. На судѣ Ефимъ Власовъ и нѣкоторые другіе проявили значительное діалектическое искусство.

— Мы вѣдь до города не дошли, — доказывалъ

Власовъ, — вы сами вышли къ намъ навстрѣчу въ степь. Стало бытъ, если кого и наказывать, такъ васъ, а не насъ....

Молодой сынъ Власова Сеня сказалъ:

— Я вижу у васъ въ городахъ — одна женщина надѣваетъ три платья просторныхъ, одно на другое, да еще и хвостъ подошьетъ, — это по-вашему не грѣхъ. А изъ чего она подшиваетъ? Конечно, изъ отрѣзковъ отъ платья своихъ братьевъ и сестеръ. А если какой-нибудь духоборъ послѣднее съ себя снимаетъ, да въ лѣтній день на вольномъ воздухѣ хочетъ поблаженствовать, это по-вашему противъ закона. Зачѣмъ вы держите насъ? Мы не убили и не украли и никого не обидѣли!..

Судъ все-таки присудилъ всю группу искателей къ трехмѣсячному тюремному заключенію, которое они и отбывали теперь въ Реджайнѣ.

Веригинъ отнесся къ проповѣди голыхъ съ неизмѣннымъ тактомъ. Они были очень агрессивны въ спорахъ и упрекали его, что онъ не исполняетъ собственнаго ученія, но онъ ограничивался только сдержаннымъ указаніемъ, что ихъ попытка представляетъ несвоевременный опытъ, отъ котораго они сами очень скоро откажутся. Все-таки у него вышло съ ними даже личное столкновеніе, которое онъ описывалъ мнѣ своимъ обычнымъ краткимъ тономъ предъ толпою молодыхъ слушателей. Онъ ѣхалъ на лошади изъ села въ село и наткнулся на партію голыхъ, которые вначалѣ стали приглашать его послѣдовать ихъ примѣру, а потомъ захотѣли выпрячь его лошадь и отпустить ее на волю.

— Насилу я убрался отъ нихъ, — говорилъ онъ смѣясь и съ удивительной откровенностью. — Мы, говорить, съ тебя штаны-то стащимъ!

Между прочимъ Веригинъ, повидимому, положилъ себѣ за правило не стѣсняться никакими щекотливыми темами въ разговорахъ. Такъ, напримѣръ, онъ самъ затронулъ деликатный вопросъ о томъ, считаютъ ли духоборы своего руководителя воплощеніемъ Христа, какъ было утверждаемо неоднократно въ специальной литературѣ. Онъ, разумѣется, противопоставилъ этому самое полное отрицаніе и безпощадно высмѣивалъ аргументы „свѣдущихъ людей“.

— Духоборы, — говорилъ онъ прямо, — не такіе же дураки, чтобы смертнаго и имъ подобнаго человѣка за Христа считать...

Канадскія власти обратились къ авторитету Веригина для переговоровъ съ голыми уже послѣ ареста ихъ въ Іорктонѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ принялъ на себя посредничество, но голые не хотѣли ничего слушать. Теперь, будучи въ Реджайнѣ, онъ снова заходилъ въ тюрьму и пробовалъ склонить ихъ на какой-нибудь компромиссъ. Заключение ихъ протекало довольно бурно. Въ видѣ протеста противъ суда они отказались исполнять какія бы то ни были работы. Тюремные сторожа должны были приносить имъ сами пищу, мыть грязную посуду, убирать камеры и даже дѣлать вещи еще худшія. Выведенные изъ себя сторожа старались принудить духоборовъ силою подчиняться тюремному режиму, но наткнулись на непоколебимое чисто русское упорство.

— Чудно у нихъ, — рассказывалъ Веригинъ, — просто и грѣхъ, и смѣхъ. Принесутъ имъ англики ѣду, а потомъ станутъ кричать: „Чего вы не убираете посуду?“ А они смѣются да говорятъ: „Если вамъ нашлось время принести, то, можетъ, найдется

время и унести обратно“. Потомъ имъ скажутъ: „Ступайте за водой!“, а они запираются, нейдутъ. Вотъ выведутъ одного и дадутъ ему ведро въ руки, а онъ не беретъ руками, и ведро упадетъ на землю. Тогда они возьмутъ, привяжутъ ведро на веревку, да ему на шею и повѣсятъ. А потомъ и самого на веревку привяжутъ, да и потянутъ, какъ быка, а онъ самъ на землю упадетъ. А они его за ноги завяжутъ, да такъ и въ рѣку сволокутъ и ведро на шеѣ. А потомъ вытащатъ изъ рѣки, а въ ведрѣ нѣтъ ничего...

— Ефимушку Власова, — рассказывалъ Веригинъ, — тюремный капитанъ велѣлъ на барабанѣ остричь. — Надо замѣтить, что всѣ голые съ самаго начала движенія не стригли волосъ и бороды. — А Ефимушка ему говоритъ: „Ты, видно, думаешь, что моя сила въ волосахъ, какъ у Самсона! Языка небось не отрѣжешь“. А потомъ, какъ остригли его, онъ говоритъ капитану: „Дай мнѣ банку помады. Какъ ты этакъ убиваешься, хочешь привести меня въ свой образъ и подобіе, будто ты Богъ, — дай же, я навью свои усы и помадой намажу, совсѣмъ по-твоему...“ Такъ капитанъ даже плюнулъ и отступился. „Что, — говоритъ, — дѣлать съ этимъ чертомъ, прости Господи!“

Въ настоящее время на голыхъ духоборовъ стало находить раздумье. Нѣкоторые прямо говорили: „Мы залѣзли на высокую гору, а другіе за нами не пошли. Видно, теперь надо вертаться назадъ“. Ефимъ Власовъ даже прямо сказалъ: „Не беретъ наша. Надо, видно, прекратить ходить безъ одежды, хотя это очень пріятно лѣтомъ поблаженствовать. Если бы попасть въ болѣе мягкій климатъ и чело-вѣколюбивыя условія, можетъ быть, я бы могъ дѣлать то же самое...“

Губернаторъ Реджайны продолжалъ предлагать имъ свободу и требовалъ только въ знакъ подчиненія, чтобы они выполнили полгряды на тюремномъ огородѣ. Нѣсколько человѣкъ согласились и были выпущены на свободу. Веригинъ выражалъ увѣренность, что и остальные не замедлятъ послѣдовать ихъ примѣру и что второй эпизодъ „пилигримства“ окажется исчерпаннымъ.

Переходъ отъ голой проповѣди къ школамъ, быть можетъ, нѣсколько неожиданъ, но это были два текущихъ вопроса, сильно занимавшихъ вниманіе Духоборіи и, такъ сказать, уравнившихъ другъ друга.

Въ территоріяхъ Западной Канады, которая въ отличіе отъ восточныхъ штатовъ не считается окончательно организованной страной, школьное обученіе еще не стало обязательнымъ. Правительство, однако, всячески содѣйствуетъ общинамъ и даже самымъ мелкимъ группамъ жителей въ заведеніи собственныхъ школъ и, между прочимъ, оказываетъ имъ матеріальную помощь въ размѣрѣ двухъ третей необходимыхъ издержекъ. Англійскіе и нѣмецкіе фермеры вообще такъ или иначе заводятъ первоначальныя школы для своихъ дѣтей. Духоборы съ перваго года пріѣзда завели по всѣмъ селамъ собственныя школы грамоты, гдѣ мальчики и дѣвочки обучались чтенію и отчасти пѣнію духоборскихъ псалмовъ. Нѣсколько школъ было устроено интеллигентными людьми, которые пріѣхали вмѣстѣ съ духоборами, но большая часть ихъ имѣла временный характеръ. Черезъ годъ или черезъ два устроители уѣзжали въ Европу, и школы, разумѣется, исчезли. Двѣ-три по-

пытки устроить англійскую школу были сдѣланы миссіонерами, которые съѣхались со всѣхъ сторонъ просвѣщать духоборовъ свѣтомъ отъ собственной лампы, но съ такимъ закоренѣлымъ народомъ эти церковно-приходскія затѣи, конечно, не могли имѣть успѣха. Среди духоборскихъ поселковъ на озерѣ Добраго Духа два раза устраивались лѣтнія школы при помощи квакеровъ, но съ наступленіемъ зимы учительницы уѣзжали въ болѣе культурныя мѣста. Только одна школа, устроенная Гербертомъ Арчеромъ въ селѣ Вознесеніе, на сѣверномъ участкѣ, оказалась болѣе долговѣчной. Она существуетъ отчасти на средства квакеровъ, отчасти при содѣйствіи самихъ духоборовъ, которые отвели подъ нее избу, дали г. Арчеру лошадь съ повозкой и корову и стали снабжать его провизіей. Другая школа, устроенная г. Михаиломъ Щербининымъ на участкѣ Принца-Альберта также при содѣйствіи квакеровъ, въ концѣ концовъ повела къ взаимнымъ непріятностямъ. Основой непріятностей было то, что г. Щербининъ вмѣстѣ съ своими сыновьями и при полной поддержкѣ квакеровъ желалъ относиться къ духоборамъ какъ къ честнымъ, но невѣжественнымъ людямъ, которыхъ необходимо всѣми мѣрами поднять до высоты окружающаго просвѣщенія, а духоборы, разумѣется, не хотѣли признавать такую точку зрѣнія. Въ бумагахъ переселенческаго управленія въ Виннипегѣ я видѣлъ письмо г. Щербинина къ главному агенту Обеду Смиту, гдѣ г. Щербининъ высказываетъ категорическое недовѣріе къ особой духоборской школѣ и высказывается за настоятельную необходимость подчинить русскихъ переселенцевъ общему школьному режиму. Въ то же самое время г. Щербининъ вель со своими сосѣдями тяжбу изъ-за участка земли,

который онъ занялъ среди духоборскихъ полей. Документы на владѣніе были утверждены за г. Щербининымъ, но на участкѣ уже были духоборскія пашни. Я видѣлъ тамъ же очень любезное письмо г. Обедя Смиа, въ которомъ онъ выражалъ надежду, что г. учитель вознаградить духоборовъ за пашню и разобранныя изгороди. Не думаю, чтобы такая тяжба создавала взаимное настроеніе, благопріятное для успѣха школы.

Заслуживаетъ быть упомянутымъ также Владиміръ Майновъ, который обратился къ духоборамъ съ письмомъ изъ Нью Йорка. Духоборы прислали ему денегъ на проѣздъ, и онъ устроилъ школу въ селеніи Тамбовка. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ началось движеніе „слободы“, и оно было такъ сильно, что увлекло и пріѣзжаго учителя. Г. Майновъ вмѣстѣ со своими сосѣдями отказался отъ употребленія скота, бросилъ кожаную обувь и сталъ ходить по грязи пѣшкомъ, возилъ на себѣ кладь изъ Йорктона въ свое селеніе. Въ концѣ концовъ онъ разочаровался и исчезъ, какъ многіе другіе. Неудивительно, что послѣ всѣхъ этихъ опытовъ духоборы при всемъ своемъ стремленіи къ образованію, особенно въ младшемъ поколѣніи, получили недовѣріе къ помощи со стороны, наѣздомъ, и въ особенности бесплатно. Они стали мечтать о томъ, чтобы устроить собственныя школы, русскія и англійскія, съ платными учителями и подъ контролемъ общины, но пока у нихъ не хватало средствъ. Правительство было готово оказать имъ помощь, но вопросъ о направленіи школъ съ самаго начала привелъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ. Когда я говорилъ по этому поводу въ Йорктонѣ съ моими духоборскими знакомцами и настаивалъ на томъ, что, препятствуя устройству

школь, они наносятъ ущербъ собственнымъ дѣтямъ, одинъ изъ нихъ вмѣсто отвѣта показалъ мнѣ пукъ канадскихъ школьныхъ тетрадокъ. Онѣ были въ цвѣтныхъ обложкахъ. На оборотѣ у каждой красовались изображенія двухъ генераловъ во всѣхъ регаліяхъ и съ мечемъ въ рукѣ. Одинъ генераль обязательно былъ англійской крови, а другой — французской, чтобы ни одному изъ двухъ главныхъ племенъ Канады не было обидно. Краткая біографія внизу, въ самомъ свирѣпомъ джингоистскомъ стилѣ, описывала, какъ храбро каждый генераль сражался за канадское отечество и какое множество враговъ онъ успѣлъ истребить. Врагами являлись преимущественно тоже американцы, жители Соединенныхъ Штатовъ, а также буры и даже русскіе по Крымской войнѣ, въ которой добровольцы изъ Канады принимали какое-то участіе.

— Наука — дѣло хорошее, — сказалъ мой собесѣдникъ, — а это зачѣмъ же? Да еще ребяташекъ обучать... И если намъ учиться про генеральскія храбрости, то не стоило для этого черезъ океанъ переплывать...

Веригинъ рассказывалъ мнѣ очень характерный случай, разыгравшійся на почвѣ такихъ школьныхъ отношеній. На окраинѣ духоборскаго округа, на озерѣ Добраго Духа, два селенія расположились черезполосно съ англійскими фермерами въ одной и той же общинѣ. Англичанъ, впрочемъ, было только два семейства. Главнымъ жителемъ былъ нѣкій Смитъ, скотоводъ, владѣлецъ большихъ стадъ, которыя вольно паслись на окружающей преріи. Интересы скотоводовъ прямо противоположны успѣхамъ земледѣлія, и съ наплывомъ новыхъ переселенцевъ стада должны отступать вглубь страны на еще неза-

нятую землю. Понятно поэтому, что англійскій скотоводъ не могъ смотрѣть дружелюбными глазами на новообразовавшіяся села. Оружіемъ борьбы въ качествѣ просвѣщеннаго британца онъ выбралъ именно школу. Такъ какъ для правительственной помощи требовался необходимый минимумъ въ пять дѣтей школьнаго возраста, онъ помогъ переселиться въ общину еще одному англійскому семейству. Тогда правительство выдало имъ 900 долларовъ изъ школьнаго фонда. Смитъ построилъ небольшой домъ возлѣ своей усадьбы, пригласилъ учителя и былъ избранъ въ совѣтъ трехъ жителей попечителемъ новой школы. Черезъ годъ, когда школа стала существующимъ фактомъ, Смитъ обратился къ духоборамъ, какъ къ жителямъ той же общины, съ требованіемъ посылать своихъ дѣтей для обученія, а главное, принять участіе въ необходимыхъ издержкахъ. Духоборы, разумѣется, отказались наотрѣзъ отъ того и отъ другого. Тогда Смитъ захватилъ пару духоборскихъ лошадей, одна изъ которыхъ очень скоро была продана съ аукціоннаго торга въ пользу школы. Духоборія заволновалась. Но Веригинъ предложилъ Смиту, прежде чѣмъ доводить дѣло до официальной жалобы, сдѣлать попытку полюбовнаго соглашенія.

— Собрались мы, — рассказывалъ Веригинъ, — у школьной же избы. Духоборовъ больше половины пришло изъ обоихъ селеній; Смитъ, конечно, тутъ же съ батракомъ и два другихъ англичанина. Я сперва и сказалъ: „Я, молъ, говорю, здѣсь чужой, даже и въ околлицѣ здѣшней не живу. Конечно, я могу высказать мое мнѣніе, но почему я знаю, можетъ, вы и слушать меня не захотите“. А они говорятъ: „Какже, какже, гово-

рите. Мы знаемъ, что вы — благоразумный человекъ, мы сдаемся на ваше мнѣніе“. Я опять и говорю: „По-моему, чѣмъ господину Смиту судиться съ духоборами, такъ лучше бы присоединить ихъ къ школьному совѣту, да чтобы они тоже дали за него голоса. Недалеко ваша школа уѣдетъ на арестованныхъ лошадяхъ“. А Смитъ и подхватилъ: „Какже, — говорить, — это всего лучше. Я бы согласенъ былъ даже въ общину вступить и жить съ духоборами, какъ съ братьями. Ихній скотъ пусть ходитъ по моей землѣ, а мой — по ихней“. „Нѣтъ, — говорю, — это будетъ господину Смиту обидно. Потому — у духоборовъ земли большія, такъ если его скотъ пройдетъ по нимъ, это не будетъ замѣтно, а если весь духоборскій скотъ согнать, говорю, съ обѣихъ деревень на ферму господина Смита, на ней, пожалуй, ни листа не останется“. Вижу, разсердился Смитъ. Говоритъ: „Давайте собирать школьный совѣтъ!“

— А какъ, — говорю, — по закону, могутъ ли они избрать другого попечителя, ежели захотятъ?

— Ну, нѣтъ, — говорить, — я на три года утвержденъ, вамъ меня не своротить. Скорѣе солнце повернется на востокъ, чѣмъ я отъ школы уйду. Я, говорить, на своемъ мѣстѣ крѣпокъ, какъ царь.

Это къ нашему русскому понятію примѣняется да говорить.

А я говорю Сенѣ Рыбину: „Запиши ты эти слова въ протоколъ. У насъ память плохая, можетъ, мы что забудемъ...“ Вотъ и пришли домой и стали писать прошеніе въ Оттаву министру просвѣщенія, что духоборскихъ дѣтей — близко сотни, а англійскихъ — пятеро, а школа возлѣ Смитова дома; зимою духоборскимъ ребятишкамъ надо за двѣ

мили ходить по снѣгу, такъ общинный совѣтъ хочетъ перенести школу въ село, и между прочимъ не хотятъ Смита въ попечителяхъ, хотятъ другого, а онъ говоритъ, что ему смѣны нѣтъ и что онъ наравнѣ съ солнцемъ, а мы знаемъ, что Канада земля вольная и всѣ жители между собою наравнѣ.

— Вчера пришло рѣшеніе изъ Оттавы, — прибавилъ Веригинъ. — Смитъ въ отставку, и школа переносится въ духоборское село. Теперь мы съ него будемъ недоимки требовать, — прибавилъ онъ смѣясь.

— Мы этого Смита еще проучимъ, — продолжалъ Веригинъ. — Онъ отъ казны девятьсотъ долларовъ получилъ, а истратилъ на постройку не больше четверти. Поѣдетъ въ городъ будто за бревнами, а самъ положить весь товаръ для своей лавки, — лавчонку онъ держитъ, галиціане у него покупаютъ, — а каждую подводку выводилъ въ десять долларовъ. У насъ всѣ документы есть, мы его выведемъ на чистую воду...

Я привелъ этотъ случай для того, чтобы показать, какъ стойко духоборы защищаютъ свои гражданскія права на новой почвѣ. Можно думать, что и политическія права, которыя они скоро приобретутъ въ полномъ объемѣ, не останутся въ пренебреженіи. Не говоря о Веригинѣ, многіе молодые духоборы имѣютъ довольно отчетливое представленіе о взаимномъ положеніи политическихъ партій въ Канадѣ. Они знаютъ, между прочимъ, что доступъ въ Канаду былъ открытъ для нихъ благодаря членамъ либеральной партіи и при противодѣйствіи консерваторовъ, и симпатіи ихъ, конечно, лежатъ на сторонѣ первыхъ. Даже въ глубинѣ селеній рядомъ съ голосами непримиримыхъ, продолжающихъ утвер-

ждать, что Духоборія должна организоваться внѣ міра и его соблазновъ, я встрѣчалъ людей, которые уже теперь думаютъ о будущемъ пользованіи голосованіемъ. Они указывали мнѣ, что хотя духоборскія земли лежатъ въ углѣ схождения трехъ разныхъ территорій (Манитобы, Ассинобойи и Саскачевана), но правительство обѣщало имъ, что вся ихъ организациа будетъ въ Ассинобойѣ.

Мечты Веригина заходятъ еще дальше.

— Я говорилъ тутъ англикамъ, — рассказывалъ онъ мнѣ, вотъ газеты ваши все пишутъ о духоборахъ: то неладно, другое не хорошо; однако и у васъ самихъ не все же, какъ слѣдуетъ быть. Что если бы и мы основали маленькій листокъ и стали указывать вамъ? Быть можетъ, намъ виднѣе со стороны!..

Я встрѣтилъ Веригина на другой день въ переселенческомъ управленіи. Это было двухъэтажное зданіе, наполненное непрерывной и даже ожесточенной дѣятельностью. Клерки торопливо бѣгали взадъ и впередъ съ бумагами въ рукахъ и перомъ за ухомъ. Каждая пять минутъ являлись новыя группы эмигрантовъ записываться на землю. Управление должно было выдать имъ подробную карту избираемой мѣстности и дать бесплатно проводника, который помогъ бы имъ оріентироваться между участками. Восемь почтъ ежедневно приносили съ разныхъ концовъ образцы различныхъ произведеній мѣстной почвы, пробы урожаевъ хлѣба, льна, шерсти, которыя потомъ развѣшивались по стѣнамъ въ качествѣ наглядныхъ свидѣтельствъ. Постоянно приходили прожектеры и изыскатели, предлагавшіе развѣскивать уголь, желѣзную руду и даже нефть въ разныхъ углахъ еще незанятыхъ земель.

Веригинъ пришелъ сюда вмѣстѣ съ неизмѣннымъ Сеней Рыбинымъ и прямо прошелъ въ кабинетъ главнаго агента. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ ихъ дѣловаго разговора, и я подивился быстротѣ, съ которой Веригинъ схватывалъ малѣйшія детали, несмотря на невозможность непосредственно говорить съ агентомъ и лично читать дѣловые бумаги. Впрочемъ, онъ, видимо, уже многое понималъ въ англійской рѣчи, хотя говорить еще не рѣшался.

Дѣлъ было много и разнообразнаго характера. Министерство внутреннихъ дѣлъ изъ Оттавы требовало списки подростковъ для нарѣзки добавочныхъ участковъ изъ земель, оставленныхъ въ резервъ. Земли эти теперь составляли предметъ алчности всѣхъ новыхъ переселенцевъ, являвшихся въ страну, и духоборы были заинтересованы въ томъ, чтобы захватить свою долю для обезпеченія подрастающихъ поколѣній.

Правленіе желѣзной дороги отвѣтило отказомъ на просьбу объ уплатѣ за трехъ духоборскихъ лошадей, погибшихъ во время перевозки изъ Принцъ-Альберта въ Йорктонъ. Лошади эти принадлежали къ партіи, которую духоборы изъ Принцъ-Альберта посылали въ помощь возвращеннымъ пилигримамъ главнаго участка, и пропажа произошла отъ торопливости старшаго кондуктора, который за два дня ни разу не далъ времени духоборскимъ конюхамъ попоить лошадей какъ слѣдуетъ. Правленіе желѣзной дороги однако ссылалось на накладную записку, которая, какъ водится, была опутана сѣтью оговорокъ, избавлявшихъ желѣзную дорогу отъ всѣхъ видовъ отвѣтственности вплоть до небрежности ея собственныхъ агентовъ.

— Передайте ему, — сказалъ агентъ Рыбину, — что въ этомъ дѣлѣ не предвидится получки.

— Ничего, — возразилъ Веригинъ, — ты скажи ему, что мы написали объ этомъ въ Реджайнскоѣ газетѣ и подписались всѣмъ комитетомъ. Пусть желѣзная дорога судится съ нами за клевету.

— А какъ насчетъ корешковъ? — спросилъ агентъ.

Фермеры собираютъ въ Ассинобойѣ корень сенегі, дико растущій на преріи, и продаютъ его въ аптеки по 25—30 центовъ за фунтъ. Духоборская община составила партію сенегі въ 20,000 фунтовъ и искала для нея оптоваго скупщика въ Виннипегѣ.

— Передайте ему, — продолжалъ агентъ, снова обращаясь къ Рыбину, — что я спрашивалъ для васъ между городскими москательными торговцами. Одинъ изъ нихъ готовъ принять всю партію по сорокъ пять центовъ, только чтобы корень былъ сухой.

— А ты поблагодари его, — въ свою очередь сказалъ Веригинъ, — и скажи, что мы съ запада получили предложеніе и что намъ даютъ пятьдесятъ пять центовъ.

Сеня, къ удивленію, замаялся.

— Какъ сказать ему? — обратился онъ ко мнѣ, какъ бы ища совѣта.

— Скажи глухо, что у васъ есть покупатель, — предложилъ я.

— Не надо! — подтвердилъ Веригинъ, — скажи такъ, какъ я сказалъ.

— Вамъ лучше знать! — возразилъ агентъ съ отѣнкомъ легкаго неудовольствія.

— Намъ надо десять фунтовъ сулемы, — сказалъ опять Веригинъ, — скажи ему, пусть дастъ записку въ складъ.

— Зачѣмъ сулема? — мимоходомъ спросилъ

агентъ, собираясь писать ручательство на отпускъ.

— Скажи ему, — возразилъ Веригинъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ, — что какіе у насъ есть старенькіе старички и старушки, мы собираемся ихъ сулемою на тотъ свѣтъ спроваживать.

Агентъ шумно разсмѣялся. Мрачная шутка Веригина была совершенно въ американскомъ вкусѣ. Черезъ минуту, когда Веригинъ приготовился уходить, онъ вѣжливо проводилъ его къ выходу и самъ открылъ передъ нимъ дверь.

— Пророкъ — пророкомъ, — сказалъ онъ мнѣ довольно откровенно, — а никто его не надуеъ даже на грошъ! Послушали бы вы, какъ онъ съ купцами торгуется. Съ нимъ ни одинъ янки не совладаетъ.

Въ устахъ канадца это была высшая похвала.

Я пришелъ въ домъ Казабовыхъ поздно вечеромъ. Онъ былъ совершенно наполненъ духоборами. Веригинъ долженъ былъ вслѣдствіе телеграммы уѣхать на утро обратно въ Виннипегъ, и они пришли провожать своего вождя.

Теперь каждый изъ нихъ принесъ свой заработокъ и, вынимая изъ кармана пачку кредитныхъ бумажекъ, складывалъ ее на уголь кухоннаго стола. Это была простая, но поразительная сцена. Въ нѣсколько минутъ на столѣ собралась сумма въ нѣсколько тысячъ долларовъ.

— Вотъ вамъ на лошадей, Петюшка, — сказалъ одинъ изъ рабочихъ. — Поѣзжайте съ Господомъ.

Лица всѣхъ присутствующихъ свѣтились тихой и праздничной радостью. Я видѣлъ такія лица въ церкви передъ причастіемъ. Эти молодые рабочіе отдавали плоды многомѣсячнаго труда, и въ эту ми-

нута ихъ самоотверженное безкорыстіе на пользу общины поднимало ихъ надъ жизненной прозой и очищало ихъ души отъ мелкихъ будничныхъ грѣховъ.

Рѣчи Веригина продолжали изливаться тѣмъ же нескончаемымъ потокомъ. Теперь онъ говорилъ о сибирскихъ снѣгахъ и пустыняхъ и о людяхъ, которые живутъ тамъ, на дальнемъ сѣверѣ.

— Холодно тамъ, трудно жить, — рассказывалъ онъ. — И людей тѣхъ Богъ забылъ, да и они Бога забыли. Только и заботы у нихъ обмануть другъ друга. Одни только есть честные люди въ томъ краю: остяки на тундрѣ, по-русски — дикари. Всѣ ихъ обманываютъ а они никого. Ъдешь бывало, озябнешь, жизни не радъ, даже шуба не грѣетъ, метель, вьюга, того гляди, — замететь совсѣмъ. Наѣдешь на остяцкую палатку. Такъ онъ готовъ съ тобой послѣднимъ подѣлиться. Самъ не съѣстъ, а гостю отдастъ... Оттого и говорятъ про него: онъ дикарь, — умные люди такъ не дѣлаютъ.

Молодые духоборы слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и боялись проронить хоть слово. Это былъ наглядный урокъ современной русской географіи, съ тундрами и снѣгами на самомъ видномъ мѣстѣ. Противопоставленіе чистыхъ и честныхъ дѣтей природы умнымъ и безсовѣстнымъ сосѣдямъ нѣсколько соотвѣтствовало ихъ собственному положенію среди канадскихъ „англиковъ“.

Было уже очень поздно. Веригинъ предложилъ, чтобы я остался съ нимъ до утра и проводилъ его на поѣздъ, но я чувствовалъ себя наполненнымъ до предѣловъ вмѣстимости и предпочелъ уйти домой. Веригинъ пошелъ провожать меня до воротъ, но на дворѣ стояла такая тихая и теплая ночь, что неза-

мѣтно для себя онъ вышелъ изъ калитки и дошелъ со мною до угла. Кончилось тѣмъ, что мы стали ходить взадъ и впередъ по главной улицѣ, продолжая свой разговоръ.

— Пойдемте по срединѣ дороги,—предложилъ Веригинъ,—на тротуарѣ слишкомъ твердо. Я и днемъ хожу по срединѣ улицы, — прибавилъ онъ.

— А если лошадь наѣдетъ?

— Если небольшая лошадь, то ее можно и оттолкнуть! — отвѣтилъ онъ съ высоты своихъ четырнадцати вершковъ.

Излишне упоминать, что вѣрный Сеня Рыбинъ неотступно слѣдовалъ сзади. Онъ не считалъ себя въ правѣ оставить ввѣренное его попеченію „лицо“ даже на одну минуту.

Я коснулся вопроса о будущемъ духоборской общины.

— Неизвѣстно! — сказалъ Веригинъ. — Можетъ, мы и не останемся здѣсь. Здѣсь все-таки холодно для насъ. Фрукты не растутъ. Насъ же и теперь въ Аргентину приглашали. Поживемъ, оправимся, накопимъ денегъ, чтобы было чѣмъ орудовать. Потомъ продадимъ землю и все и переѣдемъ, хоть въ Австралію, что ли...

— Я говорю объ общинномъ строѣ,—объяснилъ я.

— Опять-таки неизвѣстно,—сказалъ задумчиво Веригинъ.—Мы дѣлаемъ только пробу, можно ли людямъ жить другъ съ другомъ на братскомъ положеніи...

Мнѣ захотѣлось отмѣтить еще одинъ послѣдній пунктъ. Двухдневное общеніе съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, который служилъ предметомъ почтительнаго обожанія для окружающихъ его при-

верженцевъ, оставило во мнѣ чувство, которому я искалъ теперь короткое и ясное выраженіе.

— Знаете ли, Петръ Васильевичъ, — сказала я, — исторія сложила это дѣло въ ваши руки и на ваши плечи. Отъ васъ будетъ зависѣть, какъ развернется и окончится эта проба...

— Я — песчинка! — живо возразилъ Веригинъ. — Даже вся наша община только капля въ морѣ. Но я вѣрю, что черезъ тысячу лѣтъ человѣчество будетъ жить по такому плану и небо надъ землею будетъ яснѣе...

Это былъ невольный порывъ, и онъ противорѣчилъ вчерашней теоріи Веригина о смѣнѣ земныхъ совершенствъ. Но мы не хотѣли думать о теоріяхъ. Мы подняли головы и посмотрѣли на ночное небо, которое въ свою очередь глядѣло на насъ своими безчисленными звѣздными очами.

Что увидятъ эти звѣзды на землѣ черезъ тысячу лѣтъ?

III.

Макарскій.

Въ предпоследній вечеръ моего пребыванія въ Виннипегъ одинъ изъ моихъ англійскихъ знакомыхъ, мистеръ Гриффитъ, начальникъ желѣзнодорожной станціи, задалъ мнѣ вопросъ: „Видѣли ли вы своего соотечественника Макарскаго?“ Я слышалъ это имя нѣсколько разъ, но не могъ выбрать свободнаго времени для визита. Гриффиту я сказалъ, что не знаю, гдѣ живетъ Макарскій.

— Это все равно, — сказалъ Гриффитъ, — идите до католической церкви, а потомъ спросите у перваго встрѣчнаго, гдѣ живетъ русскій ораторъ. Вамъ навѣрное укажутъ.

На другое утро я рѣшился воспользоваться указаніемъ Гриффита и, разыскавъ католическую церковь, обратился съ вопросомъ къ группѣ рабочихъ, стоявшихъ у ея воротъ. У меня были, признаться, нѣкоторыя сомнѣнія относительно возможныхъ результатовъ, но они оказались совершенно неосновательными.

— Русскій ораторъ, — тотчасъ же откликнулся одинъ изъ группы. — Мак-Ауски? — Въ этой передѣлкѣ имя соотечественника звучало совсѣмъ по-ирландски. — Пойдемте, я вамъ покажу.

Онъ ствелъ меня въ переулокъ и указалъ на рядъ деревянныхъ домовъ, очень похожихъ другъ на друга и занимавшихъ цѣлую сторону квартала. Одинъ домъ только теперь достраивался. Рядомъ у крылечка сидѣлъ молодой человѣкъ въ ситцевой рубахѣ и большихъ сапогахъ и читалъ библію.

— Я Мужовъ изъ Кіева, — отрекомендовался онъ. — Макарскій, къ вамъ гости! — обратился онъ куда-то вверхъ, по направленію къ строящемуся дому.

Изъ нутра недостроенной крыши вылѣзъ человѣкъ въ рабочемъ костюмѣ и спустился на улицу. Онъ держалъ въ рукѣ хитро изогнутый скобель, но услышавъ, что мы изъ Нью-Йорка и недавно пріѣхали изъ Россіи, быстро и искусно забросилъ его наверхъ и предложилъ намъ войти въ домъ. Моя жена выразила сожалѣніе, что мы отнимаемъ у него рабочее время. Макарскій весело разсмѣялся.

— У меня нѣтъ хозяина, — объяснилъ онъ, — всѣ эти дома мои собственные.

Это былъ человѣкъ высокій, костлявый, съ просѣдью въ бѣлокурыхъ волосахъ и веселыми голубыми глазами. Ему могло быть около 50-ти лѣтъ, но движенія его сохранили юношескую живость, и рѣчь его отличалась стремительностью и пылкостью, которыя пріобрѣли ему вышеприведенное прозвище.

Домъ Макарскаго былъ устроенъ на славу. Гостиная и зала были наполнены мягкой мебелью собственнаго издѣлія хозяина. У стѣны стояло фортепіано, и по столамъ были разбросаны прекрасные фотографическіе альбомы. Хозяйка, впрочемъ, не дала намъ разсматривать ихъ. Она увела насъ въ столовую и усадила за широкій деревянный столъ, который былъ такъ чисто оструганъ, что не нуждался въ скатерти, потомъ выставила передъ нами батарею закусокъ и

вареній въ польскомъ, русскомъ и англійскомъ стилѣ, которыя сдѣлали бы честь даже Пульхеріи Ивановнѣ Товстогубовой. Госпожа Макарская была просторная и хорошо сохранившаяся женщина, но ея лѣвая щека была прорѣзана глубокимъ шрамомъ, который восходилъ къ виску и терялся въ русыхъ волосахъ, еще совершенно свободныхъ отъ сѣдинъ. Госпожа Макарская говорила по-польски. Мужъ ея одинаково свободно говорилъ по-польски и по-русски, по-англійски и по-нѣмецки, постоянно смѣшивалъ всѣ нарѣчія и перескакивалъ съ одного на другое. Иногда мнѣ казалось, что у него во рту не одинъ, а цѣлыхъ четыре языка.

Макарскій рассказалъ мнѣ цѣлую эпопею. Онъ былъ родомъ изъ русской Польши и хорошо изучилъ всѣ отрасли работы надъ деревомъ. Онъ умѣлъ дѣлать мебель и строить дома, вытачивать затѣйливыя баллюстрады и рѣзать по дереву цвѣты и ангеловъ. Работалъ онъ преимущественно при постройкѣ костеловъ, при чемъ бралъ подряды на всѣ деревянные работы внутри и снаружи. Его приключенія на родинѣ тоже заслуживали бы описанія. Онъ имѣлъ нѣкоторое состояніе, но все основывалось на кредитѣ, и ему пришлось уѣхать такъ внезапно, что все пошло прахомъ.

Онъ явился въ Виннипегъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ и безъ гроша въ карманѣ, но плата за трудъ тогда была еще выше, чѣмъ теперь. Черезъ полгода онъ выписалъ жену и дѣтей, купилъ дешевый участокъ на тогдашней окраинѣ города и сталъ строить свой первый домъ. Въ то время въ городѣ никто не имѣлъ понятія о рабочихъ организаціяхъ. Макарскій первый произнесъ роковое слово и принялся обрабатывать своихъ сосѣдей и товарищей по ре-

меслу. Отъ постройкѣ костеловъ онъ, очевидно, сохранилъ вкусъ къ духовнымъ предметамъ, и полемика его имѣла вольтеріанскій характеръ. До настоящаго времени онъ велъ ожесточенныя дебаты съ начетчиками изъ русскихъ сектантовъ, которые считали его нечестивцемъ и охотнѣе всего уклонялись отъ его вызова. Вся ихъ премудрость заключалась въ цитатахъ, но Макарскій не признавалъ такихъ аргументовъ.

— Премудрость твоя — бумажная, — урекалъ онъ ихъ, — сафьяномъ обшита. Ты носишь ее подмышкой. Вынеси ее въ другую комнату, что отъ тебя останется.

Начетчики дѣйствительно являлись на диспутъ съ библіей подмышкой. Макарскій усердно старался отбивать у нихъ души, — особенно изъ новыхъ переселенцевъ. Въ домѣ его постоянно находился какой-нибудь юный пришелецъ изъ Кіева или Полтавщины. Макарскій прирѣввалъ и кормилъ его и все время усиленно нянчился съ нимъ, стараясь изгнать изъ его ума „цитаты“ и замѣстить ихъ „измами“. Но почва, воздѣланная начетчиками, туго поддавалась на „измы“. Въ концѣ концовъ Макарскій разочаровывался въ своемъ питомцѣ и отпускалъ его на всѣ четыре стороны. Мужовъ, котораго мы встрѣтили у крыльца, былъ именно изъ числа такихъ свѣжеуловленныхъ, но негодныхъ рыбъ, и, судя по нѣкоторымъ словамъ, брошеннымъ хозяиномъ, долженъ былъ скоро оставить его гостепріимную кровлю.

Съ русскими евреями, которыхъ въ Виннипегѣ довольно много, русско-польскій столяръ разговаривалъ еще безцеремоннѣе.

— Ты что цѣлуешь, дуракъ, въ „школѣ“ своей? — спрашивалъ онъ ихъ. — Исписанный пергаментъ?

Но пергаментъ сдѣланъ изъ телячьей кожи. Ты, значитъ, цѣлуешь теленка въ спину...

Однако съ польскими католиками аргументація Макарскаго едва не привела къ трагической развязкѣ въ самомъ началѣ его карьеры. Въ одинъ воскресный вечеръ нѣсколько польскихъ землекоповъ, предварительно нагрузившись въ кабацѣ, отправились расправляться съ недовѣркомъ. Они пришли къ жилищу Макарскаго и, не долго думая, достали револьверы и открыли пальбу по окнамъ. Осажденный вольтерьянецъ выскочилъ съ ружьемъ въ рукахъ, но выстрѣлъ его въ темнотѣ пропалъ даромъ. Зато онъ разбилъ прикладомъ голову самому смѣлому изъ нападавшихъ.

Поборники „телячьей кожи“ дали съ своей стороны новый залпъ, и одна пуля ранила въ лицо госпожу Макарскую, которая тоже выскочила на выстрѣлы, и раздробила ей скуловую кость. Въ это время сосѣди сбѣжались на шумъ, и оппоненты вольтерьянца обратились въ бѣгство. Двое изъ нихъ, впрочемъ, были задержаны и отправлены въ тюрьму.

На другой день общественное мнѣніе Виннипега, до того времени довольно враждебное „русскому оратору“, сразу обратилось на его сторону. Правовѣрные „оппоненты“ напали ночью на сонное жилище и ранили женщину, которая была увезена въ больницу въ безсознательномъ состояніи. Двое арестованныхъ поляковъ были преданы суду. Другіе участники нападенія исчезли изъ города. Надо отдать справедливость Макарскому, что онъ сдѣлалъ все возможное для того, чтобы смягчить участь своихъ враговъ, и въ результатѣ одинъ изъ нихъ былъ приговоренъ къ годичному заключенію, а другой, контуженный прикладомъ вольтерьянца, просто

отпущень съ совѣтомъ убираться по-добру, по-здорову изъ Виннипега.

Черезъ четыре дня Макарский публично объявилъ удивленнымъ жителямъ, что вызываетъ католическихъ ксендзовъ на открытый диспутъ. Въ это время онъ уже хорошо говорилъ на простонародномъ англійскомъ языкѣ и положилъ начало своей ораторской славѣ. Рѣчь его была коротка и выразительна.

— Вы, богатые и жирные ксендзы, — сказалъ онъ, — почему вы называетесь христіане? Нашъ Панъ, Іезусъ Христъ, былъ бѣдный плотникъ, такъ само, какъ я. Но только Онъ работалъ долотомъ и сѣкирой, а я таскаю на спинѣ мѣшокъ съ инструментами на 25 долларовъ, и спина моя болитъ...

Черезъ нѣсколько времени Макарский основалъ свое общество, которое скоро приобрѣло съ полсотни членовъ самаго пестраго національнаго состава. Я видѣлъ протоколы засѣданій, — они напоминаютъ вавилонское столпотвореніе. Нѣкоторые листы написаны по-польски, другіе по-русински польскими буквами и по-русински же кириллицей; иные составлены даже по-исландски, ибо, къ слову сказать, въ западной Канадѣ много переселенцевъ изъ Исландіи. Наконецъ, одно имя читается Мустафа-Бей Шишмановскій.

Новооснованное общество впрочемъ ни разу не могло достигнуть сотни членовъ, — перейти три цифры, какъ говорятъ американцы. Заработки въ Виннипегѣ слишкомъ высоки, чтобы разношерстные пришельцы хотѣли посвящать свои досуги на завиральныя идеи. Вдобавокъ, новое общество, какъ слишкомъ часто бываетъ, скоро раскололось на-двое, и обѣ половины открыто враждовали другъ съ другомъ. Личное вліяніе Макарскаго все-таки продол-

жало возрастать. Этому много способствовало увеличеніе его матеріальнаго благосостоянія, ибо онъ покупалъ участки за участкомъ и строилъ свои дома. Всѣ они, конечно, были заложены въ банкахъ, ибо Макарскій былъ бѣденъ оборотнымъ капиталомъ, зато бѣольшую часть работы онъ сдѣлалъ собственными руками при помощи своего „мѣшка съ инструментами на 25 долларовъ“. Въ Виннипегѣ и теперь довольно трудно нанять хорошаго столяра или слесаря на долгій срокъ, а десять лѣтъ тому назадъ это было еще труднѣе. Макарскій нанималъ нѣсколько русиновъ или поляковъ для болѣе грубой работы, а всю отдѣлку исполнялъ самъ, и его рабочий день приносилъ ему 15 — 20 долларовъ. Въ послѣдніе годы онъ постепенно сталъ заниматься спекуляціями на недвижимость, которыя въ Америкѣ чрезвычайно доходны при извѣстной ловкости и подвижности темперамента. На выборахъ общихъ и городскихъ Макарскій постоянно проявлялъ усиленную дѣятельность и произносилъ рѣчи на разныхъ языкахъ и примѣнительно къ различной аудиторіи. На послѣднихъ выборахъ въ парламентъ вліяніе, исходившее изъ его круга, было настолько замѣтно, что баллотировавшійся депутатъ либеральной партіи считалъ необходимымъ принять радикальную платформу и потомъ выступилъ въ оттавскомъ парламентѣ какъ представитель labour party, конечно, въ очень ограниченномъ, специально канадскомъ смыслѣ, т. е. главнымъ образомъ въ оппозиціи усиленію олигархическихъ желѣзнодорожныхъ компаній.

Такимъ образомъ, русско-польскій столяръ сыгралъ роль перваго зерна, изъ котораго выросло новое направленіе въ дальнемъ городѣ западной Канады. Аналогичные примѣры встрѣчаются во мно-

гихъ захоластныхъ городкахъ въ глубинѣ Соединенныхъ Штатовъ. Русско еврейскіе портные и слесаря, американизированные въ Нью-Йоркъ и перекочевавшіе внутрь страны, принесли туда на-ряду съ нѣмцами новое отношеніе къ окружающей дѣйствительности.

За нѣсколько мѣсяцевъ до нашей встрѣчи, Макарскаго постигло несчастье. Его единственный сынъ, механикъ по ремеслу, соблазнившись высокимъ жалованьемъ желѣзнодорожныхъ кондукторовъ, поступилъ на поѣздъ и черезъ шесть недѣль погибъ при крушеніи. Это произошло въ 50-ти миляхъ отъ Виннипега, и, по словамъ отца, молодой Макарскій, потерявшій правую ногу подъ колесомъ, могъ бы быть спасенъ, если бы его немедленно привезли въ городъ. Въмѣсто того, его оставили на 24 часа въ пустомъ вагонѣ на самомъ мѣстѣ крушенія. Нога его была перевязана простымъ кушакомъ, и на другой день къ вечеру онъ умеръ отъ кровоистеченія. Бѣдный вольтерьянецъ приписывалъ эту непростительную небрежность ненависти своихъ враговъ-желѣзнодорожниковъ, хотя жалобамъ его трудно придать полное вѣроятіе. По американскому обычаю, онъ немедленно затѣялъ процессъ, требуя отъ желѣзной дороги 20,000 долларовъ, но, разумѣется, никакія деньги не вернутъ жизни молодому человеку.

Кромѣ погибшаго сына, у Макарскаго есть двѣ дочери. Одна служитъ ученою кухаркой въ большомъ ресторанѣ и зарабатываетъ 100 долларовъ въ мѣсяцъ. Другая, совсѣмъ молодая дѣвушка, живетъ дома. Время-отъ-времени, когда ей не хватаетъ денегъ на новые наряды, она поступаетъ на двѣ недѣли кельнершей въ тотъ же ресторанъ и, заработавъ 25 или 30 долларовъ, покупаетъ шелковую

накидку или шляпу со страусовыми перьями и снова возвращается домой. Американскій Западъ не видитъ въ этомъ ничего унижительнаго, скорѣе наоборотъ. Во всякомъ случаѣ интересы дочерей, очевидно, вышли изъ орбиты вольтерьянца, который, несмотря на свои семь домовъ, надѣваетъ на праздникамъ сюртукъ, привезенный еще изъ Ломжи. Впрочемъ, на будущихъ муниципальных выборахъ сосѣди думаютъ поставить кандидатуру Макарскаго въ альдермены. Тогда ему придется, быть можетъ, заказать себѣ черный фракъ и окончательно войти въ нѣдра англійской порядочности. По всей вѣроятности, онъ внесетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою полемику и всѣ „измы“ въ нѣдра городского совѣта.

IV.

Отъѣздъ.

На другой день, рано утромъ, мы выѣхали изъ Виннипега въ Йорктонъ.

Недавно отстроенная желѣзная дорога еще имѣла довольно растрепанный видъ. Вагоны были сборные, нѣкоторые изъ нихъ съ изломанными скамейками. Публика не довѣряла больше попеченію багажныхъ агентовъ и вваливалась въ вагоны вмѣстѣ съ чемоданами и мѣшками. Всѣ проходы были завалены вѣщами. Обстановка поѣзда и даже лица пассажировъ странно напоминали Западную Сибирь. Я, впрочемъ, по восточно-американской привычкѣ, сдалъ свои вещи на багажный ярлыкъ и зато получилъ ихъ въ Йорктонѣ только недѣлю спустя. Наплывъ пассажировъ въ Виннипегъ былъ слишкомъ великъ, и недостаточный желѣзнодорожный персоналъ не успѣвалъ справляться съ дѣломъ. Помимо того я ничего не выигралъ и въ смыслѣ свободы въ поѣздѣ. Христина Ильпинская, имя которой было упоминаемо въ первой главѣ, выразила желаніе ѣхать съ нами до Йорктона. Братъ ея заняли фермы именно въ Йорктонскомъ округѣ, и она была рада сдѣлать новую „путину“ въ обществѣ знакомыхъ людей. Христина принесла съ собою сундукъ и огромный узелъ, и мнѣ пришлось, разу-

мѣется, таскаться съ ними на пересадкахъ. Христина, впрочемъ, относилась весьма ревниво къ своему багажу. На станціи Минедоза поѣздъ остановился на полчаса, чтобы дать пассажирамъ возможность пообѣдать. Всѣ пассажиры вышли вонъ и разсыпались по окрестнымъ трактирамъ, только полтавская „фармистка“ осталась твердо сидѣть на своемъ сундукѣ изъ опасенія, чтобы его не украли. Она напоминала мнѣ старинный анекдотъ о хохлѣ, который продавалъ цыгану масло изъ плотно завязанной кадки, служившей ему сидѣньемъ. Прочныя національныя черты, очевидно, передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Вагоны стали маневрировать. Христину Ильпинскую перевели на другой путь, потомъ увезли куда-то въ лѣсъ, но она съ твердостью прошла сквозь всѣ испытанія и черезъ часъ уже катила дальше вмѣстѣ съ нами и, сидя на томъ же сундукѣ, глядѣла въ окно своими выцвѣтшими глазами. За окномъ тянулась пшеница, пшеница, пшеница. Даже телеграфныя столбы пріобрѣли утомительно однообразный характеръ. Иные изъ нихъ, впрочемъ, степная буря выдернула съ корнемъ вонъ, какъ больные зубы, и только синія стеклянныя чашечки одиноко висѣли на проводахъ, оттягивая ихъ внизъ до самой земли.

Станціи становились все проще и примитивнѣе. Одинъ полустанокъ состоялъ изъ деревянной будки, на которой было написано черной краской: „Keloe, до Виннипега — 000 миль, до Юрктона — 000 миль“. Немного поодаль стояла такая же будка, на которой чья-то досужая рука вывела мѣломъ: „Keloe, этапъ для бродягъ, до смерти — близко, до пекла — два дня ходьбы“.

Христина Ильпинская, впрочемъ, не обращала

вниманія на эти подробности. Глаза ея не отрывались отъ полевого простора.

— У, земля! — повторяла она въ экстазѣ. — Чернина! Эту землю зубами бы грызла. Она мягкая, какъ сало.

Это была чисто стихійная, даже зоологическая жадность.

Въ избыткѣ радости Христина стала уговаривать меня отправиться къ ея братьямъ, за 50 миль въ сторону отъ Юрктона, и посмотрѣть на ихъ житье.

— Можетъ, и самъ фарму возьмешь, — соблазняла она меня. — Будетъ тебѣ по свѣту шататься, чужой хлѣбъ истъ. По крайней мѣрѣ имѣлъ бы свой уголь подъ старость.

На станціяхъ повсюду слышалась славянская рѣчь, и встрѣчались группы русиновъ, буковинцевъ, хохловъ, духоборовъ. Они занимались по линіи земляными и каменными работами, постройкой домовъ, плотничествомъ. По временамъ мнѣ казалось, что мы въ Австріи и подъѣзжаемъ къ русской границѣ, къ Волочиску или Бромамъ.

На станціи Сентри, уже недалеко отъ Юрктона, двое каменщиковъ-духоборовъ, стоявшихъ на платформѣ, заглянули въ окно вагона и оба разомъ воскликнули: „Митя! Зыбинъ! Назадъ ѣдешь?“.

Поездъ тронулся такъ быстро, что молодой человекъ, сидѣвшій на скамейкѣ въ углу, къ кому относилось привѣтствіе, едва успѣлъ отвѣтить своимъ знакомымъ. Онъ былъ одѣтъ очень чисто въ платье изъ рубчатого плиса, и голова его была покрыта сѣрою пуховою шляпой, но теперь мнѣ было странно, что я не призналъ раньше это круглое чисто русское лицо со вздернутымъ носомъ и простодушными сѣрыми глазами.

Митя Зыбинъ былъ однимъ изъ первыхъ грѣшниковъ, отпущенныхъ изъ реджайнскаго плѣна. У него не было ни усовъ, ни бороды, и ему не могло быть больше 24 лѣтъ. Онъ держался застѣнчиво, быть можетъ, благодаря деликатности своего положенія. Впрочемъ, мало-по-малу мы разговорились. Митя Зыбинъ былъ очень пріятель въ обращеніи. Какъ-то чувствовалось, что этотъ простодушный человѣкъ невнимателенъ къ матеріальнымъ интересамъ и направляетъ свои поступки исключительно по теченію своихъ мыслей.

— Отъ думы это пошло все, — рассказывалъ онъ мнѣ. — Стали мы думать сперва, что не обижай людей, живи по правдѣ. Потомъ, значить, и тварь, она тоже живая, ей больно, ее тоже не надо принуждать или обижать. Хотя бы и самая маленькая, муха или тамъ комаръ, ихъ тоже грѣхъ убивать.

— Ого! — сказала съ удивленіемъ Христина, внимательно прислушиваясь къ его рѣчи. — Что тамъ за грѣхъ? Комари — оно гадъ, нечисть.

— А ты почему знаешь? — живо возразилъ Митя. — Кто тебя нанялъ судить живую тварь? Комару вѣдь тоже больно, даромъ онъ маленькій. Ну-ка, у тебя бы ногу оторвать или руку свихнуть? Небось, ты не хочешь? А какъ онъ поменьше, то у него можно, значить? Ну, кабы тебя такъ-то схватилъ кто-нибудь большой, какъ китъ Іону во чревѣ?..

— А нашто комаръ кусается? — защищалась нѣсколько опѣшившая Христина. — Я его не трогаю...

— Кусается, такъ возьми да отгони... — степенно отвѣтилъ Митя. — То есть, такъ я думалъ раньше! — прибавилъ онъ вдругъ.

— А теперь, стало быть, покорился? — сказала Христина, уже оправившись и съ полемическою нотой въ голосъ.

— Не покорился, — возразилъ Мигя, — а по мыслямъ моимъ иначе вышло. Къ примѣру, мы мудрствовали такъ: Богъ создалъ міръ въ кротости и красотѣ, а человѣкъ переуродовалъ его и все перепортилъ.

Онъ формулировалъ свою основную мысль очень близко къ извѣстнымъ словамъ Руссо.

— Богъ создалъ такое множество вещей, цвѣты, травы, плоды и все отдалъ людямъ даромъ, а люди все расхватили и разобрали, и теперь, то есть, даже бумажки кусочекъ не дадутъ даромъ, а все говорятъ: купи. А съ природой человѣкъ поступаетъ какъ разбойникъ: цвѣтокъ увидить — сорветъ, дерево увидить — срубить, а они вѣдь тоже живутъ и растутъ... Для жизни человѣческой, говорятъ, надо трудиться. Но какой у человѣка трудъ, самый разбойничій! Плугъ вѣдь все равно — ножъ, острое желѣзо. Разворочай землѣ утробу — силѣмъ, напихай туда зерна — силѣмъ, что вырастетъ, подрѣжь подъ корешокъ, желѣзомъ. Все силѣмъ, отъемомъ... Къ чему это? Земля вѣдь тоже живая?..

— А то якъ: къ чему? — возразила Христина. — Хлѣба исти...

— А мы пробовали безъ хлѣба, — простодушно сказалъ Зыбинъ; — на травку перешли.

— Тю! — сказала Христина. — Хиба жъ вы овцы?..

Зыбинъ улыбнулся и утвердительно кивнулъ головой.

— Когда заперли нашихъ въ Іорктонъ въ эмигрантскій домъ, — сказалъ онъ, — тамъ ограда боль-

шая, наши упадутъ на траву, да и пасутся. И еще приговариваютъ: „Вотъ пасутся мирныя овечки, которыхъ скоро будутъ терзать хищные волки“...

— А можно травой наистись? — недовѣрчиво спросила Христина.

Быть можетъ, она уже соображала, нельзя ли ввести травояденіе въ домашній оборотъ въ качествѣ новаго ресурса.

Митя покачалъ головой.

— Нѣтъ, плохо, — признался онъ, — она сильно горькая. Брюхо набьешь, а толку настоящаго нѣтъ. Непривычно, видится...

— Голодно, значить? — протянула Христина нѣсколько разочарованнымъ тономъ.

— Что напѣ голодъ? — возразилъ Митя. — Вонъ Проня Погожевъ 43 дня безъ пищи былъ. Спрашивали: для чего? „Больше сорока дней, — говоритъ, — никто не постился. А я хочу испытать, сколь долго тѣло мое можетъ быть безъ пищи“. И даже будто воду не пилъ. А только когда тѣло очень томится, то купался въ водѣ. Говорить, тѣло кожей принимаетъ въ себя воду.

— Все это никчемница! — изрекла Христина безапелляціонный приговоръ надъ опытами духоборскаго мудрствованія.

— А развѣ трава не живая? — возразилъ я съ своей стороны.

— Вотъ, — радостно подхватилъ Митя, — я теперь тоже такъ думаю. У Бога все живое, — вода живая, и травка, и земля. И я тоже живой. Стало быть, я могу исполнить надъ ними свой законъ. Этакъ-то правильно и просто, а если мудрствовать по-нашему, то ѣсть нельзя, и жить нельзя, чтобы продолжить родъ.

— Я теперь на все согласенъ, — прибавилъ Митя, — даже мясо ѣсть могу. Что же, живой живое ѣсть. То же и о работѣ, — продолжалъ Митя. — Какъ можно говорить: работа — ярмо? Каждая травка и козявка работаетъ у Бога и Богъ Самъ работаетъ. А ты какъ хочешь отклониться?... Тоже и объ одежѣ. Какъ мы говорили, будто одежда противъ природы? Что зачѣмъ всякій звѣрь ходитъ безъ одежды, корова, напимѣръ, или лошадь? А у человѣка непременно какая-то покрывка. Или что лилія полевая цвѣтетъ и красуется, а одежду не ткеть? А навстрѣчу всего этого я скажу: не бываетъ орѣхъ безъ шкурки и луковка безъ шелухи, картошка безъ кожи, а человѣкъ безъ одежды.

Исходя изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, онъ успѣлъ прійти къ выводамъ, совершенно противоположнымъ мудрствованію „искателей пути“.

— Пріѣду на село, — началъ опять Митя, — всѣмъ стану говорить, такой и такой я былъ дуракъ... Жена, пожалуй, разсердится за мясо, — прибавилъ онъ съ минутнымъ опасеніемъ, но лицо его тотчасъ же опять расплылось широкой улыбкой. — Молодая у меня женка, — сказалъ онъ, — и дѣточекъ двое, мальчикъ и дѣвочка. Два мѣсяца не видалъ, не чаялъ уже, что и придется свидѣться.

Радость предстоящаго свиданія вытѣснила изъ его души опасеніе возможныхъ разногласій.

— Чудное дѣло я вамъ скажу, братцы, — заговорилъ Митя снова, — всѣ мои думы отъ жены пошли. Славная у меня жена, пѣвунья, хохотунья. Обое мы молоденькіе, а когда оженили насъ, мы совсѣмъ были ребятишки: мнѣ было шестнадцать, а ей пятнадцать лѣтъ. Такъ что мы даже играли по-ребячьи. Первая дѣвочка у насъ только черезъ три

года нашлась. Потомъ мы выросли, стали жить. Когда здѣсь стали люди отыскивать слободу, изъ нашего села, изъ Надежды, почитай-что никто не сдался на это; Павлуша Планидинъ всѣхъ разговоришь, собственная жена у него хотѣла идти, тоже не пустилъ. И я тоже не сдавался, чтобы скотъ отпускать, да жена моя меня сговорила: „Грѣхъ, — говорить, — на насъ и на нашихъ дѣтяхъ; откачнемся грѣха!“ Съ тѣмъ мы сходили въ Юрктонъ и назадъ пришли. Сталъ я думать, какъ же это ничего наше не сошлось... А жена говорить: „Все это глупство, взяли, говорятъ, мы свой душевный компасъ и повернули его на кривой бокъ. Теперь надо работать покрѣпче“... А я не могу отстать и все думаю о слободѣ. Что со мной случилось, самъ не знаю. Даже ѣсть и пить пересталъ, все хожу по комнатѣ и думаю. Ногти и волосы отростилъ, — думаю, все живое, натуральное. Грѣхъ стричь... Жена зоветъ меня работать, а я думаю: нельзя мнѣ работать, я долженъ идти проповѣдывать. Сколько она плакала, просила, даже на колѣни становилась, а я все думаю одно: нельзя мнѣ сдаться. Она плачетъ, и я плачу съ ней. „У тебя, — говорить, — есть жена и сынъ“. А я ей говорю: „Всѣ жены и всѣ дѣти“. А какъ стали мы уходить, сколько плачу было! Вышли онѣ съ нами за село. Она меня ухватила и говорить: „Я тебя не пустю“. А я ее обнялъ и поцѣловалъ. А потомъ все-таки говорю: „Мнѣ нужно идти“. А она говорить: „Ты бросилъ меня съ дѣтьми“. А я говорю: „Я васъ никогда не брошу. А когда увезутъ насъ въ теплую землю, я тебѣ напишу оттуда, и ты можешь пріѣхать съ дѣтьми“...

Митя откровенно всхлипнулъ. Онъ, видимо, снова

переживалъ эти тяжелыя минуты. Христина съ шумомъ высморкалась, вытерла себѣ носъ, но не сказала ничего. Разсказъ бывшаго „искателя“ затро-нулъ самыя нѣжныя струны ея голоднаго вдовьяго сердца, и у нея больше не хватило словъ для полемики.

V.

Іорктонъ.

Мы пріѣхали въ Іорктонъ поздно вечеромъ. На дворѣ накрапывалъ дождикъ. Митя Зыбинъ вмѣстѣ съ Христиной и моею женой ушли въ одну изъ духоборскихъ хатъ и усѣлись пить чай. Я разыскалъ англичанина, къ которому имѣлъ письмо, и вмѣстѣ съ нимъ отправился отыскивать себѣ пристанище на ночь. Къ моему великому изумленію, нигдѣ не было свободнаго мѣста. Конечно, это былъ маленькій, совсѣмъ новый городокъ. Первые дома его были построены четырнадцать лѣтъ тому назадъ, и даже въ 1900 г. въ немъ было только 200 жителей. Ростъ его начался вмѣстѣ съ переселеніемъ духоборовъ. Теперь въ немъ было больше 1,000 жителей, четыре хлѣбныхъ элеватора, три банка, больше десятка лавокъ. Въ минувшемъ году его хлѣбный отпускъ равнялся 800,000 бушелей, а въ текущемъ долженъ былъ достигнуть 1¹/₂ милліоновъ. Въ городѣ было три гостиницы, пять-шесть харчевенъ, около десятка частныхъ квартиръ для проѣзжающихъ. Теперь все это было набито постояльцами, даже всѣ чуланы и проходные коридоры были заняты. Въ гостиницахъ люди спали на билліардныхъ столахъ.

— Что у васъ за наплывъ? — спросилъ я англичанина. — Не нашли ли у васъ золота на степи?

— Это — охотники за землей, — отвѣтилъ мой спутникъ. — Пшеница не хуже золота, если участки раздають на даровщину.

Все это были авантюристы съ различныхъ концовъ англо-саксонскаго міра, съ сѣвера Соединенныхъ Штатовъ, съ востока Канады, изъ Англіи и даже изъ Австраліи. Они носили пиджаки и бѣлые воротнички и тратили ежедневно 2—3 доллара. Это были не столько колонисты, сколько спекуляторы на землю. Цѣны на землю росли не по днямъ, а по часамъ, и они хотѣли записать за собою участокъ, пока фондъ для раздачи еще не былъ исчерпанъ. Иные соглашались принимать надѣлъ въ безлюдной степи, за 100 миль отъ города. Другіе перекупали у фермеровъ уже разработанные участки, рассчитывая черезъ нѣсколько лѣтъ перепродать ихъ съ огромною выгодой. Рядовые переселенцы, конечно, не могли останавливаться въ гостиницахъ. Они ютились у земляковъ: славяне — у славянъ, нѣмцы — у нѣмцевъ, исландцы — у исландцевъ. Нѣкоторые жили просто въ палаткахъ, раскинутыхъ на площади.

Спутникъ мой былъ земельный чиновникъ, уроженецъ Восточной Канады, но пламенный патріотъ Западной Преріи. Несмотря на дождикъ, поливавшій насъ сверху, ему, видимо, нравилось это многолюдство и самая неудача нашихъ поисковъ.

— Пусть ѣдутъ, пусть! — повторялъ онъ. — Это страна не хуже „Штатовъ“; степь тянется до Клондайка, и на ней есть мѣсто милліоновъ на тридцать.

Мы проходили мимо табора русинскихъ фермеровъ. Они расположились на одномъ изъ городскихъ пустырей, сдвинули вмѣстѣ свои возы и усѣлись у

огонька, растянувъ противъ дождика сѣрый полотняный навѣсъ. Надъ огонькомъ висѣлъ котелъ, въ которомъ варилась каша. Можно было подумать, что это—приваль чумаковъ въ степи, а не ночлегъ американскихъ фермеровъ въ бойко растущемъ городкѣ на станціи желѣзной дороги.

Но канадскій патриотъ одобрительно кивнулъ головой.

— И эти пусть ѣдутъ, — сказалъ онъ. — Намъ нужны массы, количества. Когда янки создавали свою націю, они распахнули ворота для всякихъ племенъ. — Онъ развелъ руками, какъ будто широко открывая невидимыя ворота.—Мы сдѣлали то же, и въ 20 лѣтъ мы создадимъ великій народъ...

Канадское правительство, какъ я уже говорилъ, дѣйствительно очень предупредительно къ переселенцамъ, облегчаетъ проѣздъ, даже платитъ имъ премію въ 5 долларовъ съ души мужского пола. Многіе изъ эмигрантовъ, направляющихся въ Соединенные Штаты, все-таки выбираютъ путь на Квебекъ, потому что тамъ высадка на берегъ не сопровождается столь унизительною и стѣснительною процедурой, какъ въ Нью-Йоркѣ или Филадельфіи.

Мнѣ крѣпко не хотѣлось злоупотреблять гостепріимствомъ духоборовъ, тѣмъ болѣе, что о вознагражденіи, конечно, не могло быть рѣчи; но послѣ того, какъ мы обошли весь городъ, мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ послѣдовать примѣру моихъ спутниковъ по желѣзной дорогѣ. Духоборская община имѣла въ городѣ цѣлый поселокъ, застроенный теплыми бараками, равно пригодными для лошадей и для ямщиковъ. Здѣсь останавливались возчики, пріѣзжавшіе изъ селеній за продуктами и кладью съ желѣзной дороги. Кромѣ того, въ городѣ постоянно

жили три семьи, отказавшіяся отъ земледѣлія и почти не принадлежавшія къ общинѣ. Одна изъ нихъ, впрочемъ, принадлежала Алдошѣ Попову, человѣку очень уважаемому среди духовоборовъ и англичанъ. вмѣстѣ съ нимъ жилъ Ваня Подовинниковъ, повѣренный общины по приему и отпуску клади и по разнымъ городскимъ дѣламъ.

Мы пріютились у Алдоши и вообще съ тѣхъ поръ жили все время съ духовоборами. Это наполовину невольное рѣшеніе имѣло прекрасные результаты. Правда, мы спали на старыхъ сѣнникахъ, брошенныхъ на полъ, питались квасомъ и овощами, выдернутыми прямо изъ гряды, зато наше сближеніе съ духовоборами произошло немедленно, почти произвольно. Въ домѣ Алдоши была постоянная толчея. Родственники и пріятели и вообще всѣ пожилые и болѣе уважаемые сельчане заѣзжали къ Алдошѣ, какъ на вѣзжую квартиру, проводили ночь и на утро, справившись съ дѣлами, уѣзжали во-свояси, уступая мѣсто другимъ. Я составлялъ для всѣхъ этихъ людей предметъ особаго любопытства, но вмѣсто личныхъ разспросовъ они съ перваго слова спрашивали: „А какая ваша вѣра?“ и старались выяснить мой взглядъ на самые разнообразныя вопросы философіи и этики. Я, разумѣется, платилъ тѣмъ же, и мы просиживали въ разговорахъ далеко за полночь, не обращая вниманія на то, что по крайней мѣрѣ одной изъ спорящихъ сторонъ придется встать до зари, чтобы пуститься въ путь.

Нѣсколько человѣкъ работали въ городѣ, копали колодцы, выдѣлывали кирпичъ, строили дома. Окончивъ девятичасовой рабочій день, они приходили къ намъ и чуть не съ порога принимались за споръ. Пренія иногда затягивались до двухъ часовъ ночи,

пока обѣ стороны совсѣмъ „остеклѣють“ отъ утомленія и кто-нибудь замретъ на полусловѣ, побѣжденный сномъ. Съ самаго начала собесѣдники мои оказались искушенными діалектиками, и часто мнѣ нужна была вся моя осмотрительность, чтобы отстаивать свои позиціи отъ разностороннихъ нападеній. Конечно, мы говорили не однимъ и тѣмъ же языкомъ и употребляли различные термины.

За этими полуграмотными мужиками чувствовалась привычка къ самостоятельному мышленію и прочный навыкъ къ изложенію своихъ взглядовъ. Они пріобрѣли ихъ въ обстоятельныхъ бесѣдахъ, которыя изъ года въ годъ ведутся въ каждомъ селѣ, чуть не въ каждомъ домѣ, преимущественно по зимамъ, когда досуга больше. Я замѣтилъ, однако, что, благодаря значительному сходству своихъ взглядовъ, духоборческіе спорщики нѣсколько пріѣлись другъ другу и что участіе свѣжаго человѣка было для нихъ пріятною новинкой.

Ваня и Алдоша были какъ Марѳа и Марія духоборства. Ваня былъ человѣкъ хорошо грамотный. Въ прошломъ онъ долго состоялъ волостнымъ писаремъ и теперь попалъ въ городскіе уполномоченные именно изъ-за своей привычки справляться съ сложными расчетами. Ваня былъ весельчакъ и балагуръ, но то же не безъ склонности къ философскимъ спорамъ. По вечерамъ, когда мы вели цѣлымъ кругомъ безконечныя пренія, онъ обыкновенно сидѣлъ у стола надъ своей записной книжкой и подводилъ итоги. Однако время отъ времени онъ поднималъ голову и вставлялъ короткое замѣчаніе, освѣщавшее вопросъ съ неожиданной стороны. Какъ-то, помню, разговоръ коснулся медицины. Я сталъ отстаивать культурную необходимость врачебной по-

мощи для широкихъ слоевъ населенія. Алдоша приводилъ разнообразные случаи изъ практики, какъ будто выхваченные изъ извѣстной книги Вересаева, и доказывалъ, что докторъ не можетъ ничего. Въ заключеніе, опираясь на духоборскую доктрину о всемогуществѣ человѣческаго духа, Алдоша категорически заявилъ, что если человѣкъ захворалъ, то ему не трудно вылѣчиться,—стоитъ только хорошенько захотѣть...

— А позвольте спросить васъ,—вдругъ сказалъ Ваня,—для чего человѣку хворать?

Даже Алдоша со своей категорической доктриной затруднился отвѣтомъ.

— Развѣ Богъ создалъ человѣка для того, чтобы ему хворать?..—побѣдоносно продолжалъ Ваня.—Богъ создалъ человѣка, чтобы быть здоровому...

Въ обычное время, около полуночи, Ваня незамѣтно удалялся отъ стола и укладывался на покой въ углу комнаты. Его уравновѣшенная натура не выносила неумѣренныхъ бдѣній. Это былъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, и, несмотря на строгое вегетаріанство, полы его кафтана прикрывали солидное кругленькое брюшко, что въ Духоборіи едва ли не единственный примѣръ. Впрочемъ, съ ранняго утра Ванѣ приходилось вскакивать и пускаться „въ хожденіе по дѣламъ“, и часто до самаго вечера ему не удавалось даже поѣсть, какъ слѣдуетъ. Обязанности, лежавшія на немъ, были весьма многосложны. Онъ снабжалъ запасами духоборскихъ рабочихъ, проходившихъ черезъ Юрктонъ, принималъ и отправлялъ подводы, пріѣзжавшія изъ селеній за товарами и матеріалами, получалъ разнообразную кладь, прибывавшую изъ Виннипега почти ежедневно цѣлыми вагонами. Между прочимъ онъ запасалъ для всей

духоборской общины топленое масло на зиму, скупая его у окрестныхъ фермеровъ по 10 центовъ за фунтъ. Жены обоихъ пріятелей цѣлые дни занимались очисткой и перетапливаніемъ масла и постоянно ходили съ головою болью отъ угара. По мѣрѣ накопленія, масло отсымалось въ село Отрадное и складывалось въ общественный погребъ. Но болѣе всего хлопотъ у Вани было съ машинами, только что присланными изъ Чикаго, которыя нужно было спѣшно переправить въ села для предстоящей страды. Онѣ были сложены на площади передъ желѣзно-дорожной станціей. Когда я въ первый разъ подошелъ къ нимъ, партія духоборовъ съ Громовой Горы припрягала длинную вереницу лошадей къ красной молотилкѣ, огромной, какъ домъ, и поднимавшей къ небу систему странныхъ, четвероугольныхъ трубъ. Два локобиля стояли рядышкомъ въ сторонкѣ, какъ будто собираясь пуститься взапуски. Сѣялки, косилки, жнеи стояли и лежали на землѣ, сверкая стальными зубьями и перекрещивая по всѣмъ направленіямъ свои длинныя рукоятки, похожія на колодезный оцепъ. Группы русинскихъ фермеровъ ходили вокругъ машинъ, спрашивали о цѣнахъ и удивлялись дешевизнѣ.

— Ахъ, кабы намъ завести, — говорили они, — покупать гуртомъ! Но только мы купимъ, а придется дѣлить, то мы всѣ перерѣжемся.

Очевидно, духоборскія затѣи производили впечатлѣніе по крайней мѣрѣ на этихъ соплеменниковъ.

Свободныя минуты Ваня посвящалъ душеспасительнымъ разговорамъ съ миссіонерами, проживавшими въ Йорктонѣ въ цѣляхъ уловленія духоборскихъ душъ въ свои словесныя мрежи. Ихъ было двое — баптистъ и евангелистъ. Оба говорили по-русски и

были нѣкоторымъ образомъ не чужды русской культуры. Очевидно, ревнительные комитеты отыскивали ихъ по всему англо-саксонскому міру для предстоящей задачи. Впрочемъ, русская культура у обоихъ была, такъ сказать, со шербинкой. Баптистъ былъ Геліерь, еврей изъ Витебска, очень молодой и тщедушный тѣломъ. Родители привезли его въ Лондонъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, но на слѣдующій годъ онъ сталъ сиротой и очутился буквально на мостовой. Баптистская конгрегація подобрала его, воспитала въ одной изъ своихъ школъ, потомъ провела сквозь семинарію и послала на дальній западъ Канады пробовать свои духовныя крылья. Евангелистъ былъ Стефаніанцъ, армянинъ изъ Тифлиса. Онъ былъ нѣсколько постарше и почти вдвое выше Геліера. Отчасти въ пику своему сопернику, онъ охотно рассказывалъ, что принадлежитъ къ зажиточной семьѣ.

— Мой папаша — конный человѣкъ, — повторялъ онъ. — Мы хорошо знаемъ, что такое лошадь...

Въ дѣтствѣ Стефаніанцъ прошелъ сквозь три класса одной изъ кавказскихъ гимназій, потомъ поступилъ въ евангелическую семинарію въ турецкой Арменіи, наконецъ, оттуда перевелся въ Нью-Йоркъ, въ соотвѣтственную духовную академію. Въ академіи впрочемъ онъ пробылъ всего около года и теперь пытался перейти на практическую почву.

Я не знаю, на какомъ языкѣ думали гг. миссіонеры, но говорили они по-англійски и по-русски одинаково скверно, съ нескладными выраженіями и характернымъ акцентомъ. Въ особенности каждый разговоръ ихъ по-русски напоминалъ сцены изъ народнаго быта въ извѣстномъ стилѣ. Разумѣется, ихъ дѣятельность среди такого закоснѣлаго народа, какъ

духоборы, не могла имѣть никакого успѣха. Геліеръ все-таки былъ попроворнѣ. Онъ былъ полонъ благодарности къ своей конгрегаціи, воспитавшей его и сдѣлавшей изъ него человѣка, и по-своему былъ очень преданъ своей идеѣ. Зато онъ горько жаловался на нераскаянность русскихъ диссидентовъ.

— Это такой народъ, — говорилъ онъ, — не хочетъ уважать ничего! Я имъ говорю: вы мужики, что вы можете понимать? Дайте, я вамъ устрою школу и буду просвѣщать вашихъ дѣтей съ писаніемъ, какъ всѣ порядочные люди. А они говорятъ: „Ты про чужое писаніе не расписывай, а говори отъ ума. У тебя что на плечахъ, — голова или дыня? Кажи намъ, что у тебя есть подъ коркой“...

Послѣ нѣкоторыхъ довольно непріятныхъ столкновений мужчины совсѣмъ перестали спорить съ Геліеромъ. Онъ, впрочемъ, самъ признавался мнѣ, что не въ силахъ угоняться за духоборскою діалектикой. Женщины донимали проповѣдника по-своему.

— Ты давеча говорилъ, — приставала къ нему одна молодая духоборка въ моемъ присутствіи, — что въ писаніи сказано: „Всякій человѣкъ долженъ трудиться“?..

— Конечно, сказано! — подхватилъ Геліеръ съ полемическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

— Ну, такъ на тебѣ топоръ, наруби намъ дровъ! — и она совала ему въ руки длинную американскую сѣкиру, ручка которой приходилась ему подъ самое плечо.

— Языкомъ-то всякій можетъ, — сентенціозно прибавляла она, — а матушка-ладонь весь міръ кормить.

Въ концѣ концовъ неугомонный проповѣдникъ отказался отъ всякой надежды пріобрѣсти какое-ни-

будь вліяніе въ этой нераскаянной средѣ и собирався перенести свою дѣятельность къ сосѣднимъ русинамъ, уніатамъ или православнымъ, духовныя потребности которыхъ были предоставлены на произволь судьбы и которые въ болѣе глухихъ мѣстахъ не знали даже, у кого крестить ребенка, одинаково колеблясь между ирландскимъ католическимъ патеромъ и англійскимъ пасторомъ, тоже бритымъ и вдобавокъ одѣтымъ вмѣсто рясы во фракъ и манишку съ бѣлымъ галстукомъ. Въ ихъ средѣ онъ могъ рассчитывать на вѣрную ловитву, особенно при посредствѣ церковно-приходской школы, которую духоборы такъ непривѣтливо отвергли.

Армянинъ былъ упряме.

— Не хотятъ слушать, не надо! — говорилъ онъ. — На что мнѣ глупыя духоборскія уши? Я уйду въ лѣсъ и буду разговаривать деревьямъ...

Впрочемъ, его интересы постепенно отвлекались въ другую сторону. Онъ приобрѣлъ себѣ ферму и присматривалъ на границѣ Духоборіи обширный участокъ для будущей армянской колоніи, о которой говорила мнѣ г-жа Казабова въ Виннипегѣ. Коварный Ваня Подовинниковъ однако продолжалъ водить дружбу съ обоими миссіонерами. Онъ скоро удостоверился, что между ихъ воззрѣніями существуетъ ощутительная разница, и въ разговорахъ тотчасъ же принимался противопоставлять ихъ взаимные аргументы, прикрываясь полнѣйшимъ безличіемъ и желаніемъ воспринять истину. Иногда проповѣдники не выдерживали и вступали въ прямой споръ, особенно по вопросу о свободной волѣ и предопредѣленіи. Оба они принимались горячиться и сыпать аргументами, уже совершенно не обращая вниманія на чистоту слога. Получалась неопикуемая сцена, назидательная

тельная съ своимъ родѣ, разумѣется, въ нѣсколько неожиданномъ направленіи.

Почти каждый день вмѣстѣ съ Ваней мы обходили городъ, посѣщали лавки и банки, желѣзнодорожную станцію и почту. Русскій элементъ вездѣ занималъ выдающееся мѣсто. Во всѣхъ лавкахъ приказчики говорили по-русски, даже ирландцы и чистокровные канадцы. Повсюду встрѣчались великоруссы, русины, хохлы, — духоборы, баптисты, православные и униаты. Нерѣдко попадались также люди довольно загадочнаго вида. Такъ, однажды мы встрѣтили въ лавкѣ высокаго мужика въ большихъ сапогахъ и сѣромъ суконномъ азамѣ. Борода у него была русая, лопатой, и веселые сѣрые глазки. По выраженію ихъ я какъ-то сразу призналъ въ немъ соотечественника. Впрочемъ, и съ лавочникомъ онъ объяснялся широкимъ русскимъ нарѣчіемъ, вкуснымъ и полнозвучнымъ и даже нѣсколько поющимъ, на московскій манеръ. Мы разговорились.

— А вы какой губерніи, землячокъ? — задалъ я мирный и стереотипный вопросъ.

— А я — татаринъ съ Крыма! — спокойно отвѣтилъ мужикъ.

Я думалъ, что онъ шутить, но мужикъ стоялъ на своемъ.

— Ей Богу, татаринъ! — настаивалъ онъ. — Мухаметъ съ Крыму. Даже и отецъ мой, и дѣдъ были изъ мухаметанцевъ.

Ваня, впрочемъ, предположилъ, что „мухаметанецъ“ кривить душой.

— Должно быть, у тебя такая вѣра, что людямъ сказать стыдно, — замѣтилъ онъ насмѣшливо, — то ты и повернулъ на мухаметанъ. У тебя и носъ заструганъ не по-мухаметански.

Алдоша Поповъ разговаривалъ и спорилъ со мною усерднѣе всѣхъ. Онъ былъ человѣкъ совсѣмъ другого типа, съ болѣе тонкой нервной организаціей, чѣмъ у Вани. Лѣтами онъ былъ моложе, ему не могло быть больше 35-ти лѣтъ. У него были свѣтло-русые кудри и большіе свѣтлые глаза, которые свѣтились страннымъ блѣдно-голубымъ блескомъ. Такіе глаза и такой взглядъ я потому часто встрѣчалъ среди этой причудливой общины и научился узнавать по нимъ ригористовъ, въ родѣ описанныхъ прежде „голыхъ“ и „искателей слободнаго пути“. Лицомъ Алдоша напомнилъ мнѣ одного дорогого друга, котораго я оставилъ, лѣтъ пять тому назадъ, въ арктическихъ широтахъ и который съ тѣхъ поръ рѣшилъ свою судьбу просто и ясно и теперь спитъ на уединенномъ кладбищѣ въ далекомъ сѣверномъ захолустьѣ. Мой другъ принадлежалъ къ другой великой вѣтви славянской расы, но Алдоша походилъ на него почти до странности.

Даже интонаціи его голоса были тѣ же самыя, и по временамъ, слушая его безпокойные выкрики, мнѣ казалось, что мертвый возсталъ изъ гроба и пришелъ ко мнѣ, чтобы поговорить о новыхъ и странныхъ вещахъ, которымъ научился по ту сторону невѣдомаго.

Какъ сказано выше, Алдоша былъ ригористомъ. Онъ, однако, не участвовалъ ни въ одномъ изъ духовоборскихъ „походовъ“.

— Зачѣмъ? — говорилъ онъ. — Эта проповѣдь — для надсмѣянія. Да и чего проповѣдывать? Я самъ не знаю.

Но жизнь Алдоша велъ подвижническую и четыре года не употреблялъ молока и яицъ, а питался хлѣбомъ и картошкой. У него была молодая жена и

двухлѣтній сынишка. Но въ послѣдніе два года онъ уклонялся отъ супружеской жизни, къ великому отчаянію Дунни, которая любила его безъ памяти и все опасалась, что въ концѣ концовъ онъ уйдетъ странствовать. Въ практической жизни Алдоша былъ мастеръ на всѣ руки. Онъ былъ слесарь и плотникъ, умѣлъ выкопать и укрѣпить колодезь, даже выжечь кладку кирпичей и сложить изъ нихъ печь по любому чертежу. Теперь, впрочемъ, онъ не хотѣлъ проявлять своей разнообразной умѣлости. Въ то время какъ вся община, наконецъ, ослѣла на землю и быстро проростала корнями въ дѣвственный черноземъ преріи, онъ стоялъ въ сторонѣ со сложенными руками и настойчиво спрашивалъ свое безпокойное: „Зачѣмъ?“ ... Онъ даже остался въ городѣ и не ушелъ въ село именно для того, чтобы удержаться внѣ общей творческой работы. Дуния, напротивъ, мечтала о земледѣльческой жизни и даже въ городѣ старалась устроится по-деревенски. Вокругъ своей избы она вскопала и развела обширный огородъ, овощами съ котораго питались обѣ семьи и ихъ многочисленные гости. Весь день она молча и быстро ходила вокругъ своей усадьбы, исполняя различныя домашнія работы. На лицѣ ея лежало постоянное облако. Въ ней говорило обычное женское стремленіе жить, какъ всѣ люди, между тѣмъ какъ Алдоша ни за что не хотѣлъ подчиняться общему укладу.

Алдоша былъ не только практикомъ, но и тонкимъ теоретикомъ вегетаріанства. Я попробовалъ вступить съ нимъ въ споръ, но потерпѣлъ пораженіе.

Моя точка зрѣнія была такова, что вегетаріанскій законъ слишкомъ тяжелъ для человѣчества.

— Довольно бы человѣку соблюдать справедливость хотя бы по отношенію къ людямъ, — говорилъ я.

Я разсказалъ Алдошѣ объ обществахъ покровительства животныхъ, существующихъ по цивилизованному міру, и, между прочимъ, объ эксцессахъ похода противъ вивисекціи, организованнаго пасторами и старыми дѣвами. Мой выводъ былъ таковъ, что современное цивилизованное вегетаріанство и покровительство животныхъ представляютъ въ значительной степени безсознательную попытку уклоненія отъ общественныхъ задачъ, ибо миловать животныхъ, конечно, гораздо проще и легче, чѣмъ отдавать должное людямъ. Припомнился мнѣ кстати знакомый капитанъ, который дѣйствительно питался баклажанами и сырой крупой, но, помимо того, поѣдомъ ѣлъ свою жену и цѣлую роту. Но Алдоша не хотѣлъ сдаваться ни на какіе аргументы.

— Въ городѣ у васъ все въ затменіи, — сказалъ онъ. — Купилъ себѣ фунтикъ мяса у мясника, — и заботы нѣтъ, а въ деревнѣ проще. Если ты хочешь ѣсть мясо, вонъ курица ходитъ. На-ка тебѣ ножикъ, зарѣжь, да и ѣшь. Небось, не зарѣжешь!

Я долженъ былъ признать справедливость Алдошиныхъ словъ.

— Самъ рѣзать не хочешь, — съ упрекомъ сказалъ Алдоша, — зачѣмъ на другихъ сваливаешь? Это ужъ и для людей не по правдѣ... Мы кого бережемъ, — доказывалъ Алдоша. — Не скотину, а самихъ себя. Скотинѣ чего, — она нѣшто понимаетъ? Кокъ ее въ голову топоромъ, — она упала и издохла, а ты живой, и на твоей душѣ кровавое пятно... Къ примѣру, какъ въ древнія времена были владѣтели и рабы. Жестокій господинъ увѣ-

чилъ не столь раба, сколь собственную душу... По нашему разуму, — доказывалъ Алдоша, — въ деревенской жизни отъ скотобойства вырастаетъ разбойство, отъ обиды скоту — обида людямъ. Сегодня ты лошадь ударилъ, завтра — жену, сына. Или сперва зарѣзалъ теленка, потомъ овцу, корову... Привыкъ ножомъ распоряжаться, глядишь — взялъ да и въ человѣка всадилъ. По-нашему, — заключилъ Алдоша, — отъ войны и отъ скотобоя вырастаетъ все зло на землѣ, отъ войны, такъ сказать, оптомъ, а отъ скотобойни по розницѣ.

Въ этомъ отношеніи Духоборіи въ значительной степени осуществила идеалы Алдоши. Вегетарианство царствуетъ тамъ во всей силѣ и строгости, и среди молодого поколѣнія уже стало возникать полуинстинктивное отвращеніе къ животной пищѣ, напоминающее развѣ Индію. Вегетарианская идея среди духоборовъ до такой степени интенсивна и, такъ сказать, агрессивна, что послѣ мѣсячнаго общенія мы тоже заразились ею, и потомъ намъ стоило нѣкоторой борьбы перейти на обыкновенный мясной режимъ цивилизованной кухни. Такъ же заботливо относятся духоборы къ охраненію полевыхъ животныхъ на своей территоріи. Они выставили на своихъ границахъ дощечки съ надписями, запрещающими всякую охоту, рискуя поссориться съ индѣйцами, которые кочуютъ за Громовой Горой и искони привыкли охотиться въ лѣсахъ Сѣвернаго участка. Зато отношенія между человѣкомъ и животными въ границахъ Духоборіи представляютъ сплошную идиллію и прямо напоминаютъ золотой вѣкъ. Потомъ, когда мы странствовали пѣшкомъ между духоборскими селеніями, маленькіе олени-прыгуны выходили намъ навстрѣчу и останавливались на дорогѣ, и молодые

скворцы чуть не садились на плечи въ ожиданіи подачи. Даже полевые воры и хищники не исключены изъ общаго иммунитета. Степныя куры гуляютъ прямо по улицамъ и во время молотбы заходятъ на гумно за своею долей зерна.

— Пущай пользуются, бѣдняжки, — говорили мнѣ бабы. — Мы имъ даже имена надавали: Машка да Мишка.

Овражки и земляныя бѣлки доставляютъ больше хлопотъ. Въ поляхъ они пользуются общою безнаказанностью, но на огородахъ, въ особенности у капустныхъ грядъ, женщины и подростки ставятъ для нихъ силки и деревянные капканы. Однако, поймавъ маленькаго хищника, духоборскіе охотники высвобождаютъ его изъ петли, уносятъ на поле и отпускаютъ на свободу.

— Такіе они безпокойные, Богъ съ ними, — жаловались мнѣ бабы. — Только отпустишь его, не успѣешь домой прійти, а онъ на трехъ ногахъ черезъ дорогу скачетъ и опять въ капусту.

— Этакъ, пожалуй, къ вамъ со всей округи звѣри и птицы соберутся, — высказалъ я предположеніе. — Они вѣдь умные, знаютъ, гдѣ ихъ обижаютъ, а гдѣ нѣтъ.

— Что же дѣлать? — возражали духоборы. — Мы вотъ, даже когда сѣемъ, наговариваемъ: „Зароди, Господи, на всякую живую тварь: на звѣря и птицу; на нищаго, — можетъ, попросить; на вора, если захочетъ украсть; дай и на его долю“... Значить, звѣрю и птицѣ тоже дается часть...

Разумѣется, такое благодущіе по отношенію къ овражкамъ и бѣлкамъ мыслимо только среди канадскаго простора и плодородія. Духоборы, впрочемъ, идутъ дальше и даже мечтаютъ облечь свой золотой вѣкъ въ художественныя формы.

— Вотъ выкопаемъ каналъ вокругъ Отраднаго, — говорили мнѣ нѣкоторые энтузіасты, — напустимъ туда рыбъ разныхъ, лебедей привадимъ, птицу разведемъ и будемъ глядѣть на нихъ и радоваться. Пусть всякая живность хвалить Господа...

Не обходится, конечно, безъ мелкихъ инцидентовъ противоположнаго характера.

Однажды, въ самый разгаръ нашихъ преній о вегетаріанствѣ, жена Вани Подовинникова, Аксинья, впопыхахъ вбѣжала въ комнату. Это была пожилая баба, здоровая, какъ гренадеръ, очень кроткаго и молчаливаго нрава. Отъ постоянной возни съ масломъ одежда ея и вся фигура пріобрѣли какой-то тускло-лоснящійся блескъ. Но теперь на ней лица не было.

— Сдѣлайте мнѣ мышеловку, — трагически возгласила она, выбѣгая на середину комнаты. — Я буду ихъ ловить!

— Кого ловить? — спросилъ Алдоша.

— Мышовъ! — кричала Аксинья. — Ловить и убивать!

Она ужасно боялась мышей, и теперь, когда она полѣзла въ поставецъ за хлѣбомъ, мышь выскочила оттуда и прыгнула ей на грудь.

— Если ты будешь ловить мышей, — отозвался Ваня съ своего мѣста, — значить, ты будешь ужъ не Аксинья, а кошка...

Аксинья тотчасъ же стихла.

— Боюсь я мышовъ, — пояснила она. — Ну, такъ придѣлайте мнѣ замокъ къ поставцу, чтобы они не заскакивали, гадины этакія...

Въ другой разъ въ одной изъ деревень женщина убила на своемъ огородѣ змѣю и вынесла ее на палкѣ на улицу. Сбѣжались ребятишки и нѣсколько взрослыхъ.

— Зачѣмъ ты ее убила? — серьезно спросилъ пожилой духоборъ въ мохнатой шапкѣ и съ посохомъ въ рукахъ.

— Какъ зачѣмъ? — возражала женщина. — Вѣдь это змѣя!

— Нѣтъ, ты постой, -- настаивалъ духоборъ, — почему она змѣя?

— Какъ почему? — кипятилась женщина; — вѣдь кусается, тварюка!

— А развѣ она тебя укусила? — спросилъ защитникъ змѣи.

— Дамся я! — сказала женщина съ негодованіемъ. — Она черезъ дворъ лѣзла...

— А ты что? — допытывался оппонентъ.

— А я за ней съ палкой поднялась! — сказала женщина.

— А она что?

— А она побѣгла! — сказала женщина. — Да, небось, не убѣжала, — прибавила она торжествующимъ тономъ.

— Ну, вотъ, — спокойно доказывалъ оппонентъ, — она себѣ лѣзла по своему дѣлу, никого не трогала, а ты на нее кинулась, какъ разбойникъ. Ты говоришь, она кусается, а я вижу, ты ее укусила, а не она тебя. Значить, по всему выходитъ, не она, а ты змѣя...

Въ отношеніи вегетаріанства Алдоша заходилъ гораздо дальше большинства и не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ.

— Мясо исти — разбой, — говорилъ онъ, — а молоко — грабежъ. Теленочекъ все одно, что ребенокъ. А ты что бы сказалъ, кабы у твоей жены изъ-подъ ребенка молоко отбирали?

Алдоша, разумѣется, также не признавалъ за людьми права употреблять скотъ для работы.

— „Вся тварь земная стонетъ, ожидая милости отъ сыновъ Божьихъ“, — цитировалъ отъ извѣстный текстъ.

Въ прежніе годы Алдоша былъ извозчикомъ. У него было три четверки лошадей, и онъ разъѣзжалъ по городамъ съ работниками. Теперь вмѣсто верховой лошади онъ завелъ велосипедъ, на которомъ по вечерамъ дѣлалъ долгія прогулки по окрестнымъ полямъ. Когда онъ возвращался домой, лицо его было пасмурно. На мирномъ просторѣ канадской преріи онъ размышлялъ о мірозданіи, какъ новый Фаустъ, и, не находя отвѣта на свои неотвязные вопросы, смущался духомъ и ропталъ.

— Какъ криво устроень свѣтъ! — сказалъ онъ мнѣ однажды. — Кто его такъ устраивалъ, не знаю. Что изъ того, что мы не будемъ убивать, когда вся тварь кругомъ убиваетъ и бываетъ убиваема?

Съ другой стороны, въ воззрѣніяхъ Алдоши меня поражала стихійная, почти пантеистическая любовь къ природѣ въ ея малѣйшихъ проявленіяхъ. Чувство это относилось къ внѣшнему міру такъ бережно, что, повидимому, совсѣмъ не оставляло мѣста для человѣчества.

— Ты думаешь, землѣ легко? — говорилъ онъ мнѣ. — Ты думаешь, ей не больно? Травку возьми, — она тоже растеть, тянется къ солнцу. Не для тебя вѣдь, а сама для себя... А мы все норовимъ оторвать или отрѣзать... Раскапываемъ землю желѣзомъ и называемъ это работой, — прибавилъ онъ съ отгѣнкомъ горечи въ голосъ.

— Если не работать, ѣсть нечего будетъ! — отозвался Ваня изъ-за своихъ счетовъ.

— Не бойся! — сказалъ Алдоша убѣжденно и довольно презрительно. — Шесть тысячъ лѣтъ

люди всегда работали. Много есть надѣланнаго, наработаннаго на землѣ... Тѣлесную работу дѣлають, — закончилъ онъ, — а о духовной работѣ ни у кого помышленія нѣтъ.

— Духовной работой жить нельзя, — возразилъ, я, отчасти продолжая мысль Вани.

— Ого! — повторилъ Алдоша. — Много на землѣ всего готоваго. Если по-братски пользоваться, сколько годовъ прожить можно!

По отношенію къ земледѣльческой работѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Алдоша пользовался аргументами „голыхъ“.

— А потомъ какъ, — сказалъ я, — если ты не велишь копать землю.

— Пойдемъ на дворъ, — сказалъ вдругъ Алдоша, — я покажу тебѣ.

Мы вышли на крыльцо и сошли на обширный дворъ, принадлежавшій къ усадьбѣ Алдоши. Задняя половина двора была занята огородомъ.

— Это бабы раскопали, — сказалъ Алдоша, — по своему бабьему разуму,

Небо было облачно и лунно, и при невѣрномъ ночномъ полусвѣтѣ даже капустные вилки, длинными рядами лежавшіе на черныхъ грядкахъ, отливали плотнымъ серебрянымъ блескомъ и, вопреки неодобренію Алдоши, казались красивою и необходимою частью всей картины.

Передъ огородомъ были слѣды работы, сдѣланной самимъ Алдошей. Онъ пытался развести фруктовый садъ, насколько это было возможно въ суровомъ климатѣ сѣверо-западной Канады. Здѣсь было нѣсколько кустовъ крыжовника, жимолости и малины и одно тощее дерево дикой вишни, выкопанное въ лѣсу и пересаженное на болѣе культурную почву,

въ надеждѣ, что она дастъ облагороженные плоды.

— Посмотри на это дерево, — сказалъ Алдоша, указывая на свою вишню. — Каждый годъ оно приносить плоды. Плоды сами падаютъ. Если собирать ихъ да очищать, только мѣсто красивѣе станетъ. Это — настоящее питаніе.

Я не могъ удержаться отъ улыбки. Въ маленькихъ костистыхъ плодахъ дикой вишни поистинѣ было немного „настоящаго питанія“.

Несмотря на ночной полусвѣтъ, Алдоша уловилъ мою улыбку.

— Чего ты смѣешься? — сказалъ онъ со своимъ обычнымъ упрекомъ. — Я правду говорю. Вотъ я на Кавказѣ въ татарахъ жилъ. Они какъ пропитываются? Каждая семья имѣетъ садъ, отъ предковъ разведенный; земли клочъ, повернуться негдѣ. А смотри, какъ живутъ! Яблоки, дули, сливы, возами возять...

— Возять на базаръ, — докончилъ я, — и покупаютъ хлѣбъ...

— Возять на базаръ, — возразилъ Алдоша, — и продаютъ людямъ...

Онъ явно противопоставилъ свое продаютъ моему покупаютъ.

— А гляди-ка, гдѣ аулъ опустѣлъ да русскіе мужики пришли, чего дѣлаютъ! Сейчасъ давай груши да яблони рубить и съ корнями выдирать на топку. Разорять садъ, потомъ поневолѣ пахать надо.

— На этой землѣ немного разведешь садовъ, — возразилъ я.

Слова Алдоши представляли своеобразное соединеніе богословской теоріи и житейской земледѣльческой практики. Но Алдоша не хотѣлъ сдаваться на возраженія.

— А зачѣмъ жить на такой землѣ? — отвѣчалъ онъ вопросомъ на вопросъ. — Есть еще на свѣтѣ хорошія теплыя земли, всѣ пустыя стоятъ. А мы залѣзли въ этотъ снѣгъ.

— Зачѣмъ же вы сидите здѣсь? — не удержался я.

— А я, можетъ, еще поѣду, — возразилъ Алдоша.

Онъ посмотрѣлъ впередъ черезъ проволочный плетень своей усадьбы, и на лицѣ его отразилось нетерпѣливое и неясное стремленіе.

Мы вернулись въ избу.

— Даже въ писаніи сказано, — сказалъ Алдоша: — „Богъ сотворилъ міръ себѣ въ наслажденіе, а человѣку на пользу“. Сотворилъ, значить, Эдемъ, по-нашему садъ, а человѣка поселилъ въ саду и велѣлъ ему питаться фруктами, а жить ему велѣлъ по-хорошему, на всемъ готовомъ, по-райски...

— Богъ-то Богъ, да самъ не будь плохъ, — вставилъ Ваня насмѣшливымъ тономъ.

— Ну и копайтесь весь свой вѣкъ въ землѣ! — возразилъ Алдоша съ сердцемъ. — Духоборы тоже!..

— Конечно, мы духоборы! — степенно возразилъ Ваня. — А ты кто?

— А для меня это самое противное слово! — возразилъ Алдоша, къ нѣкоторому моему удивленію. — Не хочу я знать этихъ вашихъ перегородокъ! Одинъ говоритъ: я духоборъ; другой говоритъ: я англикъ; третій говоритъ: я, напримѣръ, жидъ. Къ чему это? Этого ничего нѣту. Есть люди, и я тоже человѣкъ...

— И въ жизни такъ? — спросилъ я не безъ задней мысли.

— И въ жизни, конечно! — подтвердилъ Алдо-

ша. — Примѣрно, англикъ или галиціанецъ, — помоги ему. Зачѣмъ только своимъ? Онъ такой же братъ...

— А какъ помочь ему? — спросилъ я.

Для меня было неясно, какую именно помощь имѣеть въ виду Алдоша.

— Ты знаешь законъ, — сказалъ Алдоша. — Учи его, чтобы онъ соблюдалъ законъ. Вотъ лучшая помощь.

— Какой законъ? — настаивалъ я.

— Будто ты не знаешь? — скептически возразилъ Алдоша. — Законъ братской жизни. Это всѣ знаютъ. Живите, какъ братья въ семьѣ, работайте вмѣстѣ, по мелочамъ не считайтесь, не деритесь. Простой законъ... Вотъ какъ эти пробуютъ жить, земляные духоборы. — Онъ указалъ рукой въ сторону Вани.

Мысль его развивалась по неожиданнымъ для меня путямъ. Только что бросивъ духоборамъ упрекъ за ихъ приверженность къ земному труду и заботѣ, онъ все же ставилъ ихъ въ видѣ примѣра передъ человѣчествомъ.

— Не очень это просто, — возразилъ я.

— Отчего? — быстро подхватилъ Алдоша. — Вонъ въ Йорктонской округѣ духоборовъ шесть тысячъ, а галиціанцевъ четырнадцать. Имъ бы еще ловчѣе духоборскаго, — у нихъ земель больше. Сбили бы вмѣстѣ землю и хлѣбъ и скотъ и жили бы вмѣстѣ... Такъ и все человѣченство... Въ одинъ годъ можно всемірное братство обосновать.

— Видишь, какъ по-твоему скоро, — не удержался я. — Сказать вѣдь это легче, чѣмъ сдѣлать.

— А по-твоему не такъ? — возразилъ Алдоша

съ тѣмъ же характернымъ, кроткимъ и упрямымъ упрекомъ.

— А я такъ слышалъ, что образованные люди объ этомъ сходственно думаютъ, чтобы братство основывать.

Я не зналъ, какъ лучше отвѣтить на такую прямолинейную постановку вопроса.

— Положимъ, что и думаютъ, — сказалъ я наконецъ, — но такъ, что человѣчество постепенно къ этому стремится, а не то чтобы по щучьему велѣнью, по твоему хотѣнью, въ одинъ годъ.

— Что такъ? — иронически возразилъ Алдоша. — Не боязно ли вамъ братства?.. Постепенно, а? А мнѣ, вотъ, надо теперь, сейчасъ!..

На минуту я почувствовалъ себя безпомощнымъ предъ этимъ настойчивымъ и торопливымъ требованіемъ. Алдоша не хотѣлъ ждать ни минуты и призывалъ меня и все человѣчество къ отвѣту за то, что мы не осуществили идеала.

— Развѣ ты не знаешь, — началъ я, — земля населена грѣшниками, а не праведниками? Какъ же ей измѣниться такъ скоро? Довольно, если за одинъ годъ хоть крупинка добра прибавится.

— Простой, — возразилъ Алдоша. — Въ писаніи сказано, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобию Божию. Значить, я Богъ, — безстрашно заключилъ онъ, — то, что во мнѣ живетъ, есть Богъ. Какъ же я смѣю грѣшить? Подвигомъ своимъ человѣческая душа должна откачнуться отъ грѣха и сподобиться правдѣ... Должна, понимаешь? Подвигомъ, сразу, какъ веревки рвутъ.

Онъ даже всталъ съ мѣста и оживленно жестикулировалъ, наглядно изображая, какъ рвутъ веревки душевнымъ и тѣлеснымъ подвигомъ. Лицо

его поблѣднѣло, глаза сверкали ясно и убѣжденно.

Я невольно подумалъ, что душевная сила чело-вѣчества развивается по разнымъ путямъ и съ различной скоростью. Въ одно время она возрастаетъ мѣрно и непрерывно, какъ прибывъ воды на рѣкѣ во время половодья. И потомъ разгорается, какъ огонь, и перекидываетъ свои головни отъ дубравы къ дубравѣ для того, чтобы разрѣшиться бурей и освѣженіемъ. Здѣсь предо мной была чело-вѣческая душа, которая изогнулась и напряглась, какъ бы готовясь къ прыжку черезъ бездну, отдѣляющую дѣйствительность отъ идеала. И мои холодныя рѣчи о необходимой постепенности прогресса падали на нее, какъ капли холодной воды на раскаленное желѣзо.

Въ концѣ концовъ непрерывные споры съ духоборами стали утомлять меня. Я пріѣхалъ въ Канаду для того, чтобы отдохнуть отъ нью-іоркской жизни среди первобытной природы дальняго Запада, и теперь по временамъ ощущалъ чисто физическое стремленіе къ уединенію и къ общенію съ природой. Иногда я уходилъ съ ранняго утра прямо въ поле и садился гдѣ-нибудь въ лощинѣ, пышно заросшей цвѣтами, еще ни разу не тронутыми косой; я слушалъ пѣніе птицъ, смотрѣлъ на облака, проплывавшія надъ моей головой, и даже книга, которую я приносилъ съ собой, оставалась нераскрытой. Для того, чтобы разнообразить свои вечернія впечатлѣнія, я перебрался отъ Алдоши къ другой духоборской семьѣ, которая тоже прижилась въ городѣ и стояла уже совершенно внѣ общины. Это были Салыкины, еще молодые люди, моложе Алдоши и его жены. Мужъ былъ каменщикъ по ремеслу и почти все время проводилъ

вдали отъ дома на заработкахъ; главой семьи была его жена Маша, крикливая и разбитная бабенка, которую русскіе сосѣди звали Маша Сполошная. Она довольно порядочно говорила по-англійски, постоянно находила хорошо оплачиваемую работу и зарабатывала довольно денегъ, помимо мужа. По утрамъ она обметала пыль въ одномъ изъ юрктонскихъ банковъ и получала за это 6 долларовъ въ недѣлю. Чаше всего она занималась стиркой бѣлья, производя ее при помощи американскаго механическаго катка, сильно упрощающаго работу. Стирка оплачивалась на кругъ по 10-ти, 15-ти, даже 20-ти центовъ за штуку. Я былъ свидѣтелемъ, какъ за три часа работы Маша заработала больше 2 долларовъ. Послѣ стирки несчастные заказчики должны были отдавать свои рубахи еще китайцу и платить ему особо за крахмаль и утюгъ. Деньги, приходившія сравнительно легко, уходили точно такъ же. Почти каждый день Маша ходила по лавкамъ и забирала, какъ сорока, все, что подвернется подъ-руку. Особенное влеченіе она чувствовала къ механическимъ игрушкамъ и различнымъ домашнимъ приспособленіямъ. Квартира ея была завалена вещами. Здѣсь были трое часовъ и столько же лампъ, два велосипеда, походная кухня, зубчатая терка для картофеля, самовращающійся вертель, кастрюли, сковороды, къ слову сказать, совершенно ненужныя Машѣ, которая мало обращала вниманія на хозяйство и часто по недѣлямъ не варила дома обѣда. Отказавшись отъ участія въ общинѣ, она какъ будто вмѣстѣ съ тѣмъ отказалась и отъ домашней чистоплотности, присущей духоборскимъ женщинамъ. Въ жилищѣ ея господствовала невообразимая грязь, многія стекла были выбиты, и пустовавшія цѣлый день

комнаты населены тараканами и клопами. Я пробовалъ разспрашивать Машу о причинахъ, оттолкнувшихъ ее отъ общины, но не могъ добиться ничего опредѣленнаго. Она рассказывала, правда, о притѣсненіяхъ, которыя ей пришлось вынести въ своей деревнѣ въ отсутствіе мужа и съ малолѣтними дѣтьми, но этотъ рассказъ относился къ первому году послѣ пріѣзда, ибо Салыкины жили въ городѣ уже больше двухъ лѣтъ. Опредѣленнѣе было желаніе Маши распоряжаться своими деньгами по собственному произволу.

— У тѣхъ, у несчастныхъ, гроша за душой нѣтъ, — говорила она про духоборскихъ женщинъ. — Да и какъ заработать онѣ не знаютъ, не то, что я...

Похвальба въ сущности была преувеличенная, ибо всякая деревенская женщина сумѣла бы постирать бѣлье и обтереть пыль въ комнатѣ.

Не менѣе опредѣленною была враждебность Маши къ нѣкоторымъ новымъ воззрѣніямъ духоборства.

— Ты послушай, чего они говорятъ, — съ негодованіемъ передавала она, — будто если мой мужикъ захочетъ другую женку взять, такъ тому и быть, а мнѣ вольно съ другимъ мужикомъ снюхиваться. Тьфу, погань!..

У Салыкиныхъ было двое сыновей: одинъ, совсѣмъ маленкій, жилъ все-таки въ деревнѣ съ бабушкой; другой, мальчикъ лѣтъ 12-ти, жилъ въ городѣ съ Машей и учился въ англійской школѣ. По-русски его звали Трушка, а по-англійски Франкъ. Онъ говорилъ по-русски и по-англійски одинаково хорошо и минувшею весной даже получилъ двѣ награды: одну — за англійскую диктовку, а другую — въ видѣ приза на пѣшемъ бѣгу, что въ англійской школѣ цѣнится гораздо больше словесныхъ наукъ.

Мать баловала Трушку, на чемъ свѣтъ стоитъ, покупала ему новые костюмы и лакомства.

— Мама, — скулить, бывало, Трушка, — купи арбузъ. Сосѣди купили, я видалъ...

— Я гдѣ возьму? — сердится Маша. — Арбузъ долларъ стоитъ. Надо цѣлый день работать, зарабатывать.

— Гдѣ возьму? — передразниваетъ Трушка. — Въ сундукъ возьми... Тамъ лежать... Арбу-узъ.

Взгляды Трушки на Духоборію отнюдь не совпадали съ мнѣніемъ его матери. Весной они гостили у бабушки и прожили въ деревнѣ двѣ недѣли, но привезли оттуда совершенно различныя впечатлѣнія.

— Ой, скучно въ деревнѣ, — рассказывала Маша. — Людей мало, поговорить не съ кѣмъ, а ѣдятъ что, — хлѣбъ да квасъ, масла съ ноготокъ, лукъ, тюрю да картошку. Такъ я выйду на дорогу, да плачу. Хоть бы англикъ или галиціанинъ мимо ѣхалъ, я бы ему пошумѣла, попросила, что возьми меня съ собою. Нѣту никого, какъ будто всѣ умерли, нѣту людей. Ужъ не чаяла, что Богъ избавитъ оттуда.

— Полно врать, — перебивалъ Трушка, — въ деревнѣ дюже хорошо, ребятишки играютъ...

— Ты почего другого сына тамъ держишь, — приставалъ онъ къ матери, — а меня заперла въ городъ? Вотъ если бы ты умерла, — прибавлялъ онъ, къ нѣкоторому моему ужасу, — я сейчасъ бы ушелъ къ бабушкѣ въ деревню... — Но Маша не обижалась на дерзость сына.

Въ городѣ среди англійскаго населенія Маша пользовалась популярностью, но, къ сожалѣнію, больше среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ. Въ первое же утро послѣ нашего прихода она тотчасъ же убѣжала изъ дома, оставивъ цѣлую лохань недомытаго

бѣлья. Передъ уходомъ она простодушно попросила насъ прополоскать бѣлье и развѣсить его на веревкахъ. Когда она вернулась домой, поздно вечеромъ, лицо ея было озабочено.

— Послушай, обратилась она ко мнѣ, — тутъ ночью пьяные англики шляются. Если который будетъ стучаться, ломиться въ дверь, прямо выскакивай и гони его по шеѣ.

Надо замѣтить, что Маша и Трушка спали въ мезонинѣ, а мы въ нижней горницѣ. Дѣйствительно, около полуночи кто-то началъ крѣпко стучаться въ дверь.

— Отчего ты не открываешь, Мери? — говорилъ по-англійски басовитый голосъ. — Вотъ оказія!

Мнѣ кое-какъ удалось спровадить незваного посятителя увѣреніемъ, что „Мери“ нѣтъ дома.

Маша слушала сверху наши переговоры и на другой день помирала отъ смѣху все утро, вспоминая нѣкоторыя подробности. Это была веселая, бойкая и по своему безхитростная натура.

Изо всѣхъ духоборскихъ привычекъ Маша сохранила строгое вегетаріанство, въ которомъ она пыталась даже превзойти другихъ городскихъ духоборокъ. Она обвиняла ихъ въ томъ, что онѣ жарятъ картошку „на свиной салѣ“ и ѣдятъ „яйца съ зародами“.

Любовь Маши къ скоту и къ всякой живой твари не отступала ни передъ какими препятствіями и неоднократно доводила ее до столкновеній съ англійскими сосѣдями. Однажды, когда какой-то іорктонскій приказчикъ подстрѣлилъ въ ея присутствіи кролика на подгородномъ пустырьѣ и хотѣлъ добить его прикладомъ, Маша прикрыла кролика собственнымъ тѣломъ, потомъ закутала его въ фар-

тукъ и унесла домой, не обращая вниманія на протесты охотника.

Бывало, идемъ мы съ Машей мимо городскихъ огородовъ и видимъ привязаннаго теленка.

— Ахъ, бѣдный теленочекъ, — плачетъ Маша. — Убьютъ, зарѣжутъ! Это ли не разбой, не убійство!.. Да онъ къ тому же не поеный. Володя, поди, напой теленочка! — И она пристаётъ до тѣхъ поръ, пока я не отведу его на озеро, рискуя подвергнуться обвиненію въ кражѣ.

Относясь отрицательно къ духоборской общинѣ, Маша, однако, выдѣляла Веригина, къ которому она относилась съ суевѣрнымъ уваженіемъ.

— Петюшка живой Христосъ! — повторяла она съ наивнымъ кощунствомъ.

Она посвятила меня въ подробности духоборской миеологіи, о которой я упоминалъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ.

— Истинная Петюшкина мать, Богородица, — передавала Маша, — Лукерья Васильевна, то есть, Калмыкова. Какъ пришло ему время проявиться, Лукерья Васильевна велѣли, чтобы Веригина мати навивала на брюхо полотенца. Потомъ, какъ пришло этому мальчику время найтись, Петръ Калмыковъ вывелъ двѣнадцать человѣкъ на дворъ и говоритъ: „Вы что видѣли?“ — „А мы, — говорятъ, — видѣли: звѣзды падали часто, и звѣзда съ хвостомъ повернулась“.

— Ну вотъ, говоритъ, это сынъ Божій нашелся. Имя ему Веригинъ, онъ будетъ всему міру герлыга (пастушій посохъ). А потомъ онъ сталъ ростъ съ матерью-то выдуманной, и стало ему двадцать лѣтъ. Тогда Лукерья Васильевна взяли его къ себѣ, и былъ онъ съ ними пять лѣтъ. А когда онъ умирали,

люди видѣли, какъ онѣ стояли передъ нимъ на колѣняхъ и плакали, что не могутъ всего исполнить, а потомъ сказали ему, что у него все найдется.

— А почему Веригинъ не дѣлаетъ чудесъ? — возражалъ я.

— А какъ онъ будетъ дѣлать? — доказывала Маша. — Какъ тотъ Христосъ сталъ чудеса дѣлать, тутъ Его и распяли. Ну этотъ и не хочетъ. Посмотри на него, — прибавляла она. — Онъ и лицомъ на всѣхъ не похожъ, и глаза у него особенные.

Увѣреніе о томъ, что у Веригина „особенное лицо“, я часто слышалъ потомъ отъ духоборскихъ женщинъ и могъ убѣдиться, что въ этомъ отношеніи въ Духоборіи существуетъ двоевѣріе. Въ то время какъ мужчины стоятъ на рационалистической точкѣ зрѣнія, женщины, особенно старухи, придерживаются миеологіи, унаслѣдованной отъ предковъ, которые всегда считали своего руководителя воплощеніемъ Божества. Миеологія, впрочемъ, скрывается и не высказывается открыто во избѣжаніе нареканій, а отчасти изъ-за нѣкотораго полуинстинктивнаго стыда.

Маша, однако, была наклонна къ миеологіи и въ житейскомъ обиходѣ. Когда моя жена ушибла руку, она тотчасъ же предложила зашептать ушибъ и съ пресерьезнымъ видомъ пробормотала свой заговоръ надъ ушибленнымъ мѣстомъ. Сообщить его мнѣ она отказалась наотрѣзъ и только сказала, что это — „мягкій“ заговоръ.

— А вотъ меня въ деревнѣ баба-вѣдовка лѣчила отъ живота, — рассказывала она, — такъ то былъ заговоръ! Здоровая баба, ажъ смотрѣть страшно. Привела меня въ баню, раздѣла до нагиша, да какъ схватить обѣими руками за животъ. Я свѣта не взвидѣла, а она подняла мое тѣло надъ головой да

хлопъ меня сидѣньемъ объ полъ. Съ тѣмъ и опять подняла надъ головой, давай крутить. Я кричу не своимъ голосомъ отъ боли и со страсти. Тутъ сосѣди стали просить: „Отпусти моль ее“, — не пускаетъ. Вся деревня, почитай, собралась, плачутъ, просятъ: „Отпусти ее, не убивай!“, а она не отпускаетъ. А потомъ какъ отпустила, меня два часа чаемъ да молокомъ отпаивали. А она еще и говорить: „Эту боль надо этакъ до трехъ разъ трясти“... Такъ я той же ночью изъ деревни совсѣмъ убѣгла... Вотъ это заговоръ!..

VI.

Село Терпѣніе.

Ванѣ Подовинникову очень хотѣлось отправить насъ „въ Духоборы“ вмѣстѣ съ попутчиками, но воспользоваться его предложеніемъ намъ не пришлось. Духоборскія лошади уходили изъ Іорктона съ такимъ тяжелымъ грузомъ, что обременять ихъ еще больше было совершенно невозможно, а съ духоборской точки зрѣнія — даже грѣшно. Въ концѣ концовъ, по совѣту нашихъ новыхъ пріятелей, мы наняли англійскихъ лошадей до ближайшаго селенія, оставивъ почти всѣ свои вещи въ Іорктонѣ.

— Только бы вамъ добраться до перваго села, — увѣрялъ меня Ваня, — а тамъ наши жители найдутъ вамъ толкъ...

Я выразилъ опасеніе относительно того, что мы пускаемся въ такой долгій путь съ пустыми руками, но Ваня стоялъ на своемъ.

— На тотъ свѣтъ пойдешь, — сказалъ онъ въ видѣ аргумента, — даже рубахи перемѣнной не возьмешь, а дорога-то куда дальше.

— А куда заѣхать въ первомъ селеніи — спросилъ я.

— А доѣдешь до околицы, — посоветовалъ Ваня совершенно серьезнымъ тономъ, — будетъ

тебѣ первый домъ на любой сторонѣ, — туда и заѣзжай!

Такіе же точно совѣты я получалъ и въ первомъ и во второмъ селеніи и скоро, дѣйствительно, сталъ заходить безъ разбора въ первый попавшійся по дорогѣ домъ, будучи увѣренъ, что вездѣ встрѣчу одинаковое гостепріимство.

Наша поѣздка по духоборскимъ селамъ продолжалась около мѣсяца и въ сущности должна назваться скорѣе походомъ, ибо добрая половина ея была совершена пѣшкомъ. Разстоянія между селами обыкновенно не превышаютъ нѣсколькихъ верстъ, и каждый переходъ являлся прогулкой и незамѣтно проходилъ среди непрерывныхъ разговоровъ съ толпою дѣтей, провожавшихъ насъ отъ села до села.

Трудно передать словами простое, но сильное очарованіе окружавшихъ насъ картинъ и западавшихъ въ душу впечатлѣній. Жатва была близка, время стояло тихое, ясное, теплое въ полдень и прохладное къ вечеру, ибо даже середина лѣта въ Канадѣ не отличается обиліемъ зноя. Насъ окружали необозримые хлѣбные посѣвы, пышно возроставшіе на нетронутой почвѣ преріи. Климатъ не исключалъ возможности раннихъ заморозковъ, порою сильно побивавшихъ хлѣба, но, помимо того, урожаи достигали до самъ-25 и даже до самъ-30.

— Въ эту землю чего ни сунь, — рассказывали мнѣ духоборы, — все изъ нея претъ назадъ, такое жирное да толстое. Картошка родится, какъ грязь, кто ее всю достанетъ, — да мы и не займемся, къ примѣру, чтобы продавать ее, а просто пріѣзжайте, иѣмцы и галиціаны, копайте да насыпайте мѣшки и увозите на доброе здоровье! Лукъ, морква,

макъ, все, однимъ словомъ, стократъ родить. Сами не знаемъ, какая это земля!..

Примѣры этого поразительнаго плодородія мнѣ приходилось встрѣчать почти на каждомъ шагу. Въ одномъ мѣстѣ градъ побилъ прошлогодніе посѣвы овса. Духоборы все-таки получили хорошій сборъ и въ этомъ году посѣяли вмѣсто овса пшеницу. Въ результатъ получилась двухъэтажная жатва, похожая на густой мѣхъ, гдѣ приземистая пшеница являлась нижней подпушкой, а высокій прямой овесъ замѣнялъ болѣе длинную ость. Въ другомъ мѣстѣ, на сорной кучѣ, изъ горсти случайно выброшенныхъ зеренъ проса выросъ цѣлый клинъ „горшковъ на десять“, по опредѣленію удивленной хозяйки. Я видѣлъ макъ, росшій надъ картофелемъ и происшедшій отъ случайно раздавленной маковой головки. Возлѣ амбаровъ, кругомъ покатою стрехи, покрытой ячменною соломой, выросталъ поясъ ячменя, рожденный отъ опавшихъ зеренъ и требовавшій подчистки серпомъ, для того, чтобы можно было свободно ходить у стѣны. Особенно хороши были овощи — картофель, горохъ, капуста, рѣдька, рѣпа. Послѣдняя мѣстами раздувалась по чудовищной величины, не меньше арбуза, и духоборы солили ее въ бураковомъ расолѣ вмѣсто огурцовъ, которые плохо вырѣваются въ этомъ прохладномъ климатѣ.

Первымъ селеніемъ на нашемъ пути было Терпѣніе Кипрское, которое называется такъ въ отличіе отъ другого Терпѣнія, лежащаго на Бѣлопесочной рѣчкѣ. Послѣднее впрочемъ теперь переименовано въ Надежду. Терпѣніе принадлежитъ къ Кипрскому околотку, населенному отдѣломъ духоборовъ, которые пытались поселиться на островѣ Кипрѣ, но потомъ были увлечены общимъ движеніемъ въ Ка-

наду. Терпѣніе — типичное духоборское село. Оно состоитъ изъ длинной улицы, обставленной съ обѣихъ сторонъ избами, съ баней и кузницей въ одномъ концѣ и группой общихъ строеній въ центрѣ. Избы построены изъ дерева и тщательно вымазаны глиной и выбѣлены изнутри. Крыши покрыты дерномъ или соломой; вездѣ хорошія кирпичныя или желѣзныя печи, деревянные полы, иногда даже обои въ свѣтлой горнищѣ. Съ другой стороны попадаются хаты съ глинобитными стѣнами и даже землянки, которыя были вырыты для первой зимовки и потомъ постепенно расширялись и приспособлялись для дальнѣйшаго обитанія. Въ Терпѣніи землянокъ мало, но въ сосѣднемъ селеніи Петровкѣ почти половина жилищъ вросла основаніемъ въ землю.

— Привезли насъ сюда, — рассказывали петровцы, — комаръ густой, неба не видно. Выкинули насъ на поле: живите! А у насъ ничего не было, кромѣ рукъ, то есть, даже палатокъ не было. Ну, мы нарыли землянокъ и стали жить, — рады хоть подъ землей дѣтокъ отъ комара укрыть...

— А теперь комаръ съ каждымъ годомъ убавляется, — оптимистически прибавляли они, — земля распахивается, пустошь выводится, и жить легче стало.

Впрочемъ, даже самыя невзрачныя землянки поражали своею чистотой. Глиняные полы были тщательно выметены, лавки блестѣли, какъ полированные, на столѣ передъ обѣдомъ являлась чистая скатерть и ручники. Эта чистота выдѣлялась особенно выгодно по сравненію съ первобытными шалахами русинскихъ переселенцевъ, болѣе похожими на звѣриное логовище, чѣмъ на человѣческое жилье.

— Господи, — рассказывали мнѣ по этому по-

воду женщины изъ Терпѣнія, — какъ только живутъ галиціаны эти. Зашли мы однава къ такимъ, — бабы избу ладятъ, мажутъ ее глиной, и сами онѣ черныя, какъ глина, и все на нихъ черное, какъ земля. А какъ заглянули мы внутрь, въ хату, такая она у нихъ низкая да тяжкая, смотрѣть на нее тяжело, не токма что жить въ ней. Подумаешь, избави насъ Господи отъ такой гнусной жизни!..

— Конечно, — прибавляли онѣ, — быть можетъ, что бѣдные они, мыла купить не на что. Но только и мы пришли сюда, у насъ ничего не было, и ѣли мы хлѣбъ да щавель, который на полѣ растетъ, а все же мы зарабатывали, покупали мыло, мылися, чистые ходили...

Дѣйствительно, въ отношеніи потребленія мыла, которое часто выставляется какъ мѣрило культурнаго развитія, духоборы стоятъ высоко и въ общемъ не уступаютъ англичанамъ. Женщины привезли съ собой еще изъ Россіи много бѣлья и одежды и одѣваются очень опрятно, особенно въ нерабочее время; молодыя дѣвушки даже на полевые работы выходятъ, какъ на праздникъ, во всемъ чистомъ и въ оригинальныхъ бѣлыхъ шляпахъ особаго духоборскаго покроя, обтянутыхъ полотномъ и обшитыхъ гирляндой розетокъ и искусственныхъ цвѣтовъ, связанныхъ изъ шерсти или сшитыхъ изъ узкихъ полосокъ цвѣтной ткани.

Село Терпѣніе было окружено со всѣхъ сторонъ разнообразными посѣвами, которые лежали въ одной межѣ и даже безъ всякой изгороди, ибо скотъ пасся совсѣмъ въ другой сторонѣ, за рѣкой, и не могъ причинить вреда неогороженнымъ посѣвамъ. Какъ-то странно было видѣть рядомъ съ хлѣбомъ и льномъ огромныя полосы картофеля и капусты, которые

тоже назначались для общихъ надобностей и представляли такъ называемые зимніе огороды. Земля подъ нихъ была вспахана плугомъ, и уходъ за грядами совершался соединенными усиліями всего женскаго населенія деревни. Овощи съ этихъ огородовъ складывались въ общій амбаръ и составляли запасы для зимняго потребленія. Помимо этого, каждая семья имѣла на своихъ задворкахъ еще клочокъ огорода, который она воздѣлывала уже отдѣльно отъ другихъ. Этотъ огородъ назначался для лѣтняго потребленія, „изъ гряды въ горшокъ“, по выраженію духоборовъ.

— Надо же при домѣ имѣть какой-нибудь уютъ, — объясняли мнѣ женщины. — Тутъ могутъ копаться дѣвочки, ребятенки, — все таки занятіе для нихъ. А между прочимъ не очень ловко бѣгать за каждой рѣдькой на общій огородъ. Еще какой-нибудь старичокъ можетъ пообидиться, что, дескать, разоряють гряды дѣвчонки наши...

Благоразуміе этихъ соображеній показываетъ, что духоборская организація, при полномъ развитіи общиннаго производства, заботливо сохраняетъ семейный „уютъ“ и не хочетъ создать ничего похожаго на фаланстеръ.

Какъ бы то ни было, лѣтніе огороды служили предметомъ особыхъ попеченій и у нѣкоторыхъ семей достигали такихъ размѣровъ, что больше половины сбора поступало опять-таки въ общій зимній запасъ. Кромѣ обыкновенныхъ овощей, повсюду поднимались кусты малины и дикой вишни, пересаженные прямо изъ лѣсу, въ надеждѣ, что они дадутъ болѣе культурные плоды на перекопанной и удобренной почвѣ. Гигантскіе подсолнухи качали надъ плетнемъ свои плоскія чаши, зерна которыхъ не

вызрѣвали въ этихъ суровыхъ широтахъ. Мѣстами попадались даже разсады арбузовъ и тыквъ, хотя нельзя было надѣяться получить отъ нихъ ничего, кромѣ листьевъ.

— Хоть на листочки поглядимъ, — объясняли духоворы, — все-таки легче станетъ на душѣ...

Огурцы являлись предметомъ еще большихъ заботъ. При первой прогулкѣ по деревнѣ намъ пришлось, на половину поневолѣ, посѣтить десятокъ огородовъ, и каждая хозяйка, минуя пышныя зелени картофеля, гороха и рѣпы, непременно подводила насъ къ двумъ-тремъ чахлымъ грядамъ и тщательно указывала намъ каждую мелкую завязь, которой, вѣроятно, не было никогда суждено достигнуть размѣровъ заправскаго огурца. Кое-гдѣ на углубленныхъ грядкахъ, тщательно устланныхъ удобреніемъ и закрываемыхъ на ночь рогожами, огурцы успѣвали лучше, но въ общемъ духоворки горько жаловались на отсутствіе этого любезнаго русскому сердцу плода.

— Близокъ локоть, да не укусишь, — говорили онѣ. — Подъ Виннипегомъ вызрѣваетъ какъ слѣдуетъ, а у насъ, поди-ка, заморозки!.. Арбузы — пушай, и сѣмечки ничего, а безъ огурцовъ намъ досадно съ непривычки.

Другія, за отсутствіемъ настоящаго плода, крошили въ свой борщъ огуречные листья и цвѣты.

— Все-таки огуречнымъ духомъ пахнетъ, — объясняли онѣ покорнымъ тономъ, — поѣдимъ хоть цвѣтиковъ!..

Группа общинныхъ строеній имѣла довольно внушительный видъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ большой хорошо срубленный амбаръ съ нѣсколькими отдѣленіями. Въ одномъ были закрома, ещё на половину наполненные разнообразнымъ зерномъ, несмотря на

близость новой жатвы. Въ другомъ цѣлый уголь былъ заваленъ мѣшками съ пшеничной мукой, смолотой на общинной мельницѣ въ селѣ Отрадномъ. Мѣшки были помѣчены печатнымъ клеймомъ Терпѣнія въ видѣ буквъ ТЕ. Такія клейма заведены для того, чтобы работники на мельницѣ могли легко разбираться съ очередями различныхъ селеній. Мѣшки крупчатки, привезенной изъ города, стояли особо. Тутъ же хранились соль, керосинъ, гвозди, даже чай и сахаръ, которые, впрочемъ, по общему безмолвному соглашенію, употреблялись только въ болѣе экстренныхъ случаяхъ.

— Пока не разбогатѣемъ, — шутливо объясняли жители.

Дальше слѣдовали просторныя конюшни, навѣсы для фургоновъ и сельско-хозяйственныхъ машинъ, коровникъ съ загономъ для скота, наконецъ, зданіе общественныхъ мастерскихъ, гдѣ производились сапожныя, столярныя, слесарныя и токарныя работы. Токарныя станки довольно сложнаго устройства были сдѣланы деревенскими мастерами, но теперь работы были приостановлены. Почти все мужское населеніе ушло на заработки. Остались только старики и маломочные люди, изъ которыхъ иные копошились въ мастерскихъ, занимаясь починкой обуви и необходимой утвари.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ зданіе общественныхъ мастерскихъ даетъ помѣщеніе для школьныхъ занятій зимой, а по воскресеньямъ служить также для молитвенныхъ собраній, но въ Терпѣніи школа и молитвенный домъ помѣщались въ обыкновенной жилой избѣ почище и побольше. Терпѣнцы, впрочемъ, не могли думать объ улучшеніи своихъ построекъ. Въмѣстѣ съ десяткомъ другихъ пограничныхъ селеній

они собирались съ осени покинуть свои уже насиженные мѣста и переселиться на новые участки въ глубинѣ духовоборской территоріи. Главной причиной, вызывавшей необходимость переселеній, была черезполосица, благодаря которой пограничныя села запахали чужіе участки или даже поставили свои усадьбы на непринадлежавшей имъ землѣ. Округъ, отведенный духовоборамъ, заключалъ, какъ и повсюду въ Канадѣ, участки, отведенные для школьныхъ надобностей, и другіе, отмежеванные въ Гудсонской торговой компаніи и для Тихо-океанской желѣзной дороги. Гудсонская компанія получаетъ землю на основаніи старинной привилегіи, пожалованной ей англійскою короной, а желѣзная дорога — соотвѣтственно общему американскому обычаю обезпечивать выгоду концессіи отводомъ земельныхъ участковъ вдоль линіи. Въ началѣ переселенія духовоборы получили отъ обѣихъ компаній обѣщаніе обмѣнять черезполосную землю; въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, они селились на чужой межѣ, несмотря на предупрежденіе и руководясь общимъ соображеніемъ, что „земля Божья“ и что „отъ земной правительствы тутъ ничего не зависаетъ“. Послѣ того начались трехлѣтнія недоразумѣнія изъ-за формы земельного владѣнія. Теперь, когда они, наконецъ, окончились, земля поднялась въ цѣнѣ, — обѣ компаніи уже относились болѣе внимательно къ своимъ правамъ и отказались произвести обмѣнъ.

Въ другихъ случаяхъ желаніе перенести селеніе на новое мѣсто вытекало изъ общаго стремленія общины придать своимъ поселеніямъ болѣе единообразный размѣръ и правильнѣе распредѣлить ихъ въ частяхъ округа, назначенныхъ для земледѣлія, оставивъ пастбищныя мѣста свободными для общихъ

стадь. Для этой цѣли нѣкоторыя болѣе многолюдныя села, какъ Надежда и Отрадное, должны были расколотся на-двое и даже на-трое; другія отдѣляли отростки, которые имѣли присоединиться къ малолюднымъ селеніямъ и дополнить ихъ до общей нормы.

— У насъ рѣшили вообще,—разсказывали мнѣ духоборы,—новыя села заводить по сороку дворовъ и по сороку участковъ, и чтобы молодымъ не жить со стариками, развѣ самъ похочеть. А по закону, какъ кто женится, получаетъ свою избу и все хозяйство...

Я полюбопытствовалъ о причинахъ, вызывающихъ это стремленіе къ крайнему раздробленію семей.

— Очень просто, — объясняли духоборы, — какъ у насъ есть общее хозяйство, то намъ не надо другъ объ дружку безъ нужды шоркаться. А по нашему примѣчанію, тѣ друзья лучше живутъ, которые рѣже выдаются. Пускай же каждая жененка имѣетъ свое гнѣздо и свое хозяйство...

Предо мной, очевидно, былъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ дальнѣйшаго развитія началъ, лежащихъ или, вѣрнѣе сказать, лежавшихъ въ основаніи русской земельной общины, и это развитіе логически вытекало изъ измѣненія общественныхъ и хозяйственныхъ условій. При общемъ земельномъ владѣніи и частномъ полевомъ хозяйствѣ крупная нераздѣленная семья являлась главнымъ краеугольнымъ камнемъ экономическаго строя деревни. Здѣсь, напротивъ, при общинномъ хозяйствѣ, раздѣлы теряли свой вредный характеръ, и индивидуальность, стѣсненная архаической формой общиннаго владѣнія, спѣшила немедленно заявить свои права и осуществить ихъ въ рамкахъ болѣе сложной и въ то же

время болѣе эластичной и свободной экономической системы.

Указаніе на сорокъ участковъ, которые соотвѣтствуютъ сорока дворамъ каждой деревни, было для меня не совсѣмъ ясно, но при дальнѣйшихъ разспросахъ я съ удивленіемъ узналъ, что старанія канадскаго правительства, повидимому, все-таки не пропали даромъ. Духоборскій комитетъ, составляя свои списки надѣльныхъ душъ, тщательно группировалъ ихъ примѣнительно къ предположенному плану разселенія, и теперь каждая группа хозяйствъ имѣла переселиться именно на свои собственные участки.

— Это, чтобы потомъ путаницы не было, — объясняли духоворы, — можетъ, дѣлится захотятъ или чего, такъ чтобы у каждаго была на-лицо своя земля...

Я скорѣе склоненъ былъ ожидать, что община нарочно спутаетъ всѣ списки, чтобы поставить преграду раздѣлу, но духоборская организація развивалась по своеобразному плану, полному тщательно обдуманныхъ и потому неожиданныхъ деталей.

Впрочемъ, въ настоящее время никто не думалъ о раздѣлѣ. Какъ сказано, въ селеніи оставалось мало мужчинъ, и большая часть работъ совершалась руками женщинъ. Но духоборскія сестрицы жили очень дружно, дѣло спорилось у нихъ въ рукахъ, и, благодаря выгодамъ общаго труда, онѣ даже въ эту пору, предъ началомъ страды, имѣли много досуга и отнюдь не должны были убиваться надъ работою „отъ свѣта до свѣта“, какъ въ бывшее время, на старомъ пепелищѣ.

— Хорошо вмѣстѣ жить, — говорили онѣ, — легко, заботы нѣтъ. Встанемъ утромъ, посмотримъ, еще солнышко на небушкѣ не очень высоко, слава тебѣ,

Господи! Чего бы намъ, сестрицы, поработать? Пошли, — гдѣ прогуторили, гдѣ на пѣсняхъ пропѣли, а глядишь, все сдѣлали, что нужно.

Въ первый же вечеръ я былъ свидѣтелемъ общественнаго подоя коровъ. На высокомъ шестѣ, укрѣпленномъ надъ коровникомъ, былъ поднятъ бѣлый лоскутъ холста, который бабы шутя называли коровьимъ флагомъ. Это былъ знакъ подросткамъ, которые пасли скотъ за деревенской околицей, что пора пригнать коровъ къ вечернему подою. Минуть черезъ пятнадцать стадо появилось на улицѣ, и молодые пастухи загнали его въ ограду. Послѣ прошлогоднихъ походовъ скота все еще было мало. Дойныхъ коровъ было всего двѣнадцать. Молоко отъ нихъ брали двумя смѣнами: сегодня—одна сторона улицы, а завтра — другая.

Доильщицы очередной смѣны выдоили коровъ, слили подой въ большую кадку, при чемъ молоко было заботливо процѣжено, потомъ разлили его чашками въ принесенную посуду, по числу членовъ каждой семьи, и разослали по домамъ съ ребятишками. Работа эта была сдѣлана такъ же быстро и безшумно, какъ на хорошо организованной молочной фермѣ. Доильщицы, впрочемъ, вовсе не были склонны разсматривать дѣлежку молока какъ нѣкотораго рода общинное священнодѣйствіе.

— Что жъ дѣлать! — говорили онѣ снисходительнымъ тономъ, — поневолѣ приходится молочко ковшикомъ болтать, не то другіе-то ребятишки и вовсе бы насидѣлись безъ молока. Вотъ, дай срокъ, разживемся, справимъ каждой хозяйкѣ по коровѣ, тогда не придется переплескивать удой изъ чашки въ чашку.

Это было настоящее бабье царство. Къ моему

изумленію, оказалось, что пытливость духоборскаго ума заразила и женщинъ и что „сестрицы“ во всѣхъ углахъ Духоборіи съ большимъ увлеченіемъ обсуждаютъ женскій вопросъ. Положеніе женщины въ Западной Америкѣ, гдѣ она работаетъ меньше, чѣмъ въ Европѣ и постоянно является предметомъ угонженій со стороны сильнаго пола, соблазняло духоборокъ, и онѣ настойчиво доказывали мужчинамъ необходимость послѣдовать примѣру окрестныхъ фермеровъ.

— Хорошо англичкамъ жить, — повторяли онѣ. — Полевой работы она не касается, только знаетъ, какъ ѣду сварить работникамъ да домъ управить. Даже лицо у нея не такое загорѣлое...

— Эхъ кабы мнѣ жить, какъ англичкѣ! — воскликнула при мнѣ одна молодая „жененка“ въ порывѣ внезапнаго восторга, — я бы шапку объ землю ударила, все чисто разбила, да согласилась по-ихнему жить. А что работниковъ, такъ я бы сорокъ работниковъ на смѣшкахъ управила.

— А по-моему, вашимъ мужикамъ приходится тяжелѣе, — возразилъ я. — Они на сторону уходятъ, и работа у нихъ трудная, все землю копать. А домашнимъ легче...

— Ну да, тяжелѣе! — быстро подхватила сестрица. — Небось, какъ еще у насъ скота не было, мы, бабы, на себѣ пахали и бороновали... То-то домашнимъ и легко. Это какъ сыновья тоже говорили отцу: „Батюшка, ты бы не ходилъ съ нами въ поле, ты усталый. Посиди дома, отдохнешь, да кстати погребъ выкопаешь“...

Кружокъ слушательницъ встрѣтилъ дружнымъ смѣхомъ неожиданную выходку.

— Такъ теперь вы не пашете на себѣ! — отстаивалъ я свою точку зрѣнія.

— А ты радъ бы, небось, весь вѣкъ пахать бабами! — упрекнула меня моя оппонентка. — Видишь, какой гладкій... Мы тоже не хуже англичекъ. А съ осени, вотъ посмотришь, перейдемъ на английское положеніе...

Распорядительный комитетъ общины дѣйствительно принялъ сторону женщинъ, и подъ его вліяніемъ послѣдняя сѣздка постановила при первой возможности избавить ихъ отъ участія въ полевыхъ работахъ.

— Петръ Васильевичъ заказывалъ, — съ гордостью передавали духоборки, — попросите отъ насъ сестрицъ, пусть это лѣто еще потрутся, погребутъ сѣнцо. А съ будущаго года мы ихъ ничѣмъ не будемъ беспокоить, а заведемъ конныя грабли...

Вообще значеніе женщинъ у духоборовъ непрерывно возрастаетъ. Въ прежніе годы нравы не отличались особою мягкостью, и мужья по исконному обычаю нерѣдко учили женъ кулаками и даже кнутомъ. Теперь подобные приемы совершенно вывелись, я готовъ сказать, стали нравственно невозможны, и даже въ обращеніи съ дѣтьми тѣлесное наказаніе примѣняется рѣже и рѣже. Что касается женщинъ, онѣ принимали самое дѣятельное участіе въ исканіе свободы и въ движеніи голыхъ. Теперь стали раздаваться рѣчи, что нужно дать женщинамъ право голоса на сходахъ и даже право быть избираемыми въ уполномоченныя на сѣздѣ. По этому поводу мнѣ приходилось слышать любопытные споры между стариками, оставшимися въ деревнѣ, и женщинами, составлявшими въ данную минуту большинство населенія.

— Какъ же это? — спрашивали старики. — Слы-

ханное ли дѣло, чтобы собственная родная жена пошла противъ моего касательства, на сходѣ то есть? Какъ же это не обида?

— Какъ собственная? — возражали бабы. — Такъ, вѣдь, и о лошади говорить нельзя. Не собственная, а Божья.

— Мужъ и жена — одно тѣло, одна душа, одинъ голосъ! — сентенціозно заявляли старики...

— Мужъ и жена — два разные человѣка, — настаивали бабы, — могутъ у нихъ быть два разные голоса...

Не удивительно, что женщины, особенно помоложе, являются самыми ревностными сторонницами новаго устройства, которое относится такъ бережно къ ихъ индивидуальнымъ стремленіямъ и общаетъ имъ дать новыя права. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, гдѣ по поводу послѣднихъ преобразованій возникло раздѣленіе въ семьяхъ. Отецъ и старшіе сыновья не желали вступать въ новую общину, ибо приходилось отдавать въ общее владѣніе уже нажитое, довольно значительное добро. Мужчины доказывали, что гораздо удобнѣе выселиться изъ деревни и взять ферму на сторонѣ. Но женскій элементъ семьи, съ матерью во главѣ, объявилъ, что не желаетъ уходить на сторону и отдѣляться отъ односельчанъ, и мужчинамъ пришлось подчиниться.

Перенесеніе селъ должно было начаться осенью, и подготовительныя работы дѣятельно производились по всей линіи. Часть молодыхъ дѣвушекъ и около десятка мужиковъ, изъ числа оставшихся дома, уже второй мѣсяцъ жили на облюбованномъ мѣстѣ. Они расчищали площадь, назначенную подъ усадьбы, и планировали зданія; въ особенности же они занимались приготовленіемъ огородовъ и распаханіемъ

полей въ будущей околицѣ деревни. Сельчане, впрочемъ, относились съ большимъ оптимизмомъ къ необходимости покинуть свои усадьбы и огороды.

— Что это за стройка, — говорили они, — мы не такія избы будемъ ставить. Заведемъ свой кирпичный заводъ и станемъ строить кирпичные дома, а крыть будемъ жестью, по-англійски: не то черепицу станемъ дѣлать, еще здѣшнихъ англичковъ будемъ учить, потому у нихъ не водится черепицы...

— На новомъ мѣстѣ и порядки заведемъ новыя, — прибавляли бабы, — къ примѣру насчетъ одежды. Какъ мы жили въ старомъ свѣтѣ, и былъ такой порядокъ, что одежда въ сундукахъ. Выдаютъ замужъ дѣвку, у ней пятнадцать рубахъ и тридцать юбокъ. Говорить: надѣну я эту бабушкину юбку, — а все это такое лежалое. А мы будемъ шить и вѣшать на стѣну и тутъ же носить, но только не старое и не лежалое, а новое и свѣжее.

— Работать будемъ нѣсколько времени, — мечтали онѣ, — и все дружно, въ родѣ какъ пожарная команда, а болѣе будемъ праздновать. Большихъ богатствъ заводитъ не будемъ, а только что намъ нужно для жизни. А если будетъ лишекъ, то какъ насъ люди вызволяли изъ бѣды, изъ неволи, дай Богъ намъ тѣмъ же платить...

Сестрицы рассказывали мнѣ множество забавныхъ случаевъ изъ временъ своего перваго знакомства съ англичанами.

— Какъ пріѣхали мы сюда, — говорили онѣ, — стали наниматься къ англичамъ на заработки, ничего по-ихнему не понимаемъ. Намъ говорятъ: сядь, а мы стоимъ. Тутъ и смѣху, и горя, всего было. Вотъ такъ-то и пошла наша деревенская, Маня Шитикова, къ англичкѣ яицъ просить, никакъ не могѣтъ ей

объяснить. Ужъ она и камешекъ круглый поднимаетъ и показываетъ ей, — все ничего не беретъ. Нечего ей дѣлать, положила камешекъ, сѣла на него и давай: кудкудахъ, кудкудахъ! Сейчасъ фармистка поняла и принесла ей яицъ... Здѣсь не то что люди, а даже и птицы въ полѣ поютъ не по-нашему, а по-англійски. Къ примѣру взять скворца, видомъ совсѣмъ какъ у насъ, а начнетъ выводить, ничего у него понять нельзя, — по-англійски видно. Или хотя бы лошади. Сколь хорошо научены, а по-нашему не понимаютъ. Къ примѣру, скажи ей назадъ; она и не шелохнется, а скажи-ка ей: бѣкъ (back), она сейчасъ начнетъ пятить. Поневолѣ и мы стали съ ними переучиваться по-здѣшнему. Теперь вмѣсто тппру кричимъ: гау-гау (whoa), какъ собаки гавкаютъ, а сказать лошади „но!“ намъ и самимъ чудно, это вѣдь по-здѣшнему: нѣтъ.

Въ общемъ сестрицы хвалили канадскій просторъ, но настойчиво жаловались на свое незнакомство съ подробностями окружающей ихъ природы.

— У насъ на Кавказѣ, — говорили онѣ, — мы знали каждую птичку и каждую травку, что и къ чему, а здѣсь нѣту того. Напримѣръ, есть здѣсь желтенькая птичка, въ родѣ какъ чижики, а опять и отмѣнная, а какъ назвать ее, не знаемъ. Или попадаютъ травы всякія, будто и похожія на наши, а какой въ нихъ толкъ, не понимаемъ настояще, да еще и боимся собирать. Стали было брать грибы, — самая подходящая для насъ ѣда, — а доказалось, что здѣшніе грибы попадаютъ очень опасные, объѣдистые. Какъ объѣтся ихъ человѣкъ, сейчасъ начинаетъ бѣситься, скакать, грохотать и на стѣны лѣзть. Мы имъ потому и имя дали: грибы грохотунчики.

Жизнь этихъ людей, очевидно, требовала полного

сліянiя съ природой, которое было нарушено переселеніемъ и еще не могло возсоздаться на новой почвѣ въ такой сравнительно короткій срокъ.

Объ англійскихъ сосѣдяхъ духовоборскія сестрицы вообще отзывались съ большой похвалой.

— Твердые люди, скромные, уважительные, женщину не обидятъ, не обмошенничаютъ. Работать мастера, на выдумку горазды, можно сказать, что лучше и чище всякаго другого народа.

— Они насъ тоже очень одобряли,—разсказывали духовоборки.—Даже такіе были, что сватались къ нашимъ дѣвушкамъ, сколько напирали, но только наши не пошли.

— А почему не пошли? — полюбопытствовалъ я.

— Можно ли отказаться отъ своего кореню и пойти въ чужевѣріе, — содержанно возражали духовоборки.— Они вонъ и мясо ѣдятъ, водку пьютъ, табаки раскуриваютъ. А по-нашему все это—грѣхъ. Даже пословица говорится: кто не куритъ табачекъ, тотъ хорошій мужичекъ, а кто куритъ табаки, тотъ подобень собакѣ...

Особенно поражало ихъ превосходство англійской грамотности.

— Какіе эти англики ученые, — удивлялись онѣ, — охотники читать газеты. Нашъ, конечно, только азы вытвердилъ, а бе, ве, онъ не можетъ такъ читать, чтобы прямо съ глазъ, у него въ умъ не входить. А англикъ не шепчетъ, прямо глазами смотреть. И такъ мы подивовались на нихъ. Сидятъ они всѣ, читаютъ и другъ-другу не разсказываютъ. Одинъ посмотритъ и другому отдаетъ, и такъ всѣ узнаютъ, чего было. А нашему и на умъ не идетъ читать столько. А у нихъ все пишутъ на газетахъ, чего бы кто ни придумалъ, о землѣ или о скотѣ, или о машинахъ, а потомъ другіе прочитаютъ и знаютъ.

VII.

Крестовый походъ.

Въ жизни села Терпѣнія была и другая, совершенно неожиданная сторона. По временамъ сквозь бодрую, трудовую энергію и радостную привязанность къ этой спокойной сельской жизни, которая налаживалась такъ просторно и сыто, съ прохладой и достаткомъ и съ одинаковымъ удобствомъ для утробы и для души, вдругъ пробивалось настроеніе до такой степени отличное, что трудно было даже повѣрить, что одни и тѣ же люди способны совмѣстить въ своей душѣ столь непохожія и несогласныя между собою чувства. Настроеніе это, видимо, шло на убыль, и въ дневные часы подъ давленіемъ обычныхъ заботъ о запашкѣ и о прошлогоднемъ картофелѣ оно уходило вглубь и становилось незамѣтнымъ. Но вечеромъ или въ праздникъ, когда съ десятокъ мужчинъ, остававшихся въ селеніи, и кругъ наиболѣе уважаемыхъ женщинъ собирались вмѣстѣ у какой-нибудь завалинки, оно поднималось наружу, начинало медленно разгараться и снова превращало этихъ прозаическихъ работниковъ въ „искателей свободнаго пути“, которые всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сдѣлали отчаянную попытку „оторваться отъ земного и подняться къ небесному“. Въ это

время глаза терпѣнцевъ загорались уже знакомымъ мнѣ холоднымъ и свѣтлымъ блескомъ; и они опять заговаривали о подданствѣ, въ которое онъ хочетъ уловить ихъ обчину, чтобы поставить свой уставъ выше небеснаго закона. На утро настроеніе измѣнялось, и терпѣнцы отзывались о своихъ недавнихъ подвигахъ уже со снисходительною улыбкой: „Надо всего попробовать! — говорили они. — Вотъ сходили, посмотрѣли мѣста. Хоть насъ вѣтромъ пообдуло. Не чѣмъ колодой на мѣстѣ лежать“.

Душевное состояніе жителей села Терпѣнія напоминало мнѣ струю раскаленной лавы, которая снаружи остыла и покрылась холодною корою и уже принимаетъ первыя цѣпкія сѣмена дорожныхъ травъ, между тѣмъ какъ въ нѣдрахъ ея еще таится бѣлокалильный жаръ и порою пробивается наружу сквозь случайныя трещины. Я имѣю въ виду такъ называемый крестовый походъ въ Виннипегъ, о которомъ уже упоминалъ въ предыдущихъ очеркахъ. Кипрскій околотокъ составлялъ главную силу этого оригинальнаго движенія, и село Терпѣніе стояло во главѣ Кипрцевъ и ушло въ походъ все цѣликомъ — съ женщинами и дѣтьми, — оставивъ на покинутыхъ пепелищахъ только двухъ „несогласныхъ“ мужчинъ, которые говорили: „Намъ темно! Мы не видимъ, куда идти!“ Только на сѣверномъ участкѣ, благодаря вліянію и примѣру Николая Зибарова, были случаи такого поголовнаго единодушія, увлекавшаго цѣлыя села. Въ другихъ поселкахъ населеніе обыкновенно раскалывалось на двѣ неравныя части: большинство колебалось, но оставалось дома, не имѣя силы оторваться отъ уже насѣженныхъ мѣстъ; меньшинство отдавалось теченію и уходило „на проповѣдь“. „Походъ на проповѣдь“ является, быть

можетъ, самымъ оригинальнымъ эпизодомъ всей духоборческой эпопеи. На порогѣ XX вѣка онъ стоитъ какъ страничка, живьемъ выхваченная изъ далекаго прошлаго и уже непонятная для современности, наивная и вдохновенная, проникнутая вѣрой, которая сдвигаетъ горы, и смѣлостью, которая беретъ города или разбиваетъ себѣ голову о камни. „Отвага медь пьетъ, — говорятъ духоборы, — и голову обѣстѣну бьетъ“. Современная человѣческая толпа уже неспособна на такія захватывающіе порывы. Несмотря на свои фабрики и большіе города, человѣчество живетъ слишкомъ разобщенною жизнью и исповѣдуетъ только одинъ символъ вѣры: „Каждый за себя, а чертъ возьми всѣхъ“. Современная толпа способна только на порывъ слѣпой паники или такой же слѣпой и животной ярости, но энтузіазму великихъ идей она противопоставляетъ свой скептицизмъ, дешевый, какъ стертая монета, и банальный, какъ скверная школьная пропись. И нужно вернуться въ глубину Среднихъ вѣковъ, чтобы найти примѣры порывовъ стихійнаго творчества толпы, которые превращали ее въ одно живое цѣлое и дѣлали ее героемъ и активнымъ дѣятелемъ міровой трагедіи.

Горсть русскихъ мужиковъ, заброшенныхъ въ глубину Канады, неожиданно возродила настроеніе, которое нѣкогда увлекало латинскихъ и нѣмецкихъ рыцарей за тридевять морей въ никому невѣдомую Палестину. Это настроеніе подготовлялось много мѣсяцевъ, но явилось также внезапно, почти произвольно, какъ у настоящихъ крестоносцевъ. „Зовъ слова пришелъ сразу, — рассказывала мнѣ одна изъ участницъ похода. — Вечеромъ картошки чистила, а утромъ вдругъ слышу голосъ, что никакъ нельзя

оставаться, надо идти"... Увлечение перебрасывалось изъ селенія въ селеніе, какъ горящая струя пороха, и заражало цѣлыя толпы. Семьи распались: жены бросали мужей, даже мальчики-подростки уходили отъ родителей и присоединялись къ походу. Въ одномъ селеніи у Громовой Горы, старая, восьмидесятилѣтняя старуха, ходившая на двухъ костыляхъ, выразила желаніе сопровождать „проповѣдниковъ“ и настояла на своемъ, несмотря на всѣ уговоры. „Вы оставайтесь, если хотите, — заявила непреклонная старуха, — а я пойду, хоть бы одна, а не пойду, такъ поползу на колѣнкахъ“. Въ другихъ случаяхъ не только старики, но даже люди совершенно больные и немощные выразили желаніе участвовать въ походѣ. „Проповѣдники“ сдѣлали для нихъ носилки и понесли ихъ съ собою съ этапа на этапъ. Двѣ женщины въ послѣднемъ періодѣ беременности тоже не захотѣли отстать отъ другихъ. Одна изъ нихъ родила на первомъ же ночлегѣ. На утро ее положили на носилки вмѣстѣ съ ребенкомъ и понесли впередъ. Къ вечеру ребенокъ умеръ отъ холода и истощенія, и духоворы закопали его въ лѣсу, но женщину они донесли до города Ёрктона, гдѣ произошла ихъ первая встрѣча съ англійскими властями.

Странное и поразительное зрѣлище должно было представлять это духоворское шествіе. Всего „проповѣдниковъ“ собралось около 1,700 человекъ, въ томъ числѣ больше половины женщинъ и дѣтей. Были послѣдніе дни октября, погода стояла мокрая, холодная. Иногда подъ утро прихватывалъ крѣпкій заморозокъ и выпадалъ легкій и летучій снѣжокъ. Духоворы шли въ шубахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ; женщины несли на рукахъ грудныхъ младенцевъ и

вели за собою малолѣтковъ. При выходѣ изъ селеній многіе взяли съ собою запасное платье, но съ перваго же ночлега, движимые желаніемъ исполнить извѣстное евангельское правило, побросали лишнюю одежду прямо на полъ. „Цѣлую версту устлали своими котомками, — рассказывали мнѣ духоборки. — Даже молоденькіе ребяташки тоже захотѣли Богу порадовать: сняли съ себя подсумочки, у кого что было, да и понавѣшали по лѣсинкамъ. Ну, только Юрктонская правительства на третій день прислала старшаго. Онъ большую часть обобралъ, привезъ въ городъ и положилъ въ сохранность; потомъ вмѣстѣ съ нашимъ скотомъ съ аукціону продали, а кое-которые подобрали „индѣйки“ послѣ насъ, а иное, пожалуй, и теперь лежитъ: сказываютъ, кто ѣдетъ, находитъ временемъ, — уже изгнило совсѣмъ“.

Еще больше затрудненій оказалось съ обувью. Почти всѣ пилигримы отказались отъ кожаной обуви, „причастной убійству скота“. Многіе носили резиновые калоши, другіе надѣли веревочные лапти особой формы, которые надумалъ плести одинъ молодой мальчикъ изъ села Тружденія, тоже бывшаго однимъ изъ центровъ „проповѣди“. Нѣкоторые шли просто босикомъ, несмотря на холодъ и грязь. Но тяжелѣе былъ недостатокъ пищи. „Мы шли три дня не ѣвши, — рассказывала мнѣ Пелагея Казакова, хозяйка „перваго дома съ краю“ въ селѣ Терпѣніе, куда я заѣхалъ по совѣту Вани Подовинникова. Она принимала въ движеніи самое дѣятельное участіе и вмѣстѣ съ мужемъ и дочерью ушла во главѣ своего села. — Шли не ѣвши, — говорила Пелагея, — а такъ легко, будто каждый день ѣдимъ. Я Петюшку за руку вела, и былъ у меня въ пазуху кусокъ хлѣба, такъ ему давала чутокъ, чтобы онъ

не сомнѣлъ. А сама такъ. И было намъ знаменіе, радуга передъ нами большая и такая теплота, сухость, и только когда нашихъ загнали къ Минетозѣ, сразу настала зима...“ Послѣднія подробности представляютъ уже начало легенды, которая постепенно стала обвивать духоборскій „подвигъ“.

Я много разспрашивалъ о причинахъ этого замѣчательнаго движенія, и рассказы духоборовъ освѣщали его съ разныхъ сторонъ.

— Главное дѣло, англички привязку стали дѣлать, — говорили „проповѣдники“, — къ примѣру, насчетъ земли. Какъ мы писали канадскому правительству, просили ихъ, что мы — особенные люди, намъ надо слободную землю. А они сказали: у насъ Канада — самая слободная земля. А потомъ какъ дошло дѣло до отрѣзки, они говорятъ: у насъ законъ такой, чтобы примать землю по фермамъ въ розницу. А мы отозвались къ нимъ, что мы не могѣмъ это сдѣлать такъ, по-ихнему. А они объяснили къ намъ, что у насъ одинъ законъ отъ океану до океану и для васъ не станемъ ломать свой законъ. Сколько времени прошло, и они къ намъ прислали бумагу, что если не станете жить по подпискѣ на всѣхъ нашихъ правахъ, то земли подъ вами слободныя.

Дѣйствительно, въ январѣ 1902 года была разослана по всѣмъ духоборскимъ селеніямъ слѣдующая замѣчательная бумага, представляющая шедевръ искусства русско-галиціанскихъ переводчиковъ. Я привожу ее съ соблюденіемъ ореографіи подлинника:

„Публичное Замѣчаніе“.

„Намѣреніе для которыхъ земли принадлежащіе Канадскому Правительству внутри таншиповъ, кото-

рыя были сохранены для того чтобы дать Духоборскимъ поселенцамъ избрать подходящія гоумстеды (фармы) и мѣстоположенія для своихъ колоній разсудилось, что вполнѣ выслужено, такіе поселенцы помѣстили свои села и заняли нѣкоторыя части земли. Но такъ какъ многіе и до сихъ поръ не распорядились занять гоумстеды по законнымъ условіямъ, правительство рѣшило дальше не продолжать резервъ и земли вышесказанныя, которыя не были записаны ни за кѣмъ, будутъ въ послѣдующія числа открыты для общественнаго гоумстеда или для какого нибудь другого расположенія какое Правительство можетъ рѣшить.

„Духоборцы, интересующіеся симъ, возвѣщаются, что занятіе ихъ особыхъ гоумстедовъ, должно быть сдѣлано съ Агентомъ земель Владѣнія той области; кто же не успѣетъ это исполнить, земли будутъ открыты для занятія желающими.

„По приказу Ж. П. Киизъ, секретарь департамента внутреннихъ дѣлъ. Отава“.

Однако содержаніе этого удивительнаго „замѣчанія“, напоминающаго руссійское солдатское письмо, было совершенно ясно.

„А, — сказали духоборы, — онъ намъ грозитъ; думаетъ, намъ нѣту ходу; думаетъ, уже завладѣлъ. Коли вы такъ отбираете отъ насъ землю, нате вамъ и дома, и все хозяйство, а мы пойдемъ, куда поведетъ насъ Богъ“.

Въ этомъ лежалъ главный корень духоборскаго недовольства. Нѣкоторыя подробности канадскихъ законовъ тоже сильно смущали духоборовъ, напр., запись браковъ, рожденій и смертей, и въ особенности налогъ въ 2 доллара, который взимается въ Канадѣ съ каждаго брачнаго контракта. — „Зачѣмъ все

это? — говорили духоборы. — Если это — статистика, чтобы счетъ узнавать, то это не противно Божьему закону, но если это — плата для порабощенія, то это не гоже. Ежели онъ для своей выгоды собираетъ деньги, какъ все равно скоть держитъ и продаетъ, то мы на это не согласны“.

Еще болѣе возмутительнымъ казалось духоборамъ обязательство обращаться по бракоразводнымъ дѣламъ къ англійскому судѣ. „Какое ему дѣло! — негодовали они. — Этого и въ старомъ краю не было!“.

Духоборы признаютъ брачныя отношенія исключительнымъ дѣломъ заинтересованныхъ сторонъ, и даже родители не имѣютъ права вмѣшиваться, хотя бы совѣтомъ. Вопросъ этотъ, впрочемъ, носилъ совершенно теоретическій характеръ, ибо въ послѣдніе четыре года Духоборія имѣла только одинъ случай развода, но духоборы твердо стояли на своемъ.

„Объясните намъ, въ чемъ ваше подданство? — недовѣрчиво спрашивали они канадскихъ агентовъ. — Быть можетъ, въ томъ, чтобы у правительства ноги мыть или сапоги чистить, то это намъ подходитъ. А если, напримѣръ, убивство или еще какая-нибудь человѣчѣнская часть, то мы на это не соизволяемъ“. Агенты, однако, не могли дать имъ удовлетворительнаго отвѣта, быть можетъ потому, что понятіе канадскаго „подданства“ никакъ не могло уложиться въ знакомые духоборамъ термины.

Нѣкоторую роль въ походѣ „проповѣдниковъ“ сыграло также разочарованіе многихъ духоборовъ въ климатъ новоизбранной ими страны. Когда они поднимались со своихъ насиженныхъ гнѣздъ, между ними циркулировали слухи о теплыхъ земляхъ, о

молочныхъ рѣкахъ съ кисельными берегами. Теперь Канада показалась имъ слишкомъ прохладною и не соответствующей ихъ идеалу райской, эдемской жизни. Когда „проповѣдники“ пришли въ Іорктонъ, женщины обступили старика Мас Сгеагіе, поземельнаго агента, который вообще прекрасно ладилъ съ переселенцами, и прямо стали требовать: „Дай намъ теплыя земли, гдѣ яблоки растутъ!“

— О, и бѣда была съ нами Макрерѣ! — рассказывала Пелагея. — И смѣхъ, и грѣхъ... Чуть онъ не расплакался надъ нами. — Снимаете, — говорить, — вы съ меня голову. Онъ кричитъ: „Куда вы пошли? Идите домой, замерзнете! А мы шумимъ: „Не пойдемъ: земля холодная, даже огурцовъ не родить, только одна рѣдка. Мы мяса не ѣдимъ, намъ такъ невозможно!.. Везите насъ въ теплую страну, гдѣ фрукты родятся!“ А онъ говоритъ: „Гдѣ же я вамъ возьму? Если бы у меня было, я бы далъ вамъ, даже каждую изъ васъ самъ втолкнулъ бы туда. Идите домой, говорить, приходите лѣтомъ, не станемъ держать васъ, отпустимъ, куда хотите“... Совсѣмъ умаяли старичка, чуть ли не отъ этого онъ и умеръ въ скорости. А между тѣмъ въ тотъ же вечеръ послалъ закупать яблоки по всѣмъ іорктонскимъ лавкамъ. Смотримъ, несутъ къ намъ по года двадцать ящиковъ. „Вотъ, — говорить, — вамъ яблоки, сколько нашлось въ нашемъ городѣ“.

Броженіе началось раннею весной, тотчасъ же послѣ присылки „публичнаго замѣчанія“ отъ г. Кииза изъ Оттавы. По обыкновенію духоборовъ, въ каждомъ селеніи люди стали ежедневно собираться на бесѣду и вести пренія на тему о томъ, какъ лучше „отыскать путь на слободу“. Болѣе экспансивные соединялись въ небольшія группы и переходили изъ

селенія въ селеніе, ведя безконечные диспуты по главнымъ вопросамъ духоборскаго міросозерцанія. Идеологи скоро выдвинулись впередъ. Они развивали духоборское ученіе до его логическихъ крайностей и доказывали, что лучшее средство для борьбы съ г. Киизомъ состоитъ съ самоусовершенствованіи и въ самоосвобожденіи. Для этого нужно снять съ самого себя себя иго матеріальнаго грѣха, „сбросить физику“, какъ выражались идеологи, и попутно свергнуть ярмо со всей окружающей твари, въ особенности же съ рабочаго скота. Большинство слушало эту проповѣдь, вздыхало и оставалось при своемъ, не рѣшаясь отказаться отъ „физики“ и отъ рабочихъ лошадей. Меньшинство постепенно объединялось и настаивало на своемъ. Въ августѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, разномысліе превратилось въ разрывъ. Ригористы выдѣлили свою часть скота во всѣхъ селеніяхъ и отпустили его на свободу. Мѣстами не обошлось безъ ссоръ, но въ общемъ раздѣлъ совершился довольно мирно. Во многихъ селеніяхъ ригористы предлагали большинству взять на себя весь скотъ и отвѣтственность за него. Большинство упорно отказывалось. „У насъ самихъ умъ на-двое, — говорили они. — Мы не знаемъ, что еще будемъ дѣлать со своею частью“.

Дарованіе свободы скоту сопровождалось нѣкоторою торжественностью. Освобождаемыхъ коровъ и лошадей собирали изъ разныхъ селеній въ одно мѣсто, гдѣ былъ устроенъ огромный загонъ. Тутъ ихъ стерегли и кормили нѣсколько дней. Потомъ толпа „искателей слободы“ съ пѣніемъ псалмовъ прогнала скотъ въ лѣсъ на послѣднее разставанье.

— А лошади идутъ такія понурыя, — просто-душно рассказывали бабы, — повѣсили головы до

самой земли. — Въ лѣсу хозяева стали прощаться со своимъ скотомъ:—Прощайте, наши кормильцы! — говорили они. — Спаси васъ Господи за то, что поили насъ, кормили, помогали намъ работать, — и кланялись въ землю. —И лошади тоже кланялись,—прибавляли бабы.

— Послѣ того пришли домой,—разсказывали мнѣ участники, — есть въ насъ чувство, что невозможно жить дольше, то мы и пошли прочь.

Дѣйствительно, почти тотчасъ же послѣ освобожденія скота партія духоборовъ явилась въ Йорктонъ и подала переселенческому агенту письменное заявленіе о томъ, что, не считая возможнымъ угнетать скотъ работой, они отпустили его на волю и теперь просятъ правительство принять мѣры къ тому, чтобы онъ не пропалъ съ голоду. „Самое лучшее, — наивно прибавляли духоборы, — перевезти его на теплые океаническіе острова, гдѣ бы онъ могъ невозбранно размножаться безъ людей и хищныхъ звѣрей“.

Агентъ немножко пополемизировалъ съ духоборами, стараясь доказать имъ отъ Писанія, что лошадь именно назначена для сѣдла, а быкъ — для плуга. Отчаявшись переубѣдить духоборовъ, онъ, не долго думая, отправился на мѣсто дѣйствія съ понятыми и, собравъ весь скотъ, разбредшійся по лѣсамъ, пригналъ его въ городъ. Въмѣсто океаническихъ острововъ скотъ былъ проданъ съ публичнаго торга, и вырученныя деньги, около 16-ти тысячъ долларовъ, въпослѣдствіи очень пригодились для духоборской общины. Всего было отпущено на свободу болѣе 500 штукъ крупнаго скота, не считая овецъ. Изъ нихъ агентъ собралъ немного менѣе трехъ съ половиной сотенъ, остальной пропалъ без-

слѣдно; по всей вѣроятности, попалъ къ сосѣднимъ фермерамъ-галиціанамъ и къ „индѣямъ“.

Однако „искатели слободы“ отнеслись съ большимъ негодованіемъ къ этой непрошенной опека. „Зачѣмъ вы забрали нашъ скотъ? — говорили они агенту. — У васъ какая наказанія полагается за крадежъ? Небось, штрафъ да тюрьма, а до того доходить, что и вѣшаютъ. Значить, у васъ законъ только для одной стороны, а не для другой“.

Тѣмъ не менѣе жизнь безъ скота, какъ сознавали сами „искатели“, стала совершенно невыносимой. Полевая уборка кончилась, но около хозяйства было много работы. Нужно было возить дрова и бревна для построекъ, ѣздить въ городъ за покупками, распахивать съ осени новую пашню. Все это теперь приходилось исполнять собственной человеческой силой вмѣсто лошадиной.

„Со скота сняли ярмо, — стали говорить „искатели“, — да сами на себя и надѣли“.

Дѣйствительно, „искатели“ волочили на себѣ плугъ и даже ходили въ городъ съ возами, запрягаясь по десяти лямокъ въ одну повозку, но кризисъ назрѣвалъ, и было очевидно, что въ качествѣ единственнаго выхода изъ невыносимаго положенія явится попытка массоваго бѣгства куда-нибудь, куда глаза глядятъ.

Вмѣстѣ со скотомъ многіе изъ искателей отказались также и отъ употребленія денегъ. Одни просто выбрасывали ихъ на дворъ, на сорную яму. Другіе приходили въ городъ и отдавали ихъ начальству, говоря: — „Намъ не нужны эти пестрыя бумажки. Возьмите ихъ, это ваше!“ Часть этихъ денегъ тоже отыскалась впослѣдствіи и была присоединена къ духоборскому фонду.

Главнымъ мотивомъ похода на Виннипегъ, который далъ содержаніе и отчасти направленіе движенію, была жажда проповѣди, потребность прозелитизма, которая почти произвольно изливается изъ cadaго новаго религіознаго или общественнаго ученія. Недаромъ искатели „слободы“ охотнѣе называли себя „проповѣдниками“ и все движеніе — „походомъ на проповѣдь“. Переселеніе изъ одной матеріальной и духовной атмосферы въ другую всколыхнуло духоборскую общественную ячейку до самаго дна, и энергія ея изъ пассивнаго состоянія перешла въ активное и наступательное. Духоборы измѣнили самое названіе своего ученія и стали называть себя христіанами всемірнаго братства, и уже это имя заявляетъ притязаніе на возможно широкое распространеніе. Вмѣсто прежняго ученія о маломъ, но избранномъ народѣ, который сосредоточиваетъ въ себѣ святость всей земли, духоборы заговорили о томъ, что нужно нести законъ во всѣ концы земли и во всѣ народы. Даже теперь, послѣ крушенія и компромисса, эта идея все еще крѣпка среди бывшихъ приверженцевъ „проповѣди“.

— Ты спрашиваешь, зачѣмъ ходили въ Минне-тозу? — говорилъ мнѣ въ селѣ Надежда старикъ Аванасій Зорчаковъ, одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ типовъ всей Духоборіи. — А вотъ, къ примѣру, если я теперь помру, станетъ Господь спрашивать: „Ты зналъ Божій законъ?“ — Я скажу: Хоть трошки (чуть-чуть) зналъ. — „А какой законъ?“ — Не пейте вина, не курите трубку, не убивайте, любите другъ друга. — „А отчего же ты братьямъ не сказывалъ?“ — Я ходилъ, сказывалъ. — „А они отчего не послушали?“ — А я почему знаю? Значить, моя оправданія...

— Мы ходили для спасенія своихъ дѣтей, — объяснилъ мнѣ другой духоборъ. — Потомъ, если наши дѣти станутъ дѣлать шалости или неправду, обманывать, пьянствовать, станутъ имъ люди говорить: „Ахъ, вы такіе-сякіе, ваши отцы проповѣдники были, а вы мошенники!“ — Какъ у насъ былъ старичекъ, говоритъ: „Вы сперва изъ рѣчки выхлебайте юшечку, потомъ будете ѣсть рыбку“...

— А можетъ и довольно нашего подвига, — наивно признавался мнѣ еще одинъ духоборъ въ своихъ сокровенныхъ мысляхъ. — Какъ мы походили и пострадали, то, можетъ, мы и заступили сколько-нибудь за всѣхъ людей. Какъ Христосъ тоже пострадалъ и заслужилъ за всѣхъ людей. Вотъ теперь мы перестали, а потомъ опять нѣсколько людей пойдутъ по такому путю, а все вмѣстѣ и скопится...

Англичане, однако, не хотѣли и слышать о духоборческой проповѣди.

— Они все спрашивали насъ, куда вы идете и зачѣмъ, — рассказывалъ мнѣ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ. — Мы говоримъ: Идемъ въ міръ, въ жизнь. Какъ будетъ второе пришествіе Христова, то мы хотимъ приготовить прежде, потому потомъ уже будетъ поздно, какъ человѣкъ грѣхами скованъ... А они говорятъ: „Вы не Христы, вы народы. Вамъ нельзя такъ, вамъ надо исполнить земной законъ“. — А мы говоримъ: Мы прочли жизнь Христа и хотимъ исполнить все, какъ могѣмъ. — А они говорятъ: „Это теперь не будетъ, это будетъ, можетъ, черезъ тысячу лѣтъ“. — Мы говоримъ: Нашъ законъ живой, онъ духъ Бога живого, онъ живой и безсмертный...

Какъ бы то ни было, духоборы относились серьезно къ своей задачѣ и дѣлали попытки пропо-

вѣди во всѣхъ поселеніяхъ, лежавшихъ по ихъ пути.

— Мы шли на двѣ партіи, — рассказывала мнѣ Пелагея, — кипрскіе вмѣстѣ, а сѣверные тоже вмѣстѣ. Вотъ какъ станемъ подходить къ какому селу, сейчасъ построимся и начинаемъ заводить псалмы. Мы, кипрскіе, запоемъ нашъ любимый псаломъ:

„Тебе ради, Господи,
Возлюбили ворота тѣсныя,
Тебе ради, Господи,
Покинули весь родъ и племень свой!“

А сѣверные заведутъ:

„Не пора ли тебѣ, Сіонъ,
Отправляться во походъ?
Время тебѣ, Сіонъ, выйти,
Отъ ужасной сей грозы!..“

А мы словно отзываемся:

„Тебе ради, Господи,
Живу въ тѣснотѣ и въ гоненіи;
Тебе ради, Господи,
Терплю я хулы и поношенія...“

Да такъ и проходимъ съ пѣніемъ сквозь село. Ну, и англички тоже разное. Которые выходятъ къ намъ навстрѣчу и подаютъ милостыню, а которые запираются на замокъ.

— Потомъ придемъ на главную площадь, — кто по-англійски умѣетъ, выходитъ впередъ, начинаетъ проповѣдь.

Говорить: „Знаете ли вы ученіе Христа?“ — А они говорятъ: „Знаемъ!“ — А онъ говоритъ: „Бѣдному помощи, голаго одѣнь, голоднаго накорми, — вотъ все ученіе Христа!“ — А они кричатъ: „Мы это чище васъ знаемъ. Мы читали!“ —

А онъ говорить: „Знаете, такъ почему не исполняете? Идите съ нами!...“

— Или, напримѣръ, мы станемъ имъ говорить: „Отчего же вы намъ милостыню не подаете? Мы голодные и мы ваши братья“. — „Такъ ты бы, — говорятъ, — пришелъ бы одинъ или двое, а то васъ цѣлая толпа. У насъ этакъ нельзя“. — „А почему нельзя? На войны вы вѣдь ходите, еще больше того собираетесь. А на проповѣдь почему нельзя?“.

Послѣ освобожденія скота кризисъ сталъ быстро подготавливаться. Толпы „проповѣдниковъ“ ходили изъ села въ село и все собирали народъ для „новаго подвига“.

— Придутъ къ намъ, — простодушно рассказывали бабы, — весь печеный хлѣбъ пріѣдутъ, а лягутъ спать на полу въ избахъ, такъ тѣсно, ступить негдѣ, и все не спятъ, другъ-другѣ проповѣдуютъ.

Тѣмъ не менѣе развязка наступила неожиданно, въ самомъ концѣ осени, когда приближавшіеся морозы уже угрожали отрѣзать всякую возможность „похода въ міръ“. Сѣверныя села собрались почти внезапно и явились на центральный участокъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Для такого множества уже не хватало пищи, и дальше медлить было, очевидно, нельзя. „Проповѣдники“ кипрскихъ и бѣлопесочныхъ селъ стали подходить партіями и присоединяться къ центральному ядру. Большинство все-таки осталось дома.

— Когда разставались, сколько было плачу и крику, — рассказывали проповѣдники, — потому что думали — расстаемся навѣки, и Господь не доведетъ намъ свиданія. Они ужасаются, какъ вы пойдете, замерзнете, а мы ужасаемся, какъ можно остаться дома и нести грѣхъ...

Повторились обычныя раздирательныя сцены при раздѣленіи близкихъ людей изъ-за различія убѣжденій.

— Я вначалѣ сильно шумѣла, плакала, — рассказывала мнѣ одна молодая бабенка изъ оставшихся, — сердце у меня было на мужа. „На кого же, — говорю, — ты дѣтей бросаешь?“ — „На Божью волю, — говоритъ. — Я для Господа иду и для Господа бросаю дѣтей. Кто хочетъ, пусть кормить, ради спасенія души“. — „Какъ же ты дѣтей бросаешь? — говорю. — Какъ мы давали другъ другу слово и жили вмѣстѣ и нажили дѣтей, а теперь ты идешь“... — „Такъ предложилося мнѣ идти, — говоритъ. — Я предаю Богу душу свою и плоть свою“. А самъ чуть не плачетъ. И какой прежде былъ сердитый да шумливый, а теперь такой сдѣлался, перемѣнился; хоть бей его, все молчитъ. А потомъ скажетъ: „Я иду правду отыскивать, свободу“. Что же, думаю, вправду они идутъ не убивать, не красть. А потомъ опять за сердце взяло. „Какъ же тебѣ свобода, — говорю, — а зачѣмъ ты меня насилишь? Я съ дѣтьми осталась. Лучше ты оставайся съ дѣтьми, а я пойду свободу отыскивать“. А онъ говоритъ: „Я бы съ радостью остался, а ты бы пошла“. А я дѣтей пожалѣла — не пошла.

На полдорогѣ къ Іорктону расположены фермы менонитовъ, переселенцевъ изъ Екатеринославской губерніи. Духоборы поддерживаютъ съ ними добрыя сосѣдскія отношенія и даже передѣляли ихъ имена на русскій ладъ: Вурца называютъ Бурцевъ, а Вольмана — Волинъ. Вурцу они выстроили недавно большой амбаръ безъ всякой платы, чтобы вознаградить его за хлопоты по приему духоборскихъ возчиковъ, проѣзжающихъ въ городъ. Вурць живетъ довольно

зажиточно, но Вольманъ, у котораго восемь маленькихъ дѣтей, живетъ бѣднѣе духоборовъ. Въ хижинѣ его нѣтъ ни пола, ни потолка, и даже дверь ничѣмъ не ограждена отъ зимняго холода. Эта жалкая хижина была послѣднимъ этапомъ духоборовъ предъ ихъ приходомъ въ городъ. Г-жа Вольманъ такъ описывала мнѣ этотъ бѣдственный ночлегъ.

На дворѣ былъ заморозокъ, и женщины и дѣти почти не могли идти отъ холода и усталости. Одни набились въ хижину, сколько могло помѣститься, другія зарылись на дворѣ въ солому. Г-жа Вольманъ попробовала предложить дѣтямъ немного молока, но матери отвергли ея соблазнительный даръ. „Молоко пить грѣхъ, — сказали онѣ, — коровъ обижать. А ты лучше покинь это земное удобство, возьми мужа и дѣтей и пойдемъ съ нами“.

— Если я пойду, — сказала менонитка, — я возьму съ собой хорошую шубу и большой кусокъ мяса, дѣтей кормить.

Юрктонскія власти тоже постоянно удивлялись и ужасались непонятному стремленію духоборовъ.

— Какъ стали мы къ городу подходить, — рассказывалъ мнѣ одинъ изъ „проповѣдниковъ“, — встрѣтилъ насъ посоль изъ Юрктона, кандидатъ (помощникъ переселенческаго агента) Спирсъ. „Куда вы идете? — говоритъ. — Идите назадъ, замерзнете!“ — „Мы, — говоримъ, — идемъ Божье слово проповѣдать всѣмъ народамъ! Не идемъ назадъ!“. А онъ видитъ, что мы идемъ чисто всѣ разувши. — „А гдѣ ваши бутсы (сапоги)?“ — говоритъ. А мы показываемъ на свои ноги, что вотъ намъ Богъ даровалъ другіе бутсы, неизносные. Такъ онъ даже головою замоталъ. „No, no, good! (Нѣтъ, не хорошо)“.

Такимъ образомъ духоборы вступили въ Йорктонъ и стали на площади. Англичане сначала были въ нерѣшительности, какъ поступить.

„Мы идемъ искать Христа!“ — повторяли духоборы. — „Идите, куда хотите, — сказали англичане, — пусть васъ Христосъ кормить“.

Но чрезъ нѣкоторое время англичане перемѣнили мнѣніе и рѣшили задержать малолѣтнихъ.

— Какъ пришли мы въ Йорктонъ, — рассказывала Пелагея, — англички обступили насъ, стали отнимать дѣтишковъ нашихъ. А мы говоримъ: „Зачѣмъ вы отнимаете нашихъ дѣтишковъ?“ А они говорятъ: „Боишься, что они замерзнутъ. Будетъ нареканіе на нашу землю отъ всего свѣта“. А мы опять: „Какое вамъ дѣло, если мы пошли по этой дорогѣ и положились на Господа во всемъ и на Его святую волю, что Онъ не захочетъ истребить насъ, но скорѣе будетъ стеречь насъ отъ гибели?“ Въ то время мы какъ стались, что намъ и дитенковъ не жаль. Дойдетъ до тебя очередь. — „Нате, возьмите дитя, только отпустите самихъ“. — Дѣти крикъ подняли, тогда они стали забирать сестровъ. А мы говоримъ: „Отпустите насъ за братьями, мы все равно не можемъ идти назадъ“. Тогда они насъ и заперли.

Между прочимъ, „проповѣдь“ не прошла безнаказанно для участвовавшихъ въ ней малолѣтковъ. Многіе захворали послѣ похода, и нѣсколько грудныхъ младенцевъ умерло во время заключенія въ Йорктонъ. Духоборки, впрочемъ, не любятъ говорить объ этомъ: „Походили, ничего имъ не случилось, — упрямо возражаютъ онѣ на прямой вопросъ, — здоровешеньки! Другой и не ходитъ, а умираетъ“.

Мужчинамъ англичане дали ѣду, и они перено-

чевали на площади, но на утро упорно собрались въ дальнѣйшій путь.

— На другой день мы пришли къ англикамъ, — передавалъ одинъ изъ рассказчиковъ, — и говоримъ: „Теперь наши жены въ комнатѣ, въ теплотѣ, теперь намъ свободнѣе, чѣмъ прежде. Мы идемъ дальше“. А они показываютъ рукой на сѣверъ, въ Терпѣнску сторону: туда, молъ, идите. А мы показываемъ на востокъ, къ Виннипегу, — вотъ туда пойдемъ. Тутъ они попытались задержать насъ усиленно, да развѣ удержишь рѣчку, когда она тронется. Какъ вышли мы на улицу, подвинули плечами, куда ихнія задержки дѣвались!..

— Лошади у нихъ ученыя, — продолжалъ рассказчикъ, — и брыкаться и пятиться. Ну, повернется кончикъ задомъ, показываютъ видъ, что хотятъ топтать насъ. Но мы этихъ ихнихъ страстей ничего не боимся, видали, молъ, и не то. Сейчас положимъ ей десять рукъ на спину, она и стоитъ. Или составятъ вмѣстѣ пять-шесть фургоновъ, давай пятить всѣ сразу, а мы кто за колеса схватимъ, кто подъ уздцы. Ничего не могутъ подѣлать съ народомъ.

Во всѣхъ этихъ эволюціяхъ противниками духовъ являлись сами городскіе жители, ибо въ Іорктонѣ всего одинъ полицейскій и правительственные функціи вообще сведены къ минимуму. Впрочемъ, попытка насилія встрѣтила рѣшительное неодобреніе со стороны многихъ горожанъ: „Не смѣйте ихъ трогать, — кричали они. — Это вамъ не скотъ!“

Пастухи американской преріи именно такими маневрами сгруживаютъ вмѣстѣ степной скотъ, и іорктонскіе горожане, вообще довольно враждебные скотоводамъ, не захотѣли одобрить подобныхъ прие-

мовъ на своей собственной площади и по отношенію къ людямъ.

Въ концѣ концовъ англичане отступились, и духоборы отправились въ дальнѣйшій путь вдоль линіи желѣзной дороги, ведущей въ Виннипегъ. Эта часть похода длилась 11 дней и отличалась особенными трудностями.

— Перво, какъ пошли мы изъ Йорктону, — рассказывали „проповѣдники“, — братья намъ милостыню сотворили, а потомъ не стало ничего. Мы пять сутокъ шли не ѣвши, собирали по полямъ колоски, питались серберинками (плодъ шиповника)... Ну чего въ ней есть? Гдѣ какой кусочекъ подастъ кто, то мы берегли старикамъ да молоденькимъ, — тоже пожаливали ихъ. Подросточковъ-то вмѣстѣ отпустили съ нами; одинъ пятнадцатилѣтній былъ. Кто пободрѣе другихъ, тотъ идетъ безъ всего. Вечеръ придетъ, уляжемся на полѣ безъ огня, сожмемся всѣ вмѣстѣ, какъ дикіе гуси; зложимъ другъ дружкѣ ноги подмышки, согрѣваемъ одинъ другого. Въ городъ придемъ — за проповѣдь. „Знаете ли законъ Христовъ?.. Законъ Христовъ: не пейте водки, не курите трубки, живите сообща, не убивайте животную, имѣйте любовь!..“ Ну, кто и слушаетъ, а больше смѣялись англички. И милостыню давали мало. А какъ стали подходить къ городу Минетозѣ, люди показались жалостливѣе и стали подавать больше, особенно нѣмцы. Одинъ фермеръ привезъ фургонъ хлѣба печенаго, другой — два мѣшка сырыхъ крупъ давленныхъ и мѣшокъ картошки, ради спасенія своей души.

Увы, предполагаемая „жалостливость“ населенія была въ значительной степени результатомъ распоряженій той самой канадской „правительствы“, отъ

попеченій которой духоборы хотѣли отдѣлаться. Сздаи духоборской партіи отъ самаго Юрктона слѣдовалъ конный нарядъ, и въ послѣдніе дни онъ получилъ распоряженіе доставать для духоборовъ извѣстное количество пищи у окрестныхъ фермеровъ. Оголодавшіе „проповѣдники“ отнеслись, однако, къ сырой крупѣ и картошкѣ съ полнымъ энтузіазмомъ.

— Этакъ вѣдь сырого ѣсть не станешь. — говорили мои рассказчики, — а тутъ намъ показалось слаще сахара. А хлѣба кусочекъ дадутъ, такъ онъ такой духовитый, — духъ отъ него идетъ, какъ отъ свѣжаго меда.

— Такъ мы пропитывали свои души, — продолжали они, — и прошли больше трехсотъ миль и стали подблизяться къ городу Минетозѣ. Тутъ англички видятъ, что ихня не беретъ и что мы этакъ могѣмъ до океана дойти, выдумали хитрость. „Хотите, — говорятъ, — переночевать, мы вамъ домъ дадимъ“. Пустили они насъ въ каталище, гдѣ скрытый дворъ и земля водой облитая, а по льду ребятишки коньками катаютъ. Дали намъ опять ѣду и заперли насъ снаружи, а мы и не чуемъ. На утро смотримъ, они заколотили столбы и вывели передъ дверями узкій проходъ, перемудрили, значить, насъ. Вотъ выпустили человѣкъ двадцать пять и опять заперли дверь. „Теперь, — говорятъ къ тѣмъ, — вышелъ приказъ, чтобы вамъ ѣхать обратно!“ А наши говорятъ: „Намъ Божья заповѣдь того не приказываетъ!“ — „А наша, — говорятъ, — къ вамъ заповѣдь, что вагоны готовы и нужно вамъ садиться на машину!“ А наши не схотѣли. Тутъ они стали заворачивать ихъ силой, а наши схватили другъ дружку за плечи, сцѣпились вмѣстѣ, какъ пчелы на рою. Тутъ полисманы и всѣ люди набросились ихъ

отдирать, кто чѣмъ, — кто камнемъ имъ руки бьетъ, кто молоткомъ, кто ключемъ, кто шиломъ тычетъ. Одного человѣка четверо тащатъ, а другой и самъ идетъ. Какъ посадили по вагонамъ съ десятокъ человѣкъ, наши видятъ, что отстояться не беретъ сила, а кулаками дратся грѣхъ. „Полно вамъ, — говорятъ, — тиранить людей! Намъ совѣсть не дозволяетъ дратся. Пускай будетъ по-вашему!“..

Такъ окончился послѣдній эпизодъ этого удивительнаго похода, который дѣйствительно напоминаетъ передвиженія дикихъ гусей или лемминговъ въ ненаселенныхъ пустыняхъ. Когда „проповѣдники“ подъѣхали къ Йорктону, сопротивленіе ихъ было сломлено, и они безропотно согласились разобратъ свои семьи и отправиться во-свояси.

Духоборія, несмотря на послѣднія разстройства, проявила и на этотъ разъ много упругости.

— Провожали насъ съ плачемъ, — рассказывали „проповѣдники“, — а встрѣчали съ великою радостью, потому что теперь духоборскіе люди опять всѣ вмѣстѣ соединились. И когда мы пришли въ свои селенія, у насъ ничего не было. Сейчасъ это со всѣхъ селъ натащили хлѣба, коровъ намъ, лошадей, опять мы стали жить.

Время все-таки было очень критическое. Нѣкоторые изъ хозяйственной партіи, напимѣръ, стали роптать на „проповѣдниковъ“.

— Они думали залетѣть прямо на небеса, — насмѣшливо говорили они, — а все-таки пришлось по землѣ пѣшкомъ ходить... Свой скотъ извели, а нашимъ пользуются...

Къ счастью для Духоборіи, именно въ это время пріѣхалъ Веригинъ и обратилъ общину къ новому строительству. Въ концѣ концовъ самымъ круп-

нымъ остаткомъ отъ движенія проповѣдниковъ былъ капиталъ въ 16,000 долларовъ, вырученныхъ отъ продажи освобожденнаго скота. Англичане вычли изъ этихъ денегъ расходы на содержаніе женщинъ и дѣтей и даже плату за обратный проѣздъ мужской партіи изъ Минетозы въ Іорктонъ. Духоборы много негодовали до этому поводу.

— Они насъ подъ арестъ взяли, — говорили они, — гдѣ это видано, чтобы арестанты на свой счетъ по машинѣ ѣздили?

Все-таки за всѣми расходами осталось около 10,000 долларовъ. Когда былъ заключенъ земельный компромиссъ съ правительствомъ, Веригинъ придумалъ обратить эти деньги на покрытіе перваго взноса за принятую землю. Нужно было именно 10,000 долларовъ, которыхъ тогда у общины не было. Эта мудрая мѣра сразу остановила ропотъ ультра-хозяйственной фракціи противъ неосмотрительности „проповѣдниковъ“, ибо первый крупный вкладъ въ новую общину былъ сдѣланъ отъ лица этихъ полуразоренныхъ мечтателей. Такимъ образомъ, исторія вычеканила изъ духоборскаго религіознаго порыва нѣкоторое количество звонкой монеты и прозаически внесла его въ канадскую казну, согласно тому самому закону, дѣйствующему „отъ океана до океана“, противъ котораго съ такимъ упрямствомъ протестовали „проповѣдники“. Законъ и идеологи сдѣлали другъ другу уступки, и для нихъ явилась возможность существовать рядомъ, не задѣвая другъ друга.

VIII.

По селамъ.

Отъ села Терпѣнія началась вереница духоборскихъ поселеній, которая прорѣзала всю ширину округа и, изогнувшись къ югу, снова приблизилась къ городу Юрктону. Они носили большею частью имена христіанскихъ добродѣтелей: Труженіе, Спасеніе, Смиреніе, Вѣра, Надежда, Любовь. Другія назывались по именамъ прежнихъ духоборскихъ селъ на родинѣ: Каменка, Петровка, Ефремовка, Славянка. Дороги между селами уже имѣли довольно благоустроенный видъ. Вездѣ были видны свѣжіе слѣды починокъ, и черезъ рѣки Бѣлопесочную и Ассинобойну было переброшено нѣсколько крѣпкихъ, сшитыхъ желѣзомъ мостовъ, какіе не часто попадаются на русскихъ проселочныхъ путяхъ. На первомъ перекресткѣ двухъ главныхъ дорогъ сопровождавшій меня мальчикъ указалъ мнѣ на новый деревянный столбъ съ жестяною пластинкой, укрѣпленною наверху. На пластинкѣ была нарисована черной краской указывающая рука, а подъ рукой стояла надпись: „Своротъ къ селенію Вѣра“.

— Это — моя работа! — объяснилъ онъ скромнымъ, но сосредоточеннымъ тономъ.

Мальчикъ этотъ былъ импровизированный ху-

дожникъ. Стѣны его избы были украшены изображеніями птицъ и звѣрей, которыхъ онъ рисовалъ непосредственно съ натуры. Въ его владѣніи находилась пара растрепанныхъ лубочныхъ книжекъ, — сказки о Бовѣ Королевичѣ и о Царѣ Салтанѣ. Онъ показывалъ мнѣ серію оригинальныхъ иллюстрацій къ этимъ сказкамъ, исполненныхъ дешевыми красками на четвертушкахъ бумаги, но совершенно непохожихъ на грубые политапажи книжекъ. Несмотря на наивность рисунка, въ его иллюстраціяхъ были черты, напоминавшія фантастическіе узоры и фигуры новѣйшей русской школы.

— Откуда ты взялъ эту птицу? — спросилъ я его по поводу одной фигуры въ яркихъ, красно зеленыхъ перьяхъ, но съ женскимъ бюстомъ и удачно схваченнымъ лицомъ.

— Такъ, изъ своей головы! — отвѣчалъ мальчикъ. — Это — Баба-птица! — прибавилъ онъ въ поясненіе. Онъ показалъ мнѣ старую школьную книжку, гдѣ было описаніе пеликана въ небольшомъ отрывкѣ, подъ заглавіемъ „Баба-птица“.

Онъ показалъ мнѣ также англійскую гравюру, изображавшую богиню свободы.

— Вотъ голый человѣкъ, — сказалъ онъ, — а подписано: „Слобода“. Должно быть, когда-нибудь всѣ люди, какъ наши, слободу отыскивали и раздѣвались голые.

Всѣ духоборскія села были одного типа. Они состояли изъ длинной улицы, обставленной деревянными избами одинаковой величины и вида. На задворкахъ были небольшіе лѣтніе огороды. Вокругъ селенія разстилались обширные посѣвы хлѣбовъ, разсады овощей, луга и еще нерасчищенный кустарникъ. Жители работали прилежно и держались по-

всюду очень дружно и весело. Встрѣчались, однако, любопытные отгѣнки и въ матеріальномъ положеніи, и въ настроеніи различныхъ селеній. Нѣкоторыя селенія были болѣе хозяйственного типа. Ихъ посѣвы были больше, и обработка земли казалась тщательнѣе. Они стали работать машинами съ перваго же года, и теперь навѣсы ихъ амбаровъ были завалены косилками и жнеями. Поэтому новыя машины, купленные за счетъ общины, не представлялись для нихъ ничѣмъ выходящимъ изъ ряда. Эти села почти не участвовали въ походѣ проповѣдниковъ и не отгоняли скота „на слободу“. Поэтому, несмотря на послѣдующіе раздѣлы, у нихъ сравнительно было больше лошадей и дойныхъ коровъ. Они, очевидно, отличались хозяйственными наклонностями еще въ Россіи. Мнѣ показывали, напри- мѣръ, въ такихъ селахъ огромные фургоны съ желѣзными осями и обшивкой, вывезенные изъ самаго Закавказья и, несмотря на всѣ трудности, доведенные до западной Канады. Здѣсь эти фургоны остались безъ употребленія, ибо канадскіе оказались легче и лучше. Другія села были заражены страстью къ механическимъ изобрѣтеніямъ. Такъ, въ селѣ Благодареніе жители „своимъ умомъ“ построили вѣтряную мельницу. Оказалось, однако, что она не хочетъ молоть. Недолго думая, они изломали поставы, разобрали шестерни и построили мельницу второй разъ. Когда и эта попытка оказалась неудачной, они въ сообществѣ съ двумя другими селами построили водяную мельницу. Это было еще до основанія новаго устройства. Непосредственно вслѣдъ за этимъ водяная мельница была расширена и стала снабжать мукой десятокъ окружающихъ селеній. Наконецъ, во время моего проѣзда самородные

механики этого села принимали дѣятельное участіе въ постройкѣ паровой мельницы въ селѣ Отрадномъ. Въ такихъ селеніяхъ попадались молодые люди, умѣвшіе чистить и чинить карманные часы, рѣзчики по металлу, тонкіе токарные мастера. Женщины такихъ селъ занимались производствомъ соломенныхъ шляпъ на манеръ англійскихъ, которыя стали быстро вытѣснять полотняныя шляпы стараго духоборскаго фасона. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ изобрѣтеній отличались примитивностью. Женщины, напримѣръ, стали лѣпить руками горшки изъ глины, складывая ее спиральными вальками, точь-въ-точь какъ мастерицы бронзоваго вѣка. Мои рассказы о гончарномъ станкѣ очень заинтересовали этихъ первобытныхъ горшечницъ, и онѣ немедленно стали настаивать, чтобы я сдѣлалъ имъ одинъ станокъ для образца. Какъ только оказалось, что я, какъ подобаетъ русскому интеллигенту, отнюдь не стою на высотѣ предлагаемой задачи, мой престижъ въ этомъ селеніи упалъ по крайней мѣрѣ на 50%.

Нѣкоторыя другія села, лежавшія въ сторонѣ отъ главной дороги, были болѣе отсталы. Они обходились до сихъ поръ самодѣльными косами и серпами, и присылка новыхъ машинъ изъ Іорктона была для нихъ началомъ хозяйственного переворота.

Различію хозяйствъ соотвѣтствовало различіе настроеній.

— Надо болѣе работать, — говорили въ хозяйственныхъ селахъ, — дѣлать землю... Если будемъ работать тяжело, будетъ намъ жить легко, и наше имя прославится отъ всѣхъ англичковъ.

Хозяйственные мужики до сихъ поръ не могли совершенно простить смятенія, произведеннаго походомъ „проповѣдниковъ“ въ прошломъ году.

— Это хожденіе вышло отъ большого ума! — говорилъ мнѣ по этому поводу Иванъ Коныгинъ съ сѣвернаго участка, яркій представитель типа хозяйственныхъ духоборовъ. — Стали путлять своимъ умомъ да цаплять одно къ другому и нацапляли, умники... А кто были дураки, тѣ жили получше и посмирнѣе. Было, какъ бываетъ туча, — пошла маленькая, а тамъ притянула къ себѣ другія, и стала большая хмара. Люди, говорятъ, идутъ, и я тоже тутъ. Примѣрно, Николай Зибаровъ, славный мужикъ, правда, откровенный, добромысленный, а тоже пустился на все это и скотъ отгонялъ, и ходилъ проповѣдывать слободу.

— Зачѣмъ же вы его выбрали въ уполномоченные въ комитетъ? — замѣтилъ я.

— Какъ же его не выбрать? — возразилъ Коныгинъ. — Тоже ему совѣстно, небось. Вотъ если его укорятъ, не выберутъ, онъ, пожалуй, опять задумается и что-нибудь устроить, дальше и больше, пожалуй, и штаны сниметъ, какъ эти голые. А глядя на него, — и другой, и третій. Лучше же пусть будетъ миръ... Онъ, значить, будемъ говорить, изъ умниковъ, а Павелъ Планидинъ изъ насъ, дураковъ, потому что самъ не ходилъ и жену никуда не пустилъ.

Такъ возстановилось равновѣсіе обѣихъ партій Духоборіи: меньшинства — „умниковъ“, и большинства — хозяйственныхъ „дураковъ“.

Люди, склонные къ изобрѣтеніямъ, говорили больше о своемъ.

— Въ здѣшной землѣ, — повторяли они, — работа идетъ не руками, а разумомъ. Что же изъ того, что онъ заплатилъ работнику три доллера или три съ полтиной? А потомъ работникъ сядетъ на ко-

силку и наработаетъ ему, пожалуй, на пятьдесятъ или на сто долларовъ. И все такъ. Стало-быть, намъ тоже надо хвататься за все, чтобы и мы могли жить по разуму, съ обдумкой.

Люди болѣе простого склада не искали разсужденій, но крѣпко держались другъ за друга и за общину.

Мнѣ говорили по этому поводу въ томъ же самомъ „мельничномъ“ селѣ Благодареніе: „Люди тоже большую силу имѣютъ, то есть міръ. Дюжѣ скота и лошадей. Вотъ, къ примѣру, мы камень возили на жорновъ, большой такой дикарь-камень, пятерикъ. Впрягли три пары лошадей. Лошади здоровыя, сбруя не стоитъ. Цѣпь или даже барка (перекладина),— все рвется, ломается. Протащили сажень съ сотню, сталъ камень садиться въ землю, не можемъ подѣлать ничего. Сейчасъ это говоримъ: „Давайте-ка селомъ вытаскивать. Сошлось все село, до старичковъ и дѣтишковъ, и бабы вмѣстѣ. Опутали его веревками и не то бы веревками, а даже просто нитками, и никто черезъ силу не надувался, а потянули и потащили. Такъ и община... Въ общинѣ жить способно, — прибавляли они. — Если по одному разу топоромъ стукнуть, можно избу сложить“.

Эти простецы работали, не покладая рукъ, и, на примѣръ, въ селеніи Петровкѣ рѣшили на новыхъ постройкахъ удлинить на одинъ часъ обычный для всей Духоборіи десятичасовой рабочій лѣтній день, потому что имъ было „въ охоту наработать побольше“.

Среди представителей болѣе интеллигентнаго типа попадались люди, въ высшей степени привлекательные, которые придавали духоборской „общей жизни“ тонкую и своеобразную идейную подкладку. Однимъ

изъ самыхъ памятныхъ остался для меня Василій Зорчаковъ, житель села Надежды, имя котораго уже упоминалось выше. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, высокій и прямой, съ большою сивою бородой и спокойными сѣрыми глазами. Онъ встрѣтилъ меня на улицѣ и тотчасъ же увелъ въ свой домъ. Съ тѣхъ поръ я долженъ былъ посвящать ему добрую часть своего времени, и когда я уходилъ куда-нибудь пить чай, старикъ обыкновенно являлся сзади и старался увести меня обратно. Склонность его къ умствованію была необычайно велика, и рѣчами его можно было бы наполнить цѣлый томъ. Въ противоположность безпокойному Алдошѣ Попову изъ Йорктона, это была натура уравновѣшенная, склонная къ наблюденію и созерцанію и въ то же время не лишенная легкаго философскаго юмора. Старикъ много видалъ на своемъ вѣку и имѣлъ опредѣленное мнѣніе о различныхъ сторонахъ человѣческаго и государственнаго порядка. Излишне прибавлять, что Зорчаковъ не принималъ участія въ походѣ на проповѣдь, хотя онъ относился къ проповѣдникамъ гораздо мягче, чѣмъ хозяйственные мужики. Между прочимъ Митя Зыбинъ, приставшій къ проповѣдникамъ, а потомъ странствовавшій съ голыми, приходился ему зятемъ. Теперь Митя измѣнилъ свои взгляды и вернулся обратно, но въ разговорахъ по этому поводу старикъ, видимо, соблюдалъ осторожность и старался не задѣть самолюбія зятя ни однимъ лишнимъ словомъ.

По поводу новаго общиннаго устройства старикъ выражался такъ: „Ей Богу, объ насъ теперь можно сказать, какъ объ томъ древнемъ челоѣкѣ, который жилъ въ бочкѣ. Ничего намъ не надо, и все у насъ есть. Лошади нѣтъ, коровы нѣтъ, овецъ нѣтъ, —

хлѣбъ есть, молоко есть, масло есть, картошка есть. Хлѣба съ душу, а одежи съ тушу, и больше ничего не надо. Раньше у меня былъ „на старинѣ“ какой-то паршивый хуторъ, лошади, деньги. Надо было рано вставать, доглядать коровъ, а съ вечера посылать собакъ на караулъ, безпокоиться, не украли бы чего. А когда я все отдалъ, сталъ мнѣ покой. Теперь спи все утро. Жена разбудить завтракать, скажешь: „Ахъ, зачѣмъ рано сварила?“ Отвѣтитъ: „Встань, пожалуйста, поѣшь да опять ложись спать“...

— Какъ возникаетъ вражда между людьми? — говорилъ Зорчаковъ. — Къ примѣру, мы — сусѣды, и у насъ огороды. Если мой ребенокъ зайдетъ на твои гряды, ты ему виски надерешь. Я хоть, можетъ, ничего не скажу, но попадись мнѣ твой, я ему вдвое отдамъ. А ты опять вдвое. Дальше и больше, пока не дойдетъ дѣло до судовъ. Значить, если началъ раздѣленіе труда, то будетъ раздѣленіе плода, — часть тебѣ, а двѣ части тому, кто половчѣе и по-смѣлѣе. Такъ же и правительское дѣло. До тѣхъ поръ считаются людьми и землями, пока ввяжутся во что, и начинается тогда война. Такъ же еще съ машинами. Если въ нашемъ селеніи восемьдесятъ фармовъ, то надо намъ, значить, восемьдесятъ косилокъ да восемьдесятъ сноповязалокъ. А если съ сосѣдомъ завести, то онъ гдѣ себѣ живетъ да робитъ на фармѣ на своей. А смотришь, въ одинъ день требуется и тебѣ, и ему. Тутъ можетъ выйти ссора. А въ другое время машина лежи безъ дѣла да ржавѣй. А у насъ въ селеніи перво было только два плуга, три пары лошадей, мы этими лошадьми всѣ кругомъ опаживались, а если шесть паръ лошадей, такъ можно шатай-ваяя, сколько хочешь напахать. Не то теперь у насъ, — двѣ косилки, и мы обходимся ими на все село. Такъ же

и мастерскія. Было у меня одно долото, я его отнесъ въ мастерскую. Тамъ теперь однихъ долотъевъ восемьдесятъ, инструменты всякіе, — иди, бери и работай, что надо, не то скажи, и тебѣ сработаютъ. А по одиночкѣ надо всякому покупать инструментовъ на три-четыре доллера. Такъ и во всемъ.

Именно такіе люди, какъ Зорчаковъ, болѣе всего содѣйствовали примиренію обѣихъ партій Духоборіи и основанію новаго устройства. Тѣмъ не менѣе Зорчаковъ рассказалъ мнѣ случай, мелкій, но любопытный, который освѣщаетъ внутреннюю жизнь Духоборіи съ нѣскольکو иной стороны. Я уже упоминалъ, что обѣтъ „не курить трубки“ входитъ, какъ одинъ изъ кардинальныхъ пунктовъ въ новое „духовное положеніе“ Духоборіи. Почему такое сравнительно невинное пристрастіе приравнено къ смертному грѣху, объяснить довольно трудно. Духоборы усиленно дока, зываютъ, что курить табакъ, первое—грязно, второе—вредно для груди. Какъ бы то ни было, эта вражда къ табаку имѣетъ совсѣмъ старовѣрскій характеръ.

— Есть тутъ въ селеніи Покровкѣ, — рассказывалъ Зорчаковъ, — мой роднякъ, старичекъ, завзятый табачникъ, трубочникъ. Старуха у него, сыны большіе, а меньшому десять лѣтъ. Вотъ разъ приходитъ къ намъ на село, плачетъ. „Прощайте — говорить, — я ѣду въ Рассею“. — „Что ты, — говоримъ, — Богъ съ тобой, а старуха какъ?“ — „Старуха, — говорить, — остается съ большими сынами, а меньшенькаго мнѣ отдала“. — „Какъ же, — говорю, — вѣдь тамъ солдатчина?“ Вижу, плачетъ старикъ. „Не могу, — говорить, — отказаться отъ табаку. Какъ бросю курить, стану ходить, какъ чумной, все будто чего-то ищу, забылъ или потерялъ чего. Видно, моя утроба требуетъ трубки“. — „Ну, — говорю, — если

ужь ты не можешь такъ, Богъ съ тобой, кури“. — „Смѣются, — говорить, — надо мной въ деревнѣ, называютъ меня паровикомъ“. Тутъ и я не утерпѣлъ, — прибавилъ Зорчаковъ. — „Правда, — говорю, — вотъ ты станешь возжаться съ табакомъ, а глядя на тебя, какой-нибудь парничокъ свернетъ листъ бумаги и тоже захочетъ дымить. Такъ не лучше ли тебѣ переломить свою плоть, чѣмъ видѣть, какъ твой собственный сынъ сдѣлается въ родѣ трубы самоварной? А между прочимъ я поговорю вашимъ старикамъ, чтобы они не очень смѣялись“. Вздохнулъ мой старичекъ тяжело... „Пойду, — говорить, — я домой, попробую еще укрѣпиться“.

Вопросъ о степени личной свободы въ духоборской общинѣ трудно поддается точному опредѣленію. Теоретически каждый человѣкъ свободенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ.

— Мнѣ какое дѣло? — говорилъ мнѣ по этому поводу Зорчаковъ. — Пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ. Они должны блюсти свои души сами.

Практика, однако, не совпадаетъ съ теоріей.

— А что вы дѣлаете, — спрашивалъ я въ селѣ Вѣра, — если кто-нибудь преступаетъ правило?

— Ничего, — отвѣчали жители. — Вотъ у насъ одинъ старичекъ свою коровку при себѣ держитъ. Мы ему ничего не дѣлаемъ.

— Такъ-таки совсѣмъ ничего? — настаивалъ я.

— Ни-ни! — увѣряли духоборы. — Даже не говоримъ ничего, только ходимъ кругомъ него да плачемъ.

Не думаю, чтобы человѣкъ, обстрѣливаемый такимъ плачемъ, могъ долго отстаивать свою позицію. Очевидно, даже теорія непротивленія злу способна вырабатывать практику дѣйствительнаго понужденія.

Зорчаковъ охотно рассказывалъ о духоборской старинѣ.

— Духоборы, — говорилъ онъ, — были въ огненной печи мучимы и отъ дикихъ звѣрей растерзаны, въ Метропавловской крѣпости сидѣли, но Бога своего не предали. Россейскіе духоборы набирались „по единому къ единому“, изъ казаковъ, изъ хохловъ и изъ мордвовъ. А наши родители, — говорилъ онъ, — были изъ Тамбовской губерніи, самые коренные русаки, рыжаки-лапотники, и отъ нихъ пошелъ духоборскій корень. Тамбовская губернія по всей Россіи первая, а эти воронежскіе да пензяки, какъ пристяжныя лошади, послѣ населенныя мѣста. И какъ пришли эти мужики въ Тифлисъ и въ Баку, и тамъ мои родители займовались кожей, а эти тамбовскіе собирались къ нему, будто „помогнуть“, не то что для работы, а болѣе для поглядѣнія. Вышли, стали гулять, заиграли тѣсни, а одинъ мужичекъ пустился плясать, и, еще помню, пляшетъ да тернетъ ногой объ ногу и скажетъ: „Лапотъ, дай огня!“ Это, знаете, какъ говорится: „Богатый мужикъ бьетъ подкову о подкову, а бѣдный мужикъ бьетъ лапотъ объ лапотъ“. Жили сыто, весело, дома хорошо держали. Ѣздилъ скотландскій путешественникъ по духаборамъ и потомъ написалъ, что одна духоборская женщина стоитъ пятьдесятъ нѣкоторыхъ иныхъ женокъ. Потому, пока мужъ ея на работѣ, она приготовляетъ ему способа и дѣтей блюдетъ. А у нѣкоторыхъ иныхъ народовъ мужъ надъ женой, — не отводя кулака, и для дѣтей тоже такъ...

Сѣнокосъ былъ въ полномъ разгарѣ. Почти передъ каждымъ селеніемъ мы встрѣчали группы молодыхъ женщинъ, которыя ворошили граблями сѣно, скошенное наканунѣ машиной. Вслѣдствіе

обильныхъ росъ по утрамъ и по вечерамъ ихъ работа продолжалась только нѣсколько полуденныхъ часовъ, когда сѣно было совершенно сухо. Она не показалась мнѣ особенно тяжелой. Женщины и дѣвушки были въ своихъ лучшихъ платьяхъ, сшитыхъ изъ яркихъ ситцевъ, съ большими бѣлыми передниками. Ихъ широкія бѣлыя шляпы были украшены цвѣтами и лентами. Когда онѣ двигались въ рядъ по широкимъ прокосамъ и съ громкою пѣсней ударили въ тактъ граблями по зеленому валу душистой свѣже-скошенной травы, онѣ сами походили на большіе пестрые цвѣты, ожившіе и вышедшіе на эту полевую работу. Мнѣ памятна одна особенно яркая картина. Мы подходили къ околицѣ села Смиренія. Среди необозримыхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, на пологой сторонѣ низкаго холма разстился широкій клинъ густого льна, какъ будто кусокъ цвѣтисто-голубого ситца, вшитый въ желтую парчевую ризу дозрѣвавшей на солнцѣ пшеницы. Ленъ былъ высокій, буйный. Его красивый голубой коверъ перегибался чрезъ вершину холма и уходилъ на другую сторону. Онъ весь былъ усыпанъ желтыми и бѣлыми цвѣтами сорныхъ травъ, такихъ рослыхъ и пышныхъ, какъ льняные стебли. Черезъ холмъ доносилась пѣсня, могучая и стройная, какъ гимнъ дозрѣвающей жатвы:

„Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды.
Благословляю я свободу
И голубыя небеса“.

Это былъ гимнъ Іоанна Дамаскина изъ поэмы графа Алексѣя Толстого, очень популярный среди духоборскихъ пѣвцовъ. Молодые дѣвушки пололи ленъ на другой сторонѣ холма. Ихъ не было видно.

но великолѣпныя слова и прекрасный своеобразный напѣвъ ихъ гимна удивительно подходили къ этой мирной и благодатной полевой ширинѣ. Казалось, что это самъ лень поетъ и благословляетъ природу за свой обильный ростъ и за легкую красоту своей пестро-голубой одежды.

„О, если бѣ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить!“ —

звенѣла пѣсня.

Вереница женскихъ фигуръ показалась на вершинѣ холма. Ноги ихъ скрывались въ стебляхъ льна. Онѣ несли передъ собой большія охапки желтыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Сзади ихъ голубыя струи трепетали ярко и волнообразно, какъ будто только что обмытыя и очищенныя отъ примѣси.

„О, если бѣ могъ я безъ изыягя
Васъ всѣхъ, враги, друзья и братья,
Въ сеои объятья заключить“...

Казалось, какъ будто лень самъ очищается отъ этихъ желтыхъ травъ и заставляетъ ихъ соединяться въ снопы и медленно подвигаться на другой конецъ поля...

Всѣ новыя жатвенныя машины были развезены по селеніямъ. Вмѣстѣ съ машинами явился англійскій механикъ, который переѣзжалъ изъ селенія въ селеніе въ сопровожденіи двухъ молодыхъ духоборскихъ переводчиковъ и показывалъ жителямъ, какъ снаряжать, собирать и, въ случаѣ надобности, чинить машины. Съ четвертаго ночлега одинъ изъ переводчиковъ, внимательно присматривавшійся къ пріемамъ англичанина, внезапно заявилъ, что можетъ замѣнить мастера, и отправился уже одинъ на юго-западный участокъ, къ озеру Добраго Духа.

Для сѣвернаго участка комитетъ нанялъ на годъ слесаря-механика изъ Риги, нѣмца, хорошо говорившаго по-русски. Механикъ, только что пріѣхавшій въ Канаду, имѣлъ жену и четверыхъ дѣтей и былъ очень радъ возможности устроиться въ деревнѣ. Духоборы предложили ему 300 долларовъ въ годъ и корову при готовой избѣ и мѣсячной выдачѣ хлѣба и овощей. Онъ долженъ былъ по условію обучать молодыхъ парней тонкостямъ слесарной работы. Впрочемъ, среди духоборовъ тоже попадались очень искусные мастера. Въ селеніи Петровкѣ слесарь заново отдѣлывалъ всѣ мелкія части земледѣльческихъ машинъ. „Если бы настоящій инструментъ, — заявилъ онъ, — можно бы сдѣлать всю косилку. Надо бы желѣзную руду поискать, — мечталъ онъ: — открыли бы мы свой маленькій заводикъ, было бы у насъ все свое, тогда сами панями жили бы“.

Въ селѣ Отрадномъ я встрѣтилъ начало жатвы ячменя. Косилка выѣхала на поле, запряженная парой здоровыхъ лошадей и простирая въ сторону систему сложныхъ стальныхъ ножницъ. Погонщикъ сидѣлъ на высокомъ сидѣннѣ. Другой шелъ рядомъ для того, чтобы слѣдить за зубчатою косою и не давать ей задѣвать за землю. За машиной увязалось чуть не полселенія, — женщины, дѣти, даже собаки. Старухи, впрочемъ, взяли съ собой недовязанные чулки, а дѣвушки запаслись кузовками для сбора ягодъ. Машина шла впередъ, срѣзывая широкій прокосъ и убирая жатву внутрь своими проворными стальными щупальцами. Она подбирала колосья къ колосу, связывала ихъ въ снопы и выкидывала наружу сразу по четыре снопа. Намъ оставалось только поднимать эти снопы и ставить ихъ въ суслоны. Я съ гордостью могу сказать, что тоже

поднялъ и поставилъ два большихъ снопа. Старухи плелись сзади и мирно вязали чулокъ. Дѣвушки разбрелись въ сосѣднихъ кустахъ и собирали ягоды. Мы шли за машиной и отъ нечего дѣлать заглядывали въ ея нутро. Тамъ мелькали свѣтлые зубья, и перебѣгали проворныя колеса. Какіе-то быстрые стальные пальцы сгребали и перебрасывали колосья на широкихъ желѣзныхъ ладоняхъ съ такою поспѣшностью, какъ будто это были раскаленные угли, потомъ завивали вокругъ нихъ тонкую бечевку. Кракъ! — острый стальной зубъ скусывалъ концы обвязки, и снопъ отлеталъ въ сторону въ ожиданіи, пока машина соберетъ и свяжетъ всю партію. Иногда широкое полотняное чрево машины внезапно раскрывалось, и четыре снопа вылетали вонъ и становились копромъ на полосѣ. Къ вечеру, еще до заката, роса стала опять садиться, и работу пришлось прекратить до слѣдующаго дня. Таково было начало жатвы въ первомъ духоборскомъ селеніи западной Канады.

Населеніе повсюду имѣло очень здоровый видъ. Избы кишѣли ребятишками, изъ которыхъ самые мелкіе родились уже здѣсь, въ Канадѣ. Это были славныя, бойкія, здоровыя дѣтишки. Они не дичились и не убѣгали, охотно шли на руки и отвѣчали на вопросы. Между собою они жили удивительно дружно, и мнѣ не одинъ разъ приходилось видѣть, какъ нѣсколько малолѣтнихъ нянекъ, собравшись въ кружокъ, учили ходить какого-нибудь упитаннаго бутуза, награждая его поцѣлуями за каждый успѣшный шагъ впередъ. Съ другой стороны, почти въ каждомъ селеніи попадались 80-ти-лѣтніе старики, помнившіе еще Молочныя Воды и жизнь духоборовъ въ Крыму. Односельчане, видимо, гордились ими, ухаживали за своими стариками всѣмъ обществомъ

и даже спорили о томъ, чей дѣдъ старѣе. Особого авторитета они, однако, не имѣли, и даже обычный терминъ „старички“ часто придавался людямъ между 30-лѣтнимъ и 40-лѣтнимъ возрастомъ, если только они успѣли заслужить уваженіе сосѣдей. Изъ древнихъ стариковъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ дѣдушка Махортовъ изъ Петровки, старый севастопольскій матросъ, которому было 89 лѣтъ. Онъ былъ еще довольно бодръ и могъ развѣзжать одинъ въ тарантаѣ за 30 или за 40 верстъ. Онъ былъ особенно любимъ дѣтьми и изъ подростковъ своего села составилъ большой хоръ, ревностно обучая его по духовборскому обычаю „склонному“ пѣнію псалмовъ и духовныхъ стиховъ. Бабушкѣ Настѣ, матери Петра Веригина, было 86 лѣтъ. Она совершенно одряхлѣла и почти не выходила изъ комнаты. Впрочемъ, четыре года тому назадъ она сдѣлала вмѣстѣ со всею общиной переѣздъ черезъ море и путешествіе въ западную Канаду. При ней не было тогда ни одного изъ ея семи сыновей, но невѣстки и многочисленные внуки всячески старались облегчить для нея трудности переѣзда и первыхъ мѣсяцевъ жизни на открытомъ воздухѣ „подъ комаромъ“. Теперь кромѣ Петра съ нею былъ младшій сынъ Гриша, который только что явился изъ Сибири въ Канаду послѣ удачнаго бѣгства вмѣстѣ съ двумя товарищами и довольно кружнымъ, необычнымъ путемъ. Изъ другихъ сыновей двое недавно умерли, другіе все еще были далеко въ Якутскѣ. „Духоборскіе люди“ оказывали своей бабушкѣ всевозможные знаки вниманія: они посылали ей привѣты и гостинцы изъ самыхъ далекихъ селеній округи. При насъ „десять дѣвъ съ сивера“ пришли пѣшкомъ за 30 миль и принесли бабушкѣ малины и варенья. Мы встрѣтили ихъ,

когда онѣ шли назадъ съ пѣснями и пустыми лукошками. Онѣ оставались у бабушки въ Отрадномъ не болѣе получаса. „Страда у насъ, — объясняли онѣ, — надо домой торопиться... Ой, — жаловались онѣ со смѣхомъ, — ноги болятъ, не можемъ на пятки наступить, а все-таки бабушку почтили за ея старенькія слезы“.

Интереснѣе всего, разумѣется, продолжали оставаться философскіе и общественные разговоры, которые я постоянно велъ съ самыми разнообразными людьми. Дерзость духоборской мысли поражала на каждомъ шагу.

— Я за свои мысли не порука, — говорилъ мнѣ прямо Антонъ Поповъ, братъ безпокойнаго Алдоши. — У меня каждый день новое въ головѣ протаскивается. Сегодня я одинъ, а завтра, можетъ, буду совсѣмъ другой.

Онъ былъ самымъ уважаемымъ человекомъ въ своемъ селеніи и по зимамъ съ большимъ успѣхомъ обучалъ дѣтей грамотѣ.

Развитіе собственныхъ мыслей не удовлетворяло его: „Какъ мы, мужики, — вздыхалъ онъ, — люди малограмотные, то не имѣемъ времени разбирать всѣ вопросы. Немного подумаешь, щипнетъ за сердце, потомъ подойдутъ тѣлесные труды и опять проваливаешь мимо. А потомъ опять подумаешь: „Господи, въ какомъ я болотѣ сижу!..“

Непосредственно послѣ такихъ жалобъ духоборскій школьный учитель принимался за критику.

— Что есть душа? — спрашивалъ онъ меня. — Одни говорятъ: душа какъ спичка: вотъ горить, потомъ погаснетъ — и нѣтъ ничего. Другіе говорятъ: душа есть правда Божья. А по-моему, это не суть важно. Только поступай, какъ совѣсть велитъ, —

значить, не обижай другихъ, не забирай чужого, бери то, что положено на твой пай; ну, напимърь, если дѣти, я люблю своихъ дѣтей, то долженъ любить и другихъ столько же. И теперь взять тварь, — ей тоже больно. Она ходитъ, боится, — значить, ее тоже не надо трогать, обижать. Какъ человѣкъ разумный, а она неразумная, — телка, одно сказать. Вотъ поманишь ее, она къ тебѣ идетъ, говорить: „Му-у! Я люблю тебя, я тебѣ вѣрю!“ А ты взялъ ее, повель и стукъ сѣкирой по лбу. Какъ же не разбой? Я на это не согласенъ. Мое сердце не можетъ противостоять.

Критика Антона Попова не щадила и самой Духоборіи.

— Если у духоборовъ есть какія дурныя дѣла, — сказалъ онъ мнѣ въ видѣ девиза, — то надо ихъ выбросить вверхъ ногами, а если у индѣйцевъ или у черныхъ что есть хорошее, то взять и принять. Потому есть и у духоборовъ разныя глупости, затащенные изъ другихъ вѣрь. Прежде я думалъ такъ, — говорилъ Поповъ, — что вотъ бываютъ всякія вѣры, то есть вѣра христіанская, и турецкая, и духоборская, и молокане, и евреи, и всякій говорить: моя правильная, а другія кривыя. Потомъ я подумалъ, какая же кривая? Не лучше ль совсѣмъ отклониться отъ этого спора?

Излишне прибавлять, что Антонъ Поповъ былъ страстнымъ приверженцемъ науки и образованія. Рѣчи его по этому поводу были прямо трогательны.

— Я дѣтей своихъ шибко люблю, — говорилъ онъ, — ужасно люблю... Конечно, знаю, это — грѣхъ. Ну, что жъ дѣлать? Надо бы всѣхъ такъ любить. Теперь насчетъ науки. Положимъ, что че-

резъ десять лѣтъ все у насъ будетъ, — и школы, и книги, — но только мои дѣти опоздають. Мнѣ надо сію минуту, чтобы собственныхъ дѣтей несчастными и темными не сдѣлать. Пошлите намъ книжекъ, — повторялъ Поповъ, — чтобы, напримѣръ, дѣтямъ читать, когда научаются грамотности. А то у насъ совсѣмъ нѣтъ ничего. Другія книги очень полезны по нашему духу. Напримѣръ, вотъ „Хижина Дядя Томъ“. Я ее прочиталъ; эта книга по моему сердцу. Какъ сѣверные англичане хотѣли повернуть на доброе, а южные обуялись гордыней зла и стали противиться. А такія пустыя исторіи намъ не надо, гдѣ сперва дѣвка, а потомъ парень, и идетъ у нихъ соблазнъ.

Къ моему крайнему изумленію, этотъ высокій бородатый человѣкъ стыдливо потупился, и щеки его окрасились легкимъ румянцемъ.

— Еще я читалъ хорошую книгу, — прибавилъ онъ, — „Спартакъ“, какъ его, Джо... Джо...

— Джованелли, — подсказалъ я.

— Потомъ мы писали въ Москву, — продолжалъ Поповъ, — просили прислать чегонибудь, а они прислали намъ азбукъ и еще вотъ это.

Онъ показалъ мнѣ тонкую брошюрку, на заглавіи которой значилось „Новое толкованіе на Апокалипсисъ. Четвертое ограниченное изданіе“.

У меня былъ съ собой томъ разсказовъ Короленки, и я предложилъ Попову и еще двумъ-тремъ духоборамъ, участвовавшимъ въ разговорѣ, прочесть „Сказаніе о Гессіи Флорѣ“. Чтеніе прошло съ большимъ успѣхомъ, хотя общій духъ и мораль сказанія не очень подходятъ къ духоборскому настроенію.

Поповъ слушалъ молча, но когда дѣло дошло

до человѣческой крови, которая брызнула на бѣлыя одежды ангела и оставила на нихъ неизгладимыя пятна, онъ глубоко вздохнулъ.

— На этомъ свѣтѣ кровавыя пятна отмываютъ мыломъ, — сказалъ онъ мнѣ съ горечью, — и потомъ ходятъ еще того бѣлѣе...

Общественные взгляды моихъ собесѣдниковъ представляли любопытное смѣшеніе прежней теоріи избранничества и новой проповѣди братства всѣхъ народовъ.

— Намъ надо стараться, — начинали они, — чтобы нашъ Богъ прославился и мы, духоборы, прославились превыше всѣхъ народовъ. Какъ мы были на Кавказѣ, и наши были славные жители, такъ то и здѣсь. Если мы будемъ впереди, то наше имя возвысится, а если мы будемъ позади, то наше имя унижится. Если устроимъ свою жизнь по совѣту и по всей обчинѣ, тогда разновѣры могутъ признать, что такъ жить легче и впослѣдствіи времени и сами могутъ перейти такъ, а если мы построимъ нашу жизнь худо, то, пожалуй, и сами разбѣжимся.

— А приняли бы вы другихъ людей въ вашу общину? — спрашивалъ я.

— А то! — отвѣчали одни. — Если наша жизнь имъ понравится и они пожелаютъ расположиться такъ же, то мы ради...

Другіе, однако, отвѣчали болѣе уклончиво:

— За нами только часть земли. Вотъ, если хотятъ, пусть занимаютъ землю, гдѣ есть свободная, и устриваютъ такую же общину.

Какъ бы то ни было, за духоборскими теоріями скрывалось много дѣйствительнаго сочувствія человѣческому горю.

— Никого такъ не жаль, — говорилъ мнѣ млад-

шій Мухортовъ по поводу своей жизни въ кавказскихъ аулахъ, — какъ любошныхъ армяновъ да грузинъ. Наши, положимъ, такъ сами схотѣли, а эти ничего не знаютъ, а какъ мучаются. Бѣдность у нихъ, а чапаринъ придетъ да послѣднее отбереть, а онъ съ дѣтишками голодный. Вотъ любошные люди, — есть тоже хорошіе, а какъ быются. Вотъ бы имъ украсться да пріѣхать сюда на эту землю.

Это сочувствіе сказывается также въ отношеніи духоборовъ къ тѣмъ изъ сосѣдей новоселовъ, которые побѣднѣе.

— Недавно у насъ сосѣдъ сгорѣлъ, — рассказывали мнѣ въ Петровкѣ, — англикъ-новосель, а хороший такой человѣкъ. Сейчасъ наши навезли ему лѣса, хлѣба, даже дали денегъ 20 рублей. Онъ радуется, говорить: „Good, good“. Еще одному галиціанину дали корову и телку. Баба его пришла благодарить, говорить, что дѣтишекъ у ней много. Только что привезли товаръ изъ города; сейчасъ оторвали по куску, дали ей на рубашки, каждому по рубашкѣ. Такъ плачетъ, руки цѣлуетъ, на колѣни становится.

— Ты знаешь, — говорила мнѣ жена Павла Планидина, — мы ничего не беремъ за привѣтъ. Вотъ заѣхалъ къ намъ англикъ на ночь, а мы въ это время калины набрали. Сталь онъ у насъ калины просить, и мы ему дали ведрушку. Онъ даетъ деньги, я не беру. Онъ положилъ полтинникъ на окошко. Ну, я взяла; думаю, все-таки сахару куплю, какой проѣдетъ, того попою. А тутъ хохоль пришелъ, переселенецъ изъ Кіева, бѣдный такой, плачетъ, дѣтишки, ничего у него нѣтъ. Думаю, отдамъ ка ему. Шерсть была, — шерсти клочекъ оторвала, пускай

твоя жинка чулокъ нарядеть дѣтишкамъ. Изъ платья кое-чего, кирсенокъ, юбоченокъ.

Теперь, когда земельныя недоразумѣнія уладились, духоборы были неистощимы въ похвалахъ канадской жизни.

— Заработки здѣсь страшные, — говорили они, — здѣсь мастеровитый человѣкъ сто долларовъ въ мѣсяць зарабатываетъ. А въ Россіи за такія деньги нужно жить два года, въ работѣ то есть. А между тѣмъ кормиться этимъ можно цѣлый годъ. Все дешево. Возьми мѣшокъ муки вальцовой, сто фунтовъ, отдай долларъ или полтора и мѣшокъ новый дадутъ вмѣстѣ. Гдѣ же у насъ это слыхано? Одежда прочная, хорошая, дюже теплая. Все лучше — до печей, и до саней, и до лошадей. Подводъ не слыхано, паспортовъ нѣтъ, живи спокойно, никто тебя не спрашиваетъ, иди куда хошь. Воровства не слышно, иди за тысячу верстъ, остановись на ночлегъ одинъ, никто тебя не тронетъ. А у насъ, на Кавказѣ, поплыветъ съ горъ татарва, собаки злыя, ворота на запоръ, утромъ вышелъ на дворъ, изъ подъ запоровъ увели и унесли. А лавочники здѣсь такіе, если не торгуешься, то и онъ уважить и спросить чистую плату, а если торгуешься, то они слѣдятъ, пожалуй, копейку накинута иди двѣ, потому торговаться надо время, а за это время онъ тоже тебѣ накинеть. Какая правительства здѣсь: губернаторъ поѣдетъ, самъ лошадь запрягаетъ, сядетъ и тебя посадить рядомъ, а самъ править и говорить съ тобой такъ любезно. Пріѣдетъ къ вамъ, ничего ему не надо, хлѣбъ у него свой и сахаръ. Развѣ кипятку попросить. А на утро встанетъ, положить полтинникъ на столъ и уѣдетъ. Словомъ сказать, не говори: Канада, а говори такъ и надо. Права

одинакія для всѣхъ, не то чтобы откупиться. Если ты хорошій человѣкъ, то никто ужъ тебя не тронетъ, а если ты самъ худой, не прогнѣвайся, накажутъ очень строго. Въ прошломъ году въ Брандонѣ повѣсили одного, — онъ человѣка убилъ. Отецъ былъ такой богатый, мельонеръ, а все же не могъ откупиться, только далъ палачу двѣсти долларовъ, чтобы сразу его задушилъ. Онъ имѣлъ свою фарму, потому что здѣсь отецъ не станетъ его держать, иди самъ работай. Онъ фарму завелъ, а все же жить не очень заживно. Купецъ къ нему пріѣхалъ, онъ его зарѣзалъ и въ колодезь спустилъ, да тутъ и попался.

Немногіе молодые парни, которыхъ я встрѣчалъ въ селахъ, съ увлеченіемъ рассказывали мнѣ, какъ ловко англики играютъ въ мячъ и шары. Духоборскіе подростки переняли эти игры. Хотя они играютъ также въ „клюку“ и „въ гилки“, по примѣрамъ старой родины.

— И борются англики ловко, — рассказывала молодежь, — но только изъ сотни одинъ можетъ бросить духобора. Они хотъ народъ крупный и очень легкій, а нашъ народъ болѣе бузовитый, и наше тѣло круче. Напримѣръ, есть тутъ у насъ парень, Мукосѣвъ. Онъ малъ ростомъ, но только, дѣйствительно, есть у него. Такъ вотъ стоитъ онъ на платформѣ, идетъ мимо англикъ, такой видный, подернулъ силомѣрную пружину, выдернулъ двѣсти фунтовъ. Подумалъ Мукосѣвъ: „Семь-ко я!“ Выдернулъ двѣсти двадцать фунтовъ. Сошлись англики, щупаютъ его тѣло, узнаютъ, откуда такая сила.

Разумѣется, не было недостатка и въ критикѣ канадской жизни.

— Англики живутъ въ роскоши и въ богатствѣ, —

говорилъ мнѣ Антонъ Поповъ, — но только они доходятъ до распутства, и все у нихъ деньги. Если у меня тысяча долларовъ, я хочу двѣ, а если двѣ, — хочу три. За деньги готовъ и душу свою продать.

Къ слову сказать, меня поразило знаніе канадской жизни вплоть до законовъ гражданскихъ и государственныхъ, усвоенное Духоборіей. Это была какая-то своеобразная собирательная мудрость. Одинъ чело-вѣкъ зналъ одно, другой — другое, и такимъ образомъ вся община обладала полнымъ знаніемъ. Въ случаѣ надобности это знаніе выдвигалось впередъ и служило общинѣ. Такимъ образомъ община могла вести тяжбы, вступать въ юридическія сдѣлки, писать „бумаги“ по начальству. Эта собирательная мудрость играла видную роль въ духовной жизни Духоборіи. Несмотря на выдающуюся даровитость отдѣльных личностей, значеніе массы, видимо, перевѣшивало. Отдѣльное сужденіе или свѣдѣніе передавалось съ одного конца округа на другой съ быстротой телеграфа, по пути подвергалось соотвѣтственной обработкѣ и превращалось въ безличное общественное достояніе. Поэтому, рядомъ съ разнообразіемъ индивидуальныхъ мнѣній, въ разныхъ концахъ Духоборіи можно было получить на любой вопросъ почти тождественный стереотипный отвѣтъ. Однимъ словомъ, это та самая народная мудрость, которая нѣкогда вырабатывала народную поэзію и уставы обычнаго права, а теперь вырабатываетъ въ Духоборіи новый укладъ жизни и этики.

Воскресенье заставляло насъ три раза на нашемъ пути. Духоборы проводили его въ праздничномъ отдыхѣ и съ ранняго утра собирались вмѣстѣ для общаго моленія. Молитвенный домъ почти всегда являлся обыкновенною жилой избой почище и побольше.

Моленіе состояло въ пѣніи и чтеніи духовоборскихъ псалмовъ всѣми присутствующими по очереди. Къ моему удивленію, на моленіе сходилось, однако, не болѣе десяти или пятнадцати человѣкъ даже въ многолюдныхъ селахъ, и то преимущественно женщинъ и дѣтей. Когда я сталъ разспрашивать о причинахъ, оказалось, что сильное теченіе духовоборской мысли относится отрицательно къ этимъ молитвеннымъ собраніямъ. „Это наши старики выдумали, — насмѣшливо говорилъ Антонъ Поповъ. — Цѣлый день ссорится старичекъ съ людьми, сноху поѣдомъ ѣстъ, а потомъ придетъ въ собраніе, станетъ и подожметъ руки: я, молъ, — святой. Читаетъ псаломъ, — думаетъ заставитьъ передъ Богомъ. А ты лучше не читай и людей не обижай“...

Другіе заявляли въ не менѣе агрессивномъ тонѣ: „Молитвенный домъ, по-нашему, это — принужденіе. Хочешь не хочешь, а ходи каждое воскресенье. Я захочу, лучше я самъ помолюся, не по заказу, а хотя бы въ будни“...

Митя Зыбинъ по своему обыковенію поставилъ вопросъ на философскую почву: „Это почему воскресный день — отдыхъ? — говорилъ онъ. — Я не могу понять. По-моему, плоть воскресла, оживилась, и надо бы оживляться, работать, а не отдыхать. Шесть дней Господь работалъ, создавалъ, и была радость въ мірѣ, а на седьмой день умурился, сталъ отдыхать, — въ мірѣ настала печаль“.

IX.

Матрена Красикова.

Второе воскресенье нашего путешествія мы провели въ селѣ Ефремовкѣ, на самомъ краю Кипрскаго околотка. Утреннее моленіе окончилось рано, и передъ нами открылся долгій праздничный день, какъ онъ проходитъ во всѣхъ духоборскихъ селеніяхъ. Надо признаться, что по воскресеньямъ въ Духоборіи скучно. Общественное мнѣніе не считаетъ особымъ грѣхомъ работу по праздникамъ, но огромное большинство все-таки соблюдаетъ воскресенье. Полевая работа прекращается, мастерскія запираются, мужчины и женщины остаются дома и „отдыхаютъ“ или, точнѣе говоря, спятъ отъ завтрака до полудня. Дѣло въ томъ, что духоборы лишены обычныхъ праздничныхъ ресурсовъ русской деревни. Мужчины не пьютъ водки и не затѣваютъ возлѣ кабака гулянки и драки; игра въ карты — великій грѣхъ, даже шашки и шахматы не въ ходу. Женщины точно такъ же не сходятся для того, чтобы браниться и злословить о сосѣдяхъ. Съ другой стороны, книга еще не заняла подобающаго мѣста, и интеллигентныя развлеченія отсутствуютъ. Во время „исканія слободы“ и связаннаго съ нимъ движенія воскресные досуги наполнялись „бесѣдой о вѣрахъ“, но теперь, подъ влія-

ніемъ примиренія съ „физикой“, интересъ къ такимъ собесѣдованіямъ сталъ сокращаться. Такимъ образомъ, взрослымъ и пожилымъ людямъ остается только сидѣть на заваленкѣ и дремать. Дѣти и молодежь, конечно, сходятся вмѣстѣ, но слишкомъ шумныя игрища считаются неприличными для духовныхъ христіанъ. Молодость постоянно беретъ свое, но и наблюдающее око не дремлетъ даже въ средѣ деревенскихъ мальчишекъ. Мнѣ не одинъ разъ случалось быть свидѣтелемъ, какъ какой-нибудь пятнадцатилѣтній подростокъ увѣщаетъ своихъ товарищей, которые, по его мнѣнію, „черезъ мѣру раздурѣлись“: „Буде вамъ скакать, буде гоготать! Христіанамъ не гоже столь громко смѣяться!“

Главное развлеченіе духоборской жизни есть пѣніе. Мужчины и женщины, дѣвушки и даже дѣти соединяются въ пѣвческія партіи и хоры и съ субботы до понедѣльника не устаютъ оглашать своими псалмами и стихами спокойныя улицы деревни. И въ этотъ воскресный полдень, когда мы сидѣли на заваленкѣ вмѣстѣ со стариками, мимо насъ проходили партія за партіей. Почти каждая останавливалась и давала намъ концертъ. Часто два хора становились другъ противъ друга на противоположныхъ сторонахъ улицы и, по любимому духоборскому обычаю, принимались перекликаться псалмами. Басовъ и теноровъ было очень мало, ибо парни отсутствовали, но среди молодыхъ дѣвушекъ попадались великолѣпные голоса, звонкіе и сильные, которые такъ и просились въ оперу или въ пѣвческую капеллу. Даже дѣтскіе хоры пѣли согласно и разнообразно. Видно было, что въ этой средѣ любятъ „склонное“ пѣніе и знаютъ въ немъ толкъ. Духоборскіе псалмы поражали неистощимымъ обиліемъ.

Музыка ихъ представляла оригинальное соединеніе русскихъ церковныхъ мотивовъ и напѣвовъ, заимствованныхъ изъ народной пѣсни. Нѣкоторые были очень торжественны и красивы. Зато настоящихъ народныхъ пѣсенъ почти не было. Онѣ были вытѣснены стихами, заимствованными изъ школьных книжекъ, но переложенными на собственные „духоборскіе голоса“. Были напѣвы и слова, перешедшіе отъ штундистовъ и молоканъ, и другіе болѣе знакомые. И мнѣ было какъ-то странно слушать, какъ вереницы молоденькихъ дѣвчонокъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ цвѣтными платочками на головахъ, проходя по улицѣ, распѣвали тонкими голосами:

„Мы жертвою пали борьбы роковой,
Любви безграничной къ народу“...

Хоры проходили и проходили безъ конца. Однако черезъ два-три часа, несмотря на стройность духоборскаго пѣнія, я сталъ тяготиться этимъ непрерывнымъ концертомъ. Мало-по-малу я почувствовалъ себя какъ будто въ дачномъ театрѣ на любительскомъ спектаклѣ, гдѣ вдобавокъ нѣтъ ни антрактовъ, ни даже двери, чтобы спастись на улицу.

Духоборы однако были другого мѣнія. „Вотъ видишь, — сказалъ старикъ, сидѣвшій со мною рядомъ. — Англиче въ своихъ молебныхъ домахъ позаводили органы, а намъ это не надобить. У насъ есть тимпаны новы и гусли нерукотворенны...“

Неожиданно на дальнемъ концѣ улицы показались три одноколки и стали неторопливо подвигаться по направленію къ намъ. Онѣ были запряжены тощими и малорослыми лошадьми, кое-какъ опутанными рваною веревочною сбруей. Мелкіе короба одноколки были наполнены женщинами и дѣтьми, гряз-

ными, темнолицыми, въ растерзанной одеждѣ и съ грубыми украшеніями, несимметрично подобранными изъ пестрыхъ бусъ и блестокъ. Волосы ихъ темнѣли такою густою матовою чернотой, какая никогда не встрѣчается у европейскихъ народовъ. Впереди первой одноколки шелъ человѣкъ въ рваномъ черномъ сюртукѣ и замшевыхъ мокасинахъ. На головѣ его былъ нахлобученъ цилиндръ съ пробитымъ донышкомъ. Лицо его было все въ морщинахъ и складкахъ, и тѣло у него было такое тощее и тщедушное, какъ-будто за всю свою жизнь онъ ни разу не наѣдался до-сыта.

Во всей этой процессіи было что-то жалкое, не-ряшливое, бродяжеское, хуже самыхъ нищихъ цыганъ, вѣчно кочующихъ между деревенскими ярмарками.

— Куды поднялся, другъ? — крикнулъ старикъ, сидѣвшій со мною рядомъ.

Но человѣкъ въ цилиндрѣ только замоталъ головой. Я повторилъ вопросъ по-англійски, но съ такимъ же неуспѣхомъ.

— Экія лошадки задумчивыя! — сказалъ мой сосѣдъ съ сожалѣніемъ въ голосѣ. — На дворѣ лѣто, а у нихъ кости хуже зимняго торчатъ. — Нейдется этимъ индѣямъ, — прибавилъ онъ: — то жили у форта Пелли, а теперь опять, незнамо куды, поднялись. Ровно овражки кочевые, такъ и шастаютъ по степи... Господи, прости мой грѣхъ, — продолжалъ онъ, — зачѣмъ Ты создалъ этихъ людей? Хуже орды, хуже горскихъ татаръ...

Въ голосѣ его звучало презрѣніе, свойственное ослѣдлому земледѣльцу предъ нищимъ и бродячимъ инородцемъ. Со своей точки зрѣнія онъ былъ совершенно правъ. Какія бы стѣсненія и узы ни на-

лагала культура, жизнь этихъ первобытныхъ дѣтей природы была въ сравненіи съ нею черезчуръ неприглядна и недостойна челоѡѡка.

Третья одноколка поравнялась съ нами, но вдругъ наклонилась на-бокъ. Большое жидкое колесо съѣхало съ оси и легло на землю плашмя, черномазые ребятишки запрыгали и посыпались изъ короба, какъ горохъ изъ рѣшета.

Произошло нѣкоторое смятеніе. Духоборы встали съ мѣста и обступили поврежденную одноколку. Молодой индѣецъ, который велъ лошадь въ поводу, тоже подошелъ и презрительно толкнулъ свою телѣжку носкомъ ноги. Можно было только удивляться, какъ она вся не разсыпалась до сихъ поръ въ прахъ. Она была сколочена изъ товарныхъ ящиковъ, и коробъ былъ привязанъ къ оси грубою волосяною веревкой.

— Теперь что будешь дѣлать, другъ? — спрашивалъ мой сосѣдъ опять-таки по-русски.

Индѣецъ повернулъ голову на окликъ, немного помолчалъ, какъ бы обдумывая вопросъ, потомъ поставилъ указательный палецъ правой руки на ладонь лѣвой и принялся быстро вертѣть его на мѣстѣ. Въ заключеніе онъ распахнулъ свой кожаный кафтанъ, вытащилъ грязную рубашку изъ-за пояса штановъ и показалъ кусокъ тонкаго ремня, зачѣмъ-то повязанный у него вокругъ нагого тѣла.

— Буравчикъ и ремешокъ, — перевелъ мой сосѣдъ этотъ языкъ наглядныхъ жестовъ. — Да куды тебѣ? Что ты съ ней подѣлаешь? — онъ тоже потолкалъ ногой телѣжку. — Айда лучше къ намъ въ мастерскую, тамъ починять тебѣ, какъ слѣдуетъ.

Духоборы подняли телѣжку и наполовину понесли ее вмѣстѣ съ лошадью къ своей общественной ма-

стерской. Они, видимо, обрадовались, найдя себѣ занятіе среди воскреснаго досуга. Орава индѣйцевъ, взрослыхъ и маленькихъ, послѣдовала сзади.

— А ты, проѣзжій, какъ тебя?.. — сказала пожилая женщина, незамѣтно очутившаяся рядомъ со мною. — Пойдемъ, слышь, за мной. Я тебѣ слово скажу.

Два духоборскихъ старика, слышавшихъ это обращеніе, посмотрѣли на меня нѣсколько безпокойнымъ, даже просительнымъ взглядомъ, но не сказали ничего. Женщина вывела меня изъ села и повела по узкой дорожкѣ вверхъ на лѣсистый холмъ, господствовавшій надъ огородами.

— Ну, сядемъ здѣсь, — сказала она, выбирая мѣстечко у плетня. — Можетъ, эти вороны не придутъ за нами... Знаешь, небось, съ кѣмъ говоришь? — прибавила она, взглядывая на мѣ въ лицо своими пронзительными черными глазами.

Я, дѣйствительно, догадывался, кто могла быть моя новая и таинственная спутница. Еще въ ближайшемъ селѣ и вчера въ Ефремовкѣ жители предупреждали меня какимъ-то извиняющимся тономъ: „Есть тутъ у насъ старуха Матрена Красикова, умомъ повихнулась. Не слушай ты ее: она тебѣ нивѣстъ что наскажетъ. Что съ ней сдѣлалось, — прибавляли они, — понять не можемъ. — Славная такая была, доброумная, чистолюбивая женщина“.

Чистолюбіе въ данномъ случаѣ означало любовь къ чистотѣ.

— Да... — тотчасъ же сказала Матрена, какъ будто угадывая мои мысли. — Раньше Матрена въ Обчемъ Домѣ жила, на всю Духоборію Матрена всѣхъ была умнѣе, а теперь Матрена умомъ повихнулась.

Наружность ея не носила никакихъ признаковъ разстройства. Она была одѣта чисто, даже щеголевато; въ ея черныхъ волосахъ едва пробивалась сѣдина. Только въ глазахъ по временамъ вспыхивало безпокойное и вмѣстѣ безпомощное выраженіе; лицо Матрены тогда принимало испуганный видъ, и казалось, что она прислушивается къ чему-то невидимому, происходящему вдали.

Я опустилсѣ на пригорокъ у плетня.

— Ты знаешь наши дѣла? — заговорила Матрена, таинственно наклоняясь къ моему лицу. — Смущаетъ насъ антихристъ нашъ, прелестникъ окаянный, подмѣнный богъ...

Я открылъ ротъ, чтобы задать вопросъ, но Матрена не дала мнѣ сказать ни слова.

— ... Васька Веригинъ! — крикнула она. — Подмѣнщикъ Петюшкинъ, вотъ онъ кто!.. Послушай, — повелительно продолжала она, — достань свою книгу. Я тебѣ буду говорить, а ты пиши:

„Нашъ руководитель, Петръ Веригинъ, онъ пребываетъ съ нами духомъ. Когда уѣзжалъ, то говорилъ: нынѣ отхожу отъ васъ тѣлесно, но буду съ вами духовно, ибо пришло мнѣ время пострадать за весь народъ“.

— Знаешь, какъ въ псалмѣ поютъ, — прибавила Матрена, — въ первомъ изводѣ:

„Прошелъ голосъ на всѣ земли,
Что Сынъ Божій на землѣ;
Когда былъ еще малютка,
Ему писано страдать“.

Псаломъ, приведенный Матреной, дѣйствительно, пользуется большою популярностью среди духовоборскихъ пѣвцовъ. Слова его продолжаются такъ:

„Все по тюрьмамъ, все по крѣпкимъ,
 Все по клѣточкамъ сидѣть,
 Все по клѣточкамъ сидѣть
 И въ окошечко смотрѣть.
 Злые люди со ножами
 По бокамъ его стоятъ,
 Сына Божія грозятъ,
 Истребить его хотятъ.
 Охъ, Отецъ, ты мой Отецъ,
 Ты пошли мнѣ конецъ!
 Охъ, ты Сынъ, ты мой Сынъ,
 Еще время не пришло“.

Я имѣлъ храбрость спросить Петра Веригина въ присутствіи толпы духоборовъ о значеніи этой пѣсни. Онъ замѣтно огорчился вопросомъ, но тотчасъ же объяснилъ, что этотъ псаломъ заимствованъ у скопцовъ и относится къ одному изъ скопческихъ бѣлыхъ голубей, попавшихъ въ узилище. Быть-можетъ, это объясненіе справедливо, но въ употребленіи духоборовъ этотъ псаломъ, конечно, имѣетъ специальное духоборское примѣненіе и составляетъ часть той мифологіи, о которой я упоминалъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ.

— Когда отходилъ Петюшка, — продолжала Матрена, — наказывалъ намъ: „Кто хочетъ спастись, пусть самъ воскреснетъ и развиваетъ въ себѣ духъ. Когда придетъ время, тому явлюсь“. И нынѣ является мнѣ, въ видѣ голубинѣ, — прибавила Матрена. — И тому, кто разумѣетъ, является теперь весь, какъ молодой мѣсяцъ... Какъ начали съ землей выходить смуты, — продолжала Матрена, — я написала бумагу и подала ее въ Оттаву, и Графу¹, и квакерамъ, и въ Англію. Пишу:

„Довольно вамъ хвалиться и возвышаться своими

¹ Л. Н. Толстому.

правами и властями. Кто же выше Бога и Царя небснаго? Богъ сотворилъ небо и украсилъ его всею небесною красотой, солнцемъ и лучами, луной и звѣздами, и сотворилъ всѣхъ живущихъ на землѣ, чтобы Его славить, и далъ свободу всѣмъ живущимъ и животнымъ. Высокъ нашъ Господь надъ всѣми языками, яко благъ и вѣкъ милостивой. А потому Онъ благъ, что Онъ родился отъ богородицы, Лукерьи Калмыковой. Нашъ руководитель Петръ Васильевичъ Веригинъ, красота его—премудрость, чистота его плотская. По премудрости его и красотѣ и по плотской чистотѣ мы стремимся къ нему и чтимъ его. Богъ нашъ и царь нашъ. Составила Матрена Красикова“.

Матрена остановилась, подняла лицо вверхъ и долгимъ взглядомъ посмотрѣла на небеса. Быть можетъ, она отыскивала тамъ „молодой мѣсяцъ“ и „голубиный видъ“ своего мистическаго бога.

— Неужели Лукерья Васильевна была богородица? — сказалъ я.

Мнѣ казалось какъ-то невѣроятно, чтобы въ этотъ ясный полдень даже повихнувшійся умъ могъ питать такія странныя мнѣнія.

— А какъ же! — отвѣтила Матрена тономъ непоколебимаго убѣжденія. — А по-твоему кто?.. Богородица и теперь есть, — продолжала она важно, — въявь между людьми ходигъ, да не хотятъ признать ее.

Она даже пріосанилась и посмотрѣла на меня такимъ хитрымъ и побѣдоноснымъ взглядомъ. Очевидно, она имѣла въ виду самое себя, какъ преемницу Лукерьи Калмыковой.

— Какъ этотъ пріѣхалъ, теперешній, — продолжала Матрена, — я его сразу узнала, что это — Ва-

силій Веригинъ, братъ Петра. Написала и подала ему бумагу, что ты не тотъ, за кого себя выдаешь. Не въ свои сани не садись!.. А онъ взялъ и спряталъ въ карманъ, а народу ничего не открылъ. По-моему это — сопротивникъ, о которомъ читаемъ въ пророчествахъ. А Петя скончался прошлаго года, самаго 1-го августа. Когда отгоняли труженскіе люди скоть на слободу, пришла страшная буря и молніеносный столпъ, ударила и убила шесть коровъ, это и было намъ въ знаменіе... Манить ихъ земнымъ богатствомъ, — продолжала она сердито: — купили земли, машины, косилки, молотилки, хорошей жизнью взманиваетъ, то они перешли на его сторону всѣ. „А тебѣ, — говорятъ, — что же жалко по десяти рублей за землю заплатить?“ Мнѣ не денегъ жалко, только дѣла жалко. Лучше бы мнѣ голову отрубили, чѣмъ дѣло отпустить. Какъ мы, духоборцы, начали, то мы должны и кончить, чтобы утвердить свободу и что вся земля для всѣхъ людей безразлично.

Матрена вдругъ пришла въ чрезвычайное волненіе, и лицо ея исказилось.

— Братья мои, милые, — заговорила она громко и поспѣшно, — на что же вы купили землю? Ягодка моя, землю кто сдѣлалъ? Царь небесный. Какъ же можно ее покупать? Живи ты на ней, и я буду жить. А тебѣ какое дѣло, гдѣ я живу. Я буду пахать здѣсь, а ты паши тамъ, о-бокъ моей землѣ, а если хочешь, то ссыпемся вмѣстѣ. А если у насъ есть совѣсть, то будемъ жить въ общинѣ. А если у насъ змѣиныя сердца, лучше жить порозно. Ахъ, Боже мой!..

Она закрыла лицо платкомъ и заговорила сквозь всхлипыванья:

— Я съ Лукерьей Васильевной въ Общемъ Домѣ

жила, сквозь мои руки всё дѣла проходили, а теперь меня изъ моего села сослали. Собственные мои сыны на земное прельстились, отъ меня отказались. „Ты, — говорятъ, — внуковъ смущаешь, иди въ Ефремовку“. Ахъ, Боже, Боже!..

Матрена плакала навзрыдь.

— Съ тѣхъ поръ, какъ они купили эту землю, — жаловалась она, — голова моя будто раскололась и до сихъ поръ болитъ.

Это была вся старинная духоборская миеологія, которая таилась преимущественно въ женской средѣ и теперь поднималась со дна этой смятенной души и выходила наружу. Сердце Матрены было слишкомъ прямолинейно, и компромиссъ съ земнымъ богатствомъ послѣ всѣхъ мечтаній о проповѣди и Божьей правдѣ былъ для нея слишкомъ жестокимъ разочарованіемъ. Устои ея ума поколебались, и вернувшійся руководитель сталъ для нея самозванцемъ и антихристомъ.

Х.

Село Труженіе.

Послѣ Ефремовки мнѣ пришлось увидѣть самое больное мѣсто Духоборіи. Это было село Труженіе, откуда вышло движеніе голыхъ. То былъ унылый, какъ будто наполовину вымершій поселокъ. Дома выглядѣли очень бѣдно. Во всемъ селѣ было четыре коровы, и молоко доставалось только маленькимъ дѣтямъ. Жители ходили, какъ въ воду опущенные, и даже на вопросы отвѣчали неохотно и въ то же время сердито.

— Наше село будетъ разбиваться, — сообщили они, — десять дворовъ пойдетъ въ Ефремовку, а шесть — на сѣверъ; а объ голыхъ еще сами не знаемъ, будутъ ли ихъ примать назадъ въ общину... У насъ голыхъ шесть семействъ, — объясняли они дальше. — Три корня поучаствовали въ этомъ, — Подмаревы, Антипѣвы и Власовы. Отъ насъ въ Реджайну увели десять человѣкъ, все самые работные и совѣтные люди. Оттого общество наше упало.

Члены большинства тѣмъ не менѣе не питали зла противъ голыхъ; многіе даже жалѣли ихъ.

— Они бѣдные, все-таки хотѣли для духа что-нибудь, — говорили они, — но, конечно, уперлись въ стѣну, а теперь сами видятъ, что ихняя не беретъ.

Пропаганда голыхъ, очевидно, оставила здѣсь свои слѣды даже среди скептиковъ и противниковъ. Семьи, принявшія ученіе голыхъ, съ самаго начала отдѣлились отъ общины. Онѣ не ѣли масла и молока, не пили чаю, „не примали части“ въ пользованіи скотомъ, но сами на себѣ вспахали загонъ подъ хлѣбъ и завели особый огородъ. Онѣ, разумѣется, держались всѣ вмѣстѣ и составили особую маленькую общину, отдѣльную отъ всего села. Когда мужчинъ увезли въ Реджайну, женщины вмѣстѣ съ дѣтьми продолжали держаться въ сторонѣ и не поступали въ сельскую общину.

Нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ тоже „разбирались“ и ходили вмѣстѣ съ другими до села Надежды, гдѣ голое движеніе потерпѣло рѣшающую неудачу. Впрочемъ, послѣ ухода мужчинъ держаться особо отъ села было очень трудно. „Мы даже зерна на мельницу не возили, — рассказывали мнѣ наиболѣе упрямые протестантки, — а была у насъ ручная мельница, на ней мололи свое зерно. Потомъ не стало у насъ ни хлѣба, ни овощей. Тутъ Петръ Васильевичъ проѣзжалъ сквозь село, велѣлъ давать намъ муку и картошку. Мы то приняли“. По мѣрѣ того какъ изъ Реджайны начали доходить слухи о томъ, что арестованные покоряются, стали являться случаи отпаденія и среди протестующихъ женщинъ. Одна семья за другою принимала масло и молоко и окончательно поступала въ общину. Только три старухи и нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ упорствовали и ждали болѣе опредѣленныхъ вѣстей. Я посѣтилъ избу Пелагеи Подмаревой, которая являлась центромъ упорствующихъ женщинъ. Въ избѣ было чисто и пусто, мебели почти не было, даже печь не топилась, и гладко выметенное опечье, совершенно сво-

бодное отъ горшковъ, придавало всей избѣ какой-то сиротливый или нежилой видъ. Пелагея сидѣла у стола, пригорюнившись и, подперши щеку рукой, смотрѣла на стѣну. Это была маленькая кроткая старушка въ очень бѣдной одеждѣ и въ веревочныхъ лаптяхъ, надѣтыхъ на старые суконные чулки. Она не принимала „кожи“ и не хотѣла носить кожаной обуви. Возлѣ нея было нѣсколько молодыхъ женщинъ съ блѣдными лицами и большими печальными глазами. Всѣ онѣ очень исхудали и имѣли изможденный видъ. Очевидно, суровый постъ и непосильная работа при постоянномъ нервномъ возбужденіи не прошли для нихъ даромъ.

Я предложилъ напиться чаю съ сахаромъ. Пелагея на минуту поколебалась, потомъ отвергла предложеніе.

— Такъ долго не пила, — сказала она, — теперь не стоитъ начинать. Мы бѣдные, — сказала она въ поясненіе, — мы и въ Россіи коровки не имѣли и чаю не пили. Намъ въ привычку... — Пускай поступаютъ въ обчину, — говорила Пелагея о перебѣжчицахъ, — мы еще подождемъ: намъ будто грѣхъ, Знаешь, какъ въ пѣснѣ поется:

„Орлица летала по различнымъ сторонамъ,
Древо жизни не сыскала, возвратилася назадъ“.

Такъ и мы. Вотъ строятъ новыя избы, — продолжала она. — А, по-нашему, сырой лѣсъ рубить — грѣхъ, траву косить — тоже грѣхъ; не кончаются наши грѣхи.

Пелагея продолжала отстаивать свое вѣроученіе.

— А можно и такъ жить безъ скота, — утверждала она. — Вотъ мы на себѣ какой загонъ вспахали. А между тѣмъ заботы меньше и труда со-

всѣмъ мало. Вскопалъ землю, посадилъ какой овощъ, потомъ вырвалъ его и съѣлъ. Только всего.

Двое молодыхъ Власовыхъ только что вернулись изъ Реджайны, выпущенные раньше срока. Оба они покорились „на всю волю англичковъ“, но пока еще держались въ сторонѣ, не зная, какое рѣшеніе община приметъ на ихъ счетъ.

Сеня Власовъ сдѣлалъ мнѣ связанное изложеніе идей ученія голыхъ.

— Мы, стало-быть, складали близъ двухъ лѣтъ,—разсказывалъ онъ,—придумывали, какъ выйти на слободу. Потому что Богъ сотворилъ радость и слободу на утѣшеніе всей живой твари, а человекъ науродовалъ и все это испортилъ, то мы рѣшились подвергнуть это назадъ и все доходили, пробовали словами или дѣлами. Потомъ какъ сходили въ Минетозу, не захотѣли покориться, не стали принимать землю, не стригли волосъ и ногтей,—все думали о слободѣ. Послѣ того отпустили, къ примѣру, скотъ, чтобы ему была воля, не мучить его и не изнурять. Сами на себѣ пахали и все пробовали плоть свою смирять. Напримѣръ, работаешь, возишь, пашешь, самъ не ѣшь день или два, воду даже не пьешь. Я даже до семи сутокъ не ѣдалъ и до пяти сутокъ воду не пилъ, хотя и звала она, но я не сдавался, конечно. Потомъ стали мы складать, что на землѣ дюже много работаютъ физическимъ трудомъ, а духовную работу будто забываютъ. Вотъ мы подумали, что первую надо сократить, какъ уже много есть на землѣ надѣланнаго, значить, если бы всѣ люди увѣрили, что они—братья, то можно пользоваться этимъ, а потомъ что Богъ дастъ, подрабатывать, или что, по волѣ. А, можетъ, Богъ и такъ сталъ бы кормить, какъ, напримѣръ, при Моисеѣ

манна падала съ неба. Конечно, какъ человѣкъ всю природу испортилъ, вырубилъ фруктовые сады и корни выжегъ, а мѣсто изрылъ и испакостилъ, значитъ, трудно ворочаться къ тому, какъ было вначалѣ, но все-таки придетъ же къ этому, на примѣръ, послѣ втораго пришествія, обновленіе рода. Конечно, какъ люди—братья, значитъ, должны всѣ пользоваться. Потому если ты завладѣлъ одинъ, значитъ, ты развѣ лучше? Только ты огнялъ отъ другихъ братьевъ. А давай-ка пользоваться всѣ вмѣстѣ. Насчетъ одежды мы думали, что, значитъ, мы стыдимся наготу свою, какъ стыдъ есть плодъ грѣха,—на примѣръ, если украсть что, то тому стыдно, такъ же человѣкъ стыдится своего тѣла. Намъ же надлежитъ перебороть грѣхъ и обновить природу, чтобы какъ голый, такъ и одѣтый было одно естество. Мы говорили имъ: „Ты зачѣмъ голыхъ боишься, одѣтыхъ не боишься, а тотъ же человѣкъ?“ Поэтому, когда приходили въ селеніе, то дѣлали обрядикъ, показывали, что не бойтесь, значитъ, если мы ходимъ голые; такъ проходили сквозь село, одѣвались и шли дальше. Видѣній намъ не было, но шли въ душевной радости, что мы достигли слободы. И братьевъ пробовали убѣждать только со словомъ и съ любовью. На примѣръ, мы травку ѣли оттого, что мы отвергаемъ работу, значитъ, ѣду намъ брать неоткуль. Если братъ не хочетъ давать отъ вольнаго сердца, то чтобы не насилить его слободы, лучше же я буду ѣсть травку, какъ овца. И когда они вышли на насъ съ палками, мы имъ не сопротивлялись, но ложились и говорили: бей меня, если хочешь, или даже совсѣмъ засѣки, если по-твоему выходить такъ... Потомъ, какъ арестовали насъ, привезли въ Рейджайну, въ тюрьму, наши не стали покоряться, не

работали, потому что зачѣмъ ты меня насилишь? По просьбѣ можно было бы сдѣлать. А то говорятъ: „ты такой же человѣкъ, у тебя есть руки и ноги, сходи, сдѣлай самъ“. А я сталъ думать. Вотъ люди ничего нашего не приняли, стали противъ насъ стѣной. Значить, мы были дураки, не такъ взялись. Тутъ я сталъ имъ говорить, что вы меня не запирайте. Я буду работать и поступать по-вашему. Какъ ты ходишь вездѣ на слободѣ, такъ же и мнѣ хочется. Или дайте мнѣ одежду хорошую, я надѣну, скорюся и буду поступать по всей вашей совѣсти. Ну, они стали меня пускать на работу, такъ абы чего, травку стричь или полы смывать. Перво-то, какъ привезли, заперли насъ со старшимъ братомъ въ камору. Тутъ мы стали дверь ломать,—отпустите насъ, за нами нѣтъ никакой вины. И такъ ломали, что они насъ били и къ стѣнѣ приковывали и револьверомъ нацѣплялись, что мы васъ сейчасъ разстрѣляемъ. Но мы всѣхъ этихъ страстей не боимся,—видали въ Россіи еще и того страшнѣе. Потомъ я сказалъ солдату, что не буду ѣсть, почему лишаете свободы, то не ѣли три дня. Потомъ какія корки англики-солдаты выбросятъ, то ихъ подбиралъ и ѣлъ. А умствовалъ такъ, что если онъ скажетъ, какъ же ты ѣшь, а не работаешь, я противъ того отвѣчу, что все равно это брошенное, чтобы прѣтъ, стало-быть, ничье. Потомъ я отъ старшаго брата отклонился, сталъ работать по ихнему. И другаго брата сталъ уговаривать, что съ воронами жить—по-вороньему каркать, а среди волковъ жить—въ волчьей шкурѣ ходить и подражать имъ, чтобы они не терзали насъ. А наши не покорялись, напимѣръ, даже изъ-подъ себя вымывать не соглашались, ну, я изъ-подъ нихъ вымывалъ и выносилъ. Потомъ говорю: я не хочу работать на этихъ лѣнлив-

цевъ,—у нихъ тоже есть свои руки и ноги. А вы меня лучше отпустите, я буду работу дѣлать и приму весь вашъ образъ. Не то вотъ есть у васъ галиціанъ, кандалъ на ногѣ носить,—онъ изъ тюрьмы убѣжалъ, а они его поймали и повѣсили ему на ногу такую гирию съ цѣпью,—то пусть повѣсьте ее мнѣ, и я буду тотъ кандалъ носить и его избавлять, лучше чѣмъ этихъ лѣнивцевъ. Потомъ я сталъ имъ очень улащать: какъ вы,—говорю,—мою голову били, такъ моя голова поуменѣла, и я теперь совсѣмъ по-вашему сталъ. Тутъ ихъ очень совѣсть убила, нечего имъ сказать. Говорятъ: „если теперь васъ отпустить до срока, то весь нашъ законъ сломать“. А я говорю, что какъ же я вамъ буду работать? теперь лѣтнее время. Три мѣсяца работать, можетъ я бы и больше ста долларовъ заработалъ. За что же я долженъ лишиться этого? За то, что я рубаху скидалъ?—то я ее опять надѣлъ. Тутъ имъ нечего сказать противъ тѣхъ словъ. Отпустили они насъ троихъ до срока,—меня съ братомъ и Митю Зыбина. Такъ мы покорились,—закончилъ Сеня Власовъ,—по своей доброй волѣ. Потому видимъ, что этакъ по-нашему не возьметъ. Лучше надо потихоньку дѣлать и склонять къ тому. Мы, значитъ, залѣзли очень высоко а вы за нами не послѣдовали, поэтому намъ приходится слѣзать внизъ и надѣвать вашъ хомутъ. Вотъ говорятъ мнѣ,—прибавилъ Сеня:—отчего вы другихъ не слухали? Вамъ говорили люди: вертайтесь назадъ! А какъ бы я послушалъ, когда по моей мысли выходило, что я долженъ идти впередъ? Каждый человѣкъ долженъ своимъ умомъ идти, куда его ведетъ, а когда онъ увидитъ, что ему ходу нѣту, то обратится самъ. Если бы по чужому слову я все бы думалъ, что мнѣ нужно было

дойти дальше, и я бы шатался, и было бы некрѣпко.

Нѣкоторые члены большинства относились однако не безъ насмѣшки къ добровольной покорности голыхъ.

— Какъ не добровольно! — говорилъ мнѣ по этому поводу съ ироніей мой квартирный хозяинъ. — Какъ пословица говорится: семь лѣтъ молотилъ, одинъ разъ проглотилъ. Къ примѣру, они говорятъ, манна падала съ неба, не надо было трудиться. А того не разберутъ, что все-таки надо было нагибаться, да ее собирать. А и теперь такую же манную Господь постоянно посылаетъ, — хлѣбъ святой... Оттого и боятся иные, — закончилъ онъ, — примать ли ихъ назадъ въ общество. Богъ ихъ знаетъ, что они еще будутъ отыскивать. Видомъ покорится, а умомъ-то помаркиваетъ, ищетъ случай.

Я, впрочемъ, упоминалъ, что община рѣшила потомъ принять голыхъ обратно.

Насмѣшки надъ голыми перешли даже къ ребятишкамъ. Такъ, дѣвчонки въ Трудненіи рассказывали мнѣ: „О, страсть Господня, когда эти голые перво пошли по нашему селу! Виски у нихъ длинные, нечесанные, борода у всѣхъ мохнатая, глаза такіе свѣтлые, какъ вода, сами синіе, худые, чисто утопленники!“. Когда начинались ссоры, дѣти изъ семей большинства тотчасъ же упрекали дѣтей изъ противоположной партіи: „Твой тятя безъ штановъ ходилъ. Вы голоштанники!“ Однимъ словомъ, неудачное движеніе голыхъ оставило въ Трудненіи слѣды, которые залѣчиваются медленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

XI.

Русскіе сосѣди.

Возлѣ селенія Каменки живутъ нѣсколько русскихъ семействъ, не принадлежащихъ къ духоборской общинѣ. Наиболѣе замѣчательная семья Прокопенко, опростившихся интеллигентовъ, родомъ изъ-подъ Полтавы. Г. Прокопенко пріѣхалъ къ Канаду почти одновременно съ духоборами и энергично принялся устраивать свое хозяйство. Теперь онъ имѣетъ участокъ земли, порядочную пашню, коровъ, лошадей и вообще живетъ жизнью средняго фермера-переселенца изъ Европы. Надо замѣтить, что у него пятеро маленькихъ дѣтей, и потому развить свое одинокое хозяйство ему труднѣе, чѣмъ сосѣднимъ духоборамъ. Отношенія его съ духоборами въ общемъ довольно дружелюбны и въ то же время имѣютъ, такъ сказать, характеръ антиноміи, чрезвычайно естественной при встрѣчѣ хозяйственныхъ одиночекъ съ такой крупной экономической единицей, какъ духоборская община. Г-жа Прокопенко имѣетъ небольшую аптечку и въ экстренныхъ случаяхъ помогаетъ своимъ сосѣдямъ. Зимой, когда у нея больше свободного времени, она обучаетъ начаткамъ грамоты вмѣстѣ со своими старшими дѣтьми нѣсколько духоборскихъ ребятишекъ. Вопросъ о присоединеніи къ общинѣ

вставалъ неоднократно, но былъ рѣшенъ отрицательно, что опять-таки совершенно естественно. Для того, чтобы присоединиться къ такой общинѣ, интеллигентный человѣкъ все-таки долженъ отказаться отъ нѣкоторыхъ сторонъ своей личной свободы, а главное—поставить на первое мѣсто матеріальные и духовные интересы данной общины. Послѣднее требованіе очень трудно осуществимо, по крайней мѣрѣ въ той полнотѣ, какая требуется въ настоящемъ случаѣ. Интеллигентный человѣкъ способенъ искренно интересоваться судьбой человѣчества и прогресса, но для него гораздо труднѣе слиться съ частными интересами данной общественной группы, которая еще вчера была для него совершенно чужой. Даже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстнаго жительства онъ всегда будетъ проводить демаркаціонную черту между своей жизнью и общинной, чего Духоборія не захочетъ признать. Нужно родиться духоборомъ для того, чтобы постоянно болѣть сердцемъ о судьбѣ духоборскихъ людей, беспокоиться о доброй славѣ Духоборіи предъ другими народами, отдавать ей свой трудъ и время, не имѣть ничего собственнаго или, въ случаѣ надобности, жертвовать всѣмъ, что имѣешь, до послѣдняго куска. Именно такъ поступали и поступаютъ Зибаровъ, Фофановъ, Поповъ и другіе выдающіеся духоборы. Для русскаго интеллигента стать духоборскимъ общинникомъ такъ же трудно, какъ, напримѣръ, переселиться въ Черногорію и внезапно сдѣлаться пламеннымъ черногорскимъ патріотомъ, или, лучше сказать, еще труднѣе, ибо въ Черногоріи не придется отказаться отъ хозяйственной индивидуальности и самыхъ интимныхъ привычекъ. Въ такомъ же положеніи, какъ Прокопенко, находится и г. Евгеній Сукачевъ, тоже интеллигентный

человѣкъ, живущій среди духоборовъ и занимающійся по зимамъ обученіемъ ихъ дѣтей. Онъ говорилъ мнѣ, что духоборы предлагали ему жениться въ ихъ средѣ и стать общинникомъ, но онъ отказался.

Мнѣ духоборы говорили по этому поводу довольно грубо, но мѣтко:

— Конечно, г. Сукачевъ не хочетъ отстать отъ своихъ прихотевъ. Напримѣръ, табачекъ,—совсѣмъ пустое дѣло, для чего его курить? А Семень Павловичъ (Прокопенко) мясо ѣстъ, конечно, не захотѣли отказаться.

Гг. Сукачевъ и Прокопенко много говорили мнѣ о духоборской жизни, освѣщая ее съ нѣсколько специальной точки зрѣнія.

— Духоборы считаютъ, что они—избранный народъ,—говорилъ Прокопенко,—а остальные народы,—какъ грязь предъ ними. Только они держатъ это въ тайнѣ, чтобы ихъ не возненавидѣли всѣ люди. Веригинъ сосредоточилъ въ себѣ всю сущность духоборскихъ идей. Онъ полуграмотный человѣкъ, но прекрасный правитель. Зато для него все равно—обмануть, солгать, оплевать, напримѣръ, оплести канадское правительство, лишь бы отстоять свое общество.

— Теперь духоборовъ восемь тысячъ,—говорилъ Прокопенко,—но они размножаются быстрѣе американцевъ. Слѣдовательно, черезъ сто лѣтъ ихъ будетъ миллионъ. Тогда они будутъ выше всѣхъ, они сотрутъ съ лица земли сосѣдей и завладѣютъ всей Канадой.

— Не думайте, что я это противъ духоборовъ говорю,—прибавлялъ г. Прокопенко.—Я радъ, что они захватятъ Канаду. Цивилизація умираетъ, и такимъ народамъ принадлежитъ будущее. Город-

ская культура гніеть, самобытная жизнь—въ деревнѣ, и чѣмъ скорѣе деревня побѣдитъ и уничтожитъ горь, тѣмъ лучше для земли.

Въ этихъ немногихъ сентенціяхъ скрывается цѣлое міросозерцаніе, которое я не берусь ни критиковать, ни развивать дальше.

Вопросъ объ отношеніяхъ между Духоборіей и пріѣзжими интеллигентными людьми имѣетъ щекотливыя стороны, но это, конечно, не причина для того, чтобы обойти его молчаніемъ. Духоборы, какъ извѣстно, обязаны интеллигентамъ многими важными услугами, и самый переѣздъ ихъ въ Канаду совершился благодаря прямому содѣйствію русскихъ интеллигентныхъ людей.

— Мы сюда вышли, какъ будто въ лѣсъ, — говорилъ мнѣ Иванъ Коньгинъ, — не знаемъ ни языка. ни порядковъ, и насъ никто не знаетъ и не вѣритъ. Много хлопотъ тогда они съ нами приняли, находили намъ работу и мѣста, возились съ нами, какъ съ малыми дѣтьми.

Тѣмъ не менѣе прочной связи между духоборами и интеллигентами не образовалось. Духоборы пріѣхали для того, чтобы осѣсть въ Канадѣ, начинанія же интеллигентовъ имѣли временный характеръ. Ихъ слишкомъ притягивала огромная и загадочная Россія, оставшаяся тамъ по ту сторону океана, и мало-помалу перетянула всѣхъ одного за другимъ. Помимо того, отношенія между духоборами и интеллигентами не были по временамъ свободны отъ недоразумѣній. Исторія пріучила духоборовъ въ недоувѣрчивости, особенно во всемъ, что касается услугъ свыше. Они обладаютъ также большей личной и общественной инициативой, гордятся своей способностью къ „умствованію“ и потому въ особенности

не выносятъ учительнаго тона съ претензіей на умственное превосходство со стороны собесѣдника. Я описывалъ, въ какую забавно уродливую форму вылились отношенія между духоборами и русско-американскими миссіонерами, съ ихъ притязаніемъ на богословскую глубину. Недоразумѣнія между г. Щербининымъ и жителями Принцъ-Альбертовскаго участка по поводу квакерской школы имѣютъ, очевидно, точно такой же характеръ. Дѣятельность г. Бодянского въ духоборской средѣ тоже не имѣла особенно благопріятныхъ результатовъ. Г. Бодянскій жилъ среди духоборовъ въ то время, когда недоразумѣнія ихъ съ канадскимъ правительствомъ по поводу формы земельного владѣнія стали принимать острый характеръ. Съ своей стороны, г. Бодянскій повелъ усиленную пропаганду среди духоборовъ, доказывая имъ, что вступать въ какой-либо компромиссъ по этому поводу противно совѣсти и что точно такъ же не слѣдуетъ принимать регистрацію браковъ и смертей, ибо канадскому правительству нѣтъ никакого дѣла, кто умеръ, женился или родился, и все это — „дѣло рукъ Божіихъ“.

Письменное заявленіе кипрскихъ духоборовъ канадскому правительству, сдѣланное по этому поводу, потомъ въ дополненномъ видѣ появившееся въ печати и переведенное на многіе языки, принадлежитъ именно перу г. Бодянского. По поводу этого заявленія подписавшіе его духоборы послѣ отзывались такъ:

— А какія слова были неподходящія для насъ, то Бодянскій — старичекъ настойчивый и всегда толкуетъ по-своему.

Одновременно съ этимъ г. Бодянскій устраивалъ въ духоборской средѣ различныя кооперативныя

учрежденія. Это было, разумѣется, до основанія большой общины, въ 1900 и 1901 годахъ.

По поводу судьбы этихъ учреждений г. Бодянский писалъ г. Владиміру Ольховскому въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1900 г.:

„Вслѣдствіе разныхъ наговоровъ я охотно поспѣшилъ передать всѣ комитетскія дѣла. Послѣ этого пошла большая неурядица, которая однако закончилась общимъ удовлетвореніемъ, когда общественный капиталъ былъ раздѣленъ подушно, а заведенныя мною библіотека и аптека разобраны. Мнѣ кажется, — прибавляетъ г. Бодянский, — что у духоборовъ современемъ все будетъ — и библіотека, и аптека, и многое другое, но только тогда, когда инициаторами этого явятся люди изъ ихъ среды, побуждаемые къ такой инициативѣ опытомъ жизни, а сторонняя инициатива имъ ничего не даетъ“. Къ этимъ словамъ излишне что-либо прибавлять¹.

Рядъ молодыхъ людей, пріѣзжавшихъ для того, чтобы, такъ сказать, пройти въ Духоборіи курсъ опрощенія, оставилъ по себѣ довольно однообразныя воспоминанія.

Напримѣръ, духоборы разсказываютъ: „Пріѣзжалъ къ намъ молодой парнишка, Эдуардъ звали, французъ; сказываетъ, хочетъ жить съ нами. Но только ему было трудно. Пробовалъ онъ и пахать, и косить, — все нейде. Наконецъ, попробовалъ носилки носить съ женщинами, сѣно, напримѣръ, и тутъ не могъ. „Видно, — говоритъ, — мои руки только для письменности годятся“. Взялъ и уѣхалъ домой“.

¹ Болѣе подробное описаніе дѣятельности г. Бодянского можно найти въ статьяхъ г. Б. Ольховскаго: — „Духоборцы въ Канадскихъ преріяхъ“, „Образованіе“, 1903 г., № 4—8, откуда заимствована также и приведенная выше цитата.

— Еще были двое молодыхъ ребятъ, — рассказывали духоборы, — русскіе, Фроловъ да Егоровъ. Они пробыли здѣсь мѣсяца три, а какъ полевые работы начались, они уѣхали. Пища плохая, работа трудная. Кромѣ того, говорятъ, у васъ есть семейства, весь родъ и племень, а мы все какъ пришельцы. Фроловъ уѣхалъ назадъ въ Европу, а Егоровъ подался къ Принцъ-Альберту, взялъ ферму, написалъ отцу и матери, пускай пріѣдутъ, и теперь хочетъ занять еще нѣсколько фермъ для русской компаніи.

Наиболѣе благопріятное воспоминаніе оставила по себѣ группа молодыхъ людей, жившихъ въ сѣверномъ участкѣ въ одно время съ дѣятельностью г. Бодянского среди кипрскихъ духоборовъ. Особенно благодарную память оставилъ г. Сулержицкій. Иванъ Коньгинъ, о которомъ я упоминалъ выше, какъ только зашла рѣчь о Сулержицкомъ, сразу вспыхнулъ какъ порохъ.

— Ангелы, а не люди, — быстро заговорилъ онъ, — столько они старались, что, можетъ, мы и не стоимъ того. Кажется, палъ бы на землю, убится отъ одной благодарности. А конечно, какъ же будетъ на этомъ свѣтѣ. Другой ходить, бурунить, кричить: „Хоть бы ихъ и не было! Зачѣмъ живутъ?“ А потомъ спроси ихъ, скажутъ: „Я этого не знаю, да я такъ и не говорилъ“. А потомъ, когда уѣзжалъ Сулержицкій, всѣ говорили, просили его еще остаться. А онъ сказалъ: „Я вамъ уже не нуженъ, вы можете сами. А я лучше поѣду туда, гдѣ я болѣе нуженъ. Напримѣръ, въ Россіи много бѣдныхъ и темныхъ людей, то я лучше поѣду въ Россію“.

Къ слову сказать, послѣднія фразы, если только онъ переданы вѣрно, тоже отзываются поученіемъ.

Впрочемъ, г. Сулержицкій совершенно правъ, и дѣятельность интеллигентовъ теперь меньше нужна для духоборской среды. Духоборы оперились, и, вѣроятно, недалеко то время, когда они выдѣляютъ собственныхъ врачей и привлекутъ къ себѣ изъ Россіи хорошихъ платныхъ учителей. Тѣмъ не менѣе вольный врачъ или учитель могли бы найти для себя широкое поле дѣятельности среди духоборовъ. Для успѣха такой дѣятельности нужны два простыя условія, которыя, однако, встрѣчаются рѣже, чѣмъ можно думать. Во-первыхъ, въ личныхъ сношеніяхъ слѣдуетъ всегда ставить себя на равную доску съ собесѣдниками, не преклоняясь передъ духоборскою „премудростью“ и не принимая наставническаго тона; во-вторыхъ, всю свою дѣятельность, врачующую или учебную, слѣдуетъ ставить на дѣловую почву, ибо духоборы избѣгаютъ и не цѣнятъ бесплатныхъ услугъ, и вмѣстѣ съ ростомъ ихъ благосостоянія эта тенденція усиливается изъ года въ годъ.

Кромѣ интеллигентовъ подъ Каменкой жили три крестьянскія семьи, Дудченка, Ольховика и Твердохлѣба, всѣ три родомъ изъ Малороссіи. Мужчины были на работахъ. Мы зашли погостить въ хату Ольховика. Хата была глиняная, но очень аккуратная, вся выбѣленная мѣломъ, съ новенькой соломенной крышей. Въ передней горницѣ стояла крѣпкая самодѣльная мебель и большая грузная плита. Еще нестарая баба хлопотала у плиты, приготавливая обѣдъ. Она встрѣтила насъ очень привѣтливо, но не дала намъ просидѣть въ хатѣ пяти минутъ и потащила насъ на свой огородъ.

— Подивитесь на мою рѣдьку! — съ восторгомъ воскликнула она, — ото-жъ рѣдька, бодай ее пополамъ. А морква, а горохи!..

Она громко смѣялась и, кажется, готова была плясать отъ восторга.

— У насъ въ Харьковской губерніи два клappa земли не было, а тутъ бачъ, якіе загоны. Чоловикъ каже: лугу нема, вся пахатна земля, чѣмъ коней кормить? А я кажу: сѣй больше ячмень. Зеленый ячмень коситимо намѣсто сѣна; хай и коняка знае, що то есть жить въ Канадѣ.

Одного изъ этихъ переселенцевъ, Антона Твердохлѣба, мы встрѣтили потомъ, дальше по дорогѣ, въ селеніи Надежда. Онъ проходилъ сквозь селеніе, ведя за собой въ поводу пару лошадей, тащившихъ большой, но совершенно пустой фургонъ. Лошади были тощія, нисколько не лучше индѣйскихъ. Въ срединѣ сельской улицы лѣвая пристяжная внезапно упала на землю и отказалась идти дальше. Тогда Твердохлѣбъ, наполовину противъ своей воли, заѣхалъ къ духоборамъ покормить. Впрочемъ, услыхавъ, что въ селеніи есть люди, пріѣзжіе изъ Россіи, онъ бросилъ и лошадей, и фургонъ, и тотчасъ же прибѣжалъ къ намъ. Это былъ человекъ рослый, широкоплечій, но почти такой же тощій, какъ его кони. Лицо у него было смуглое и мрачное, и выпуклые черные глаза при каждомъ поводѣ вспыхивали и загорались гнѣвомъ. Настроеніе у него, видимо, было совсѣмъ другое, чѣмъ у духоборовъ. Онъ жадно и подробно разспрашивалъ насъ о русскихъ новостяхъ.

— Хорошо въ Россіи, — сказалъ онъ въ заключеніе. — Страшно и весело, не такъ, какъ здѣсь въ Канадѣ. Здѣсь все мертвое, — жаловался онъ, — скучно очень. И устройство мнѣ не очень нравится. Здѣсь все порядокъ только для англичковъ, а тебя они считаютъ, будто ты не человекъ. Напримѣръ,

галиціанинъ придетъ и ферму займетъ, построи́ся, пахать станеть. Если потомъ англику понравится, онъ отниметь и тебя сгонить, и управы нѣтъ на него. Къ примѣру, былъ галиціанинъ, развелъ ферму, построилъ избу, запахалъ сколько акровъ, потомъ пришелъ англикъ и тоже пахаетъ здѣсь. Галиціанинъ видитъ, думаетъ: моя права. Вышелъ съ ружьемъ, говорить: „Я застрѣлю тебя“. Англикъ позвалъ полисмановъ, они его завязали и повезли въ Виннипегъ. Онъ вышелъ виноватый, а англикъ правый, только потомъ онъ заплатилъ ему сколько-то за пахоту и за избу.

— Конечно, если вмѣстѣ держаться, тогда здоровѣе, — продолжалъ Твердохлѣбъ, — а одинокому — горе. Вотъ духоборы держутся къ одной, такъ это стадо, а не люди. А русскіе или галиціане, какъ болваны, разсыпаются во всѣ стороны, какъ тѣ овцы. То англики на нихъ ѣздятъ и ими погоняють, а то занимали бы одинъ округъ, могли бы держаться вмѣстѣ, и не такъ скучно было бы.

— Со мной такая же бѣда, — рассказывалъ Твердохлѣбъ, — занялъ я участокъ, записалъ по книгахъ и пошлину заплатилъ, хату себѣ удѣлалъ, сталъ землю пахать. Вдругъ англикъ пріѣзжаетъ и тоже съ плугомъ. Тебѣ говорю, что тутъ надо? — „Это, — говорить, — моего дяди участокъ, а я наслѣдникъ“. — Какъ же ты наслѣдникъ, когда я его по книгѣ за собой записалъ? — А онъ говоритъ: „God damn!“ — значитъ, ругается. Тутъ мнѣ пахать расхотѣлось, я запрягъ лошадей, поѣхалъ въ городъ. — Какъ же, — говорю комиссару, — вѣдь за мною участокъ написанъ? — „За тобой, — говорить, — написанъ и за нимъ написанъ, а его написъ старая“.

Къ духоборамъ Твердохлѣбъ относился съ крайнимъ недружелюбіемъ.

— Какіе это люди, -- говорилъ онъ негодующимъ тономъ. — Вы посмотрите, чего они ѣдятъ. Вода да картошка, да капуста. Я отъ такой ѣды и изъ Россіи утикъ. А мясо по-ихнему исти грѣхъ, а на распутство у нихъ нѣтъ грѣха. Примѣрно, говорится у нихъ, что если дѣвка принесетъ ребенка, нѣтъ грѣха. Или если мужъ не ладитъ съ женой, то отсылаетъ эту прочь, а беретъ другую, а ей тоже вольно выйти замужъ.

Такъ относился этотъ суровый хохолъ даже къ полутеоретическому признанію развода, допускаемому духоборами.

— Они живутъ — не люди, помрутъ — не покойники, — говорилъ Твердохлѣбъ. — Чего заработалъ, отдай въ общину, а самому никогда денегъ нѣтъ, и ничего купить не можно. Чисто арестантскія роты.

Это была противоположность великорусской общинности и хохлацкаго индивидуализма.

— Недовольства тоже много, — рассказывалъ Твердохлѣбъ, — особенно между мужчинами. Женщины болѣе прилѣпливаются къ общинѣ, потому что Веригинъ обѣщалъ ихъ сдѣлать барынями, чтобы онѣ работали мало. — Меньше, чѣмъ имъ Богъ звелъ, — вставилъ Твердохлѣбъ, — и обѣщалъ тоже купить имъ хорошіе наряды.

— Я уговаривалъ тѣхъ мужиковъ, — продолжалъ Твердохлѣбъ, — вы попробуйте, уйдите прочь человѣкъ пятьдесятъ, а бабы если не хотятъ, то ихъ оставьте, пускай онѣ ихъ кормить, Веригинъ то-есть. Такъ не соглашаются они. А заживные люди тоже лаются, — продолжалъ Твердохлѣбъ, — которымъ

пришлось своихъ коровъ, лошадей отдать въ общину, Поговори-ка хоть съ Иваномъ Коныгинымъ.

Я, однако, неоднократно разговаривалъ съ Иваномъ Коныгинымъ, и его рѣчи далеко не совпадали съ инсинуаціями хохлацкаго протестанта.

— Я имѣлъ три пары лошадей, — говорилъ Коныгинъ, — но теперь все отдалъ въ равненіе. Что же говорить, пусть отдалъ, надо къ людямъ быть милостивымъ. У меня трое большихъ сыновъ, но я это не считаю. Изъ нашихъ есть такіе, которые въ розницу очень заживно жили, а другіе бы изъ работниковъ никогда не вышли. Это надо поровнять.

— Напримѣръ, когда заводили общину, — говорилъ Коныгинъ, — иные на сѣверѣ и на Лиманѣ (озеро Добраго Духа) имѣли по семи коровъ. Они имѣли бы полное право оставить себѣ хоть часть, но отдали все. А въ общинныхъ селахъ, которыя и до того жили общиной, скота оказалось меньше. Первое, что одиночные болѣе старались, а зато второе, что въ ихнихъ селахъ было очень неровно и бѣдствія было больше.

— Все это надо привести въ порядокъ. Напримѣръ, у кого нѣтъ лошадей. Вотъ вамъ способа, наживайте. А потомъ вы наживете, я, пожалуй скажу: „Ну, и довольно теперь. Теперь есть чѣмъ взяться, теперь пусть я буду опять самъ по себѣ!“ — А только при бѣдности, чтобы взяться, община дюже хороша. Безъ общины даже и не подняться никакъ.

— А если будемъ жить, какъ теперь, то община потянетъ долго, потому что теперь живутъ очень согласно. И такъ хорошо въ общинѣ для работы и для жизни союзной, что дай Богъ, чтобы потянулось подольше.

Сколько мнѣ извѣстно, рѣчи Ивана Конигина представляютъ близкое выраженіе взглядовъ хозяйственной партіи на новое общинное устройство.

— Конечно, для Веригина хорошо, — говорилъ Твердохлѣбъ. — У него казна въ рукахъ; не работаетъ, ходитъ хорошо, ѣсть тоже. Катается постоянно, вотъ поѣхалъ въ Реджайну, пріѣдетъ, поѣдетъ по селамъ. Его встрѣтятъ честь-честью, молодые дѣвы его подъ-руки поведутъ, словно немощнаго, и обнимутъ, и поцѣлуютъ при всѣхъ. А онъ тому и радъ.

— У духоборовъ, по-моему, одно лицемѣрство, — говорилъ Твердохлѣбъ, — другъ за дружкой подсматриваютъ, во всемъ шпионство. А если ты не ихній, то ты вовсе не человѣкъ, хоть умри передъ ними. А поговори-ка съ ними. Онъ тебѣ расписываетъ и размазываетъ, будто живой на небо летитъ, а на дѣлѣ — чисто змѣй.

— Я прежде тоже все божественное разводилъ, — мрачнымъ голосомъ говорилъ Твердохлѣбъ, — то есть — не надо насиловать: гдѣ дадутъ тебѣ въ правое ухо, ты подставь лѣвое, а теперь, по-моему, все это — глупство. Я теперь такихъ людей уважаю, которые начнутъ и знаютъ, куда идти; а то подставь лѣвое ухо, а онъ сѣлъ да поѣхалъ. Нѣтъ, ты лучше самъ дай ему въ ухо.

Я всегда замѣчалъ, что люди съ подобнымъ настроеніемъ не могутъ ужиться за границей и рвутся обратно въ Россію, которая, повидимому, представляетъ мѣсто, особенно удобное для взаимныхъ оплеухъ. Твердохлѣбъ представлялъ лишнее подтвержденіе этого правила.

— Ей Богу, — повторялъ онъ, — продамъ лошадей и фургонъ и уѣду назадъ въ Россію. Скучно здѣсь жить съ англичанами.

Онъ не хотѣлъ даже переночевать у духоборовъ и къ вечеру угналъ своихъ лошадей за двадцать верстъ къ уединенному галиціанскому фермеру. Это былъ типъ разрушительный, и созидательныя наклонности духоборовъ раздражали его, какъ личная обида. Такъ раздражаетъ симметрія пчелиныхъ сотъ сердитаго шмеля, случайно попавшаго въ улей.

XII.

Село Отрадное.

Село Отрадное является центромъ и апогеемъ Духоборіи. Жители въ немъ лучше одѣты и дома выглядятъ чище и благоустроеннѣе, и даже борщъ гуще, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ. Многіе изъ домовъ заняты веригинской породой, крупной и красивой, какъ на подборъ, и выбирающей себѣ для браковъ такихъ же крупныхъ и пригожихъ женщинъ.

Въ отсутствіе Петра Веригина самымъ вліятельнымъ лицомъ въ селѣ былъ его младшій братъ Гриша, недавно пріѣхавшій изъ Сибири. Я засталъ его за распилкой досокъ вмѣстѣ съ товарищемъ при помощи длинной проходной пилы. Впрочемъ, онъ тотчасъ же слѣзъ со своей возвышенной позиціи и пошелъ со мною на мельницу. Она была пущена въ ходъ всего два дня назадъ и теперь молола безъ забоевъ, совершенно ровно и правильно. Паровикомъ, составлявшимъ двигательную силу мельницы, завѣдывалъ Голубевъ, пріѣхавшій изъ Сибири вмѣстѣ съ Гришей. Мы встрѣтились почти какъ знакомые и стали вспоминать общихъ пріятелей и старыя Сибирскія видѣнные мѣста.

Голубевъ раньше былъ простымъ слесаремъ, но въ Якутскѣ онъ долго служилъ на большой муко-

мольной мельницѣ, гдѣ и научился своему новому искусству. Здѣсь въ Америкѣ онъ успѣлъ сдать практическій экзаменъ на паровознаго механика, не зная ни слова по-англійски. Впрочемъ, испытаніе носило практическій и демонстративный характеръ, что значилось въ дипломѣ, который былъ выданъ Голубеву.

Въ этотъ день мельница молола безъ своего механика, подъ надзоромъ его молодыхъ помощниковъ. Мы втроемъ ходили по селу изъ конца въ конецъ и все разговаривали о ближайшемъ будущемъ Духоборіи.

Государственное разумѣніе Духоборіи сосредоточилось въ селѣ Отрадномъ.

— Есть среди насъ такіе, — говорилъ Гриша, — говорятъ: „Не будемъ вступаться ни въ ихніе суды-выборы, ни въ чего. Обгородимъ Духоборію стѣной, пускай они насъ не касаются. Мы будемъ Боговы, а они земные“. А по моему — какая стѣна? Отъ всего свѣта не отгородишься даже на островѣ. А здѣсь въ Канадѣ, конечно, мы будемъ участвовать во всемъ. Пусть меня выберутъ судьей, пусть мнѣ придется даже судить человѣка. Я заявлю свой голосъ, что я не согласенъ его убивать, если по такому закону. А если мой голосъ заглушится, то я не виноватъ. И уполномоченныхъ въ палату пошлемъ, въ этомъ нѣтъ ничего дурного, если устройство для пользы людей. Въ нашей общинѣ есть же устройство. Безъ этого бы не было порядковъ.

Рѣчи его относились къ предстоящему полученію правъ гражданства, котораго духоборскіе ригористы все еще боялись и называли канадскимъ подданствомъ.

Надо, однако, сказать, что по соглашенію съ канадскимъ правительствомъ Духоборія уже приняла мѣры для лучшаго осуществленія своихъ гражданскихъ правъ. Духоборская округа находилась въ углу между тремя территоріями, будущими штатами канадскаго союза: Манитобой, Ассинобойей и Саскачеваномъ. Было условлено, что всѣ духоборскіе голоса для выбора мировыхъ судей, шерифовъ и депутатовъ сосредоточатся вмѣстѣ и будутъ принадлежать къ Ассинобойѣ, разумѣется, кромѣ участка Принца-Альберта, который лежалъ слишкомъ въ сторонѣ.

— А какъ у васъ русскій языкъ не испортится, если англичане будутъ кругомъ? — спросилъ я.

— По-моему не испортится, а исправится, — возразилъ Гриша. — Вы послушайте, какъ наши говорятъ. Половину по-русски, а вполовину по-хочлацки прихватываютъ: швыдко да черевики, да нехай. А тутъ наши молодые ребята станутъ доходить до всего, мы научимся грамотѣ по-настоящему, и станетъ нашъ языкъ чище и краше прежняго.

— А какъ вы думаете, какой языкъ пересилить, — спросилъ я, — англійскій или русскій?

— Да мнѣ все равно! — сказалъ Гриша. — Какой пересилить, тотъ и пускай. Всѣ языки равно отъ Бога. Но, конечно, по-моему, русскій языкъ не отмѣнится, потому онъ нашъ природный.

Другой Григорій, братъ Павла Планидина, тоже бывший вмѣстѣ съ нами, вмѣшался въ разговоръ въ качествѣ эксперта-старожила сравнительно съ этими недавними пришельцами.

— Намъ теперь не о томъ надо думать, какой

языкъ пересилить, — замѣтилъ онъ, — а о томъ, чтобы научиться хоть понемногу англійскому чтенію и разговору. Да изъ нашихъ есть кое-которые, кои сильно обучились, тоже ребята не очень тупые. Дюже учиться намъ не нужно, а впоследствии, можетъ, и научимся...

— Ну, ну! — сказалъ Голубевъ. — Я думаю, русскій языкъ ни въ жисть не уступить англійскому.

— Я вижу, — продолжалъ онъ, — тутъ рускухъ много прїѣзжаетъ. Пускай расселяются вокругъ насъ. Рѣдку чѣмъ рѣже сажаютъ, тѣмъ она толще растеть.

— Вотъ ты, какой пряткій! — разсмѣялся Планидинъ.

— А то, — увлекался Голубевъ, — мы впоследствии времени еще англичовъ переучимъ по-русски. Вонъ въ Юрктонѣ же научились многіе. Заведемъ свою „топографію“, станемъ русскія письма печатать безъ перевода...

— Во что вы цѣните имущество общины? — спросилъ я Гришу, когда мы осматривали амбары и склады Отрадного.

— Вмѣстѣ съ воздѣланной землей, близъ полмилліона долларовъ, — отвѣтилъ онъ.

— Черезъ десять лѣтъ у васъ будетъ десять милліоновъ.

— Мы большихъ богатствъ заводить не будемъ, — живо возразилъ Гриша, — а лишь сколько намъ нужно для жизни.

Онъ уловилъ въ моихъ словахъ намекъ, что ростъ матеріальнаго богатства можетъ представить опасность для прочнаго существованія общины.

— Это все обдуманно! — прибавилъ онъ. —

Неужто все время работать? Можно и такъ посидѣть. А къ тому же намъ еще надо долги платить.

— Велики ли ваши долги? — замѣтилъ я, думая, что онъ имѣетъ въ виду кредитъ, который община забирала у торговыхъ фирмъ.

— По-нашему, — горячо заговорилъ Гриша, — чтобы наши долги заплатить, всей жизни не хватитъ. Вы думаете, мы забыли, какъ насъ люди вызволяли изъ бѣды? Дай намъ Богъ заплатить хоть не тѣмъ самымъ, такъ другимъ бѣднымъ людямъ.

Такія рѣчи о „платежѣ долговъ“ раздаются повсемѣстно среди духоборовъ.

— Дай-ка намъ опериться, — повторяютъ они, — мы не забыли, какъ насъ все „человѣченство“ изъ бѣды выручало. Совсѣмъ чужіе люди собирали для насъ деньги, даже въ Африкѣ и Австраліи. Дастъ Богъ, мы поднимемся, разбогатѣемъ, мы еще не такъ будемъ дѣлать, сотельною мѣрой. Гдѣ только бѣдствіе, туда хлѣбъ вагонами, деньги — тысячами. На что ихъ копить? Лучше отдать...

Конечно, эти великодушныя мечты не остановятъ роста духоборскихъ богатствъ и не составятъ русла, куда могутъ быть отведены ихъ излишнія струи.

Черезъ минуту Гриша Веригинъ перешелъ въ прямое наступленіе.

— Почему вы не вѣрите, что это можетъ стоять? — спросилъ онъ безъ обиняковъ.

— Я не знаю, — отвѣтилъ я такъ же прямо. — Такіе опыты бывали, но всегда распадались.

— Распадались! — повторилъ Гриша съ сомнѣніемъ въ голосъ. — Такъ надо ихъ повторять, пока перестанутъ распадаться.

— Теперь, кажется, всѣ образованные люди приходятъ къ убѣжденію, что такъ надо жить, — привелъ онъ уже слышанный мною аргументъ.

— Мы тоже попробуемъ, — прибавилъ онъ твердо. — Можетъ, намъ лучше удастся.

Этими словами Гриши я закончу свои очерки.

Бѣлая Арапія.

Бѣлая Арапія.

— Есть ли на свѣтѣ мѣсто, гдѣ можно жить по-человѣчески?

Два года я не слыхалъ этого вопроса. Но теперь онъ снова раздается письменно и устно. Ибо въ отечествѣ стало попрежнему грустно и темно, и народная мысль мечется и ищетъ выхода.

Русская народная мысль съ страннымъ упорствомъ возвращается къ этому вопросу: „Гдѣ лежитъ такое царство, Бѣлая Арапія?“

Тамъ рѣки молочныя, кисельные берега, тамъ вольные мужики и „вмѣсто подати подушной, тамъ по душамъ благодать“ по старому раскольничьему присловью.

Короленко описывалъ, какъ строптивыя уральскія станицы посылали „вѣрныхъ стариковъ“ отыскивать „тридесатое государство“. Русская интеллигенція не отстала отъ уральскихъ казаковъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Миклуха-Маклай задумалъ основать колонію на Папуасскомъ берегу, со всѣхъ сторонъ ему откликнулись студенты, народные учителя, земскіе врачи, и скоро набралось столько желающихъ, что можно было бы заселить весь островъ Новую Гвинею. Миклуха-Маклай умеръ и колонія не осуществилась. Потомъ съ легкой руки російскихъ

миссіонеровъ, послѣ искорененія кавказскихъ духовоборовъ, въ Сѣверной Америкѣ явилась русская Духоборія. Интеллигентная мысль потянулась къ Духоборіи. Многіе ѣздили смотрѣть и писали, въ томъ числѣ и азъ нижепишущій.

Послѣ того вышеупомянутые земскіе врачи, народные учителя и страховые агенты, оставивъ въ забвеніи покойнаго Миклуху-Маклая, обратили ко мнѣ часть своихъ запросовъ. У меня имѣется коллекція писемъ, числомъ до полутора ста. Письма эти были получены въ теченіе трехъ лѣтъ 1902—1904, вплоть до японской войны. Всѣ они весьма однообразны, какъ будто списаны одно съ другого.

„Уважаемый (имя рекъ!) Я прочиталъ ваши очерки духоборской жизни въ Канадѣ и нахожу, что эта жизнь удовлетворяетъ моимъ духовнымъ стремленіямъ, а потому, собираясь отправиться въ Канаду, прошу васъ не отказать отвѣтить мнѣ на нижеслѣдующіе вопросы:

1) Гдѣ находится та часть Канады, въ которой живутъ духоборы?

2) Какимъ путемъ всего ближе можно доѣхать до Канады? (Одинъ даже прибавилъ: моремъ или сушею?)

3) Гдѣ можно получить билетъ въ Канаду прямого сообщенія, чтобы доѣхать до мѣста?

4) Сколько денегъ нужно имѣть, чтобы прожить въ Канадѣ первое время. Потомъ обыкновенно слѣдуетъ поясненіе: „У меня хватитъ только на проѣздъ“.

5) Какой языкъ лучше всего изучить до отъѣзда? И при этомъ поясненіе: „Французскій я немного знаю. Англійскій же, какъ я слышалъ, изучить безъ практики невозможно“.

Вопросовъ было много и все въ такомъ же родѣ. И въ самомъ концѣ письма стояла приписка небольшая, но очень важная:

„Нужны ли врачи духовоборамъ? Я земскій врачъ и намѣренъ выйти въ отставку“, или: „нужны ли духовоборамъ учителя? Я учитель“.

Одинъ даже спрашивалъ: нужны ли духовоборамъ письмоводители и при этомъ пояснялъ: „я письмоводитель земскаго начальника“. Каюсь, на многія письма я не отвѣтилъ. На другія отвѣчалъ въ разочаровывающемъ тонѣ. Я писалъ, что интеллигентные работники духовоборамъ въ настоящее время не нужны, особенно люди — со стороны, что прилѣпиться къ нимъ новому человѣку не такъ легко, что жить на чужбинѣ трудно и тоскливо, несмотря на свободу печати и безплатный надѣлъ изъ канадскаго земельного фонда. Иногда въ отвѣтъ я получалъ еще одно письмо, ругательное: „Эхъ, ты, малодушный!“

Японская война положила конецъ этимъ письмамъ, какъ будто всѣ эти „взыскующіе града“ отправились гуртомъ на помощь генералу Стесселю въ защитѣ Портъ-Артура. Дѣло, конечно, было не въ этомъ, а въ другомъ. Старая російская стѣна дала трещину, свѣжій воздухъ потянулъ внутрь, и вмѣсто щедринской мечты о вольномъ баранѣ, пришелъ понемногу явочный порядокъ свободъ, потомъ явочный безпорядокъ. Начальство завело войну съ порядкомъ и безпорядкомъ и началась смута.

Если я и получалъ въ это время письма отъ читателей, то совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ прежде. Иногда подробно: „Быютъ насъ, быютъ проѣзжихъ и кто подъ руку попадается; картину избіенія мы не можемъ описать, а она равна будетъ, какъ описалъ Дорошевичъ на островѣ Сахалинѣ, только развѣ

съ той разницею, что тамъ били по извѣстному мѣсту тѣла, или были происшествія въ Римѣ на турнирахъ, когда выводили на арену разъяреннаго тигра или быка и пускали на челоуѣка, точно такъ и здѣсь. Напѣется надзиратель водки, разъярится и кинется, какъ тигръ, — виновенъ или нѣтъ, ему все равно, бьетъ, гдѣ попало и чѣмъ попало. Когтями за лицо, кулаками по ребрамъ, нагайками и прочими предметами. Сейчасъ другой надзиратель Штопель, но онъ еще звѣрѣе того. Сколько ни жаловались, защиты намъ нѣтъ ни отъ кого. И чего мы ни говоримъ, то насъ не слушаютъ“.

Иногда кратко и загадочно: „Ондрію Осьтебенаенку сломали три ребра и одну правую руку. Били всего. Заступись“.

Я старался отвѣчать на эти письма, хотя и не зналъ, зачѣмъ. Они просили о защитѣ, но кого же мы могли защитить?.. Мы сами нуждались въ защитѣ.

И отъ сочувствія нашего никому не было ни тепло ни холодно.

Послѣ того больше года не было никакихъ писемъ. Никто не спрашивалъ, никто не жаловался. Кому было въ-моготу, тотъ терпѣлъ. Кто не могъ терпѣть, убѣгалъ безъ оглядки, куда попало, — ему было некогда справляться, гдѣ берутъ билетъ прямого сообщенія въ Бѣлую Арапію.

Однако, въ концѣ прошлаго года бѣлоарапскіе запросы опять возобновились. Кончился, видно, нашъ періодъ „бури и натиска“; вмѣсто того, чтобы убѣгать сломя голову, мы снова полземъ врозь медленно, вяло, въ родѣ изнурительной лихорадки.

Все же противъ прежняго времени есть различіе.

Раньше о Бѣлой Арапіи справлялись интеллигенты. Теперь интеллигентовъ нѣтъ. Ихъ замѣнили рабочіе, слесаря, печатники, булочники, даже швейцары и отставные городовые, а болѣе всего безработные, безработные.

Говорятъ, голодный человѣкъ мечтаетъ о кускѣ хлѣба. Это неправда. Онъ мечтаетъ о земномъ раѣ, о полной справедливости, о братствѣ богатыхъ и бѣдныхъ.

Голодный человѣкъ по существу максималистъ въ своихъ мечтахъ и въ своихъ молитвахъ.

Ибо, — какъ объяснялъ мнѣ одинъ старый нищій, — „у человѣка проси копеечку, у Бога просить копеечку не стоитъ беспокоить Его. Лучше проси сразу двѣсти тысячъ“.

Безработные занимаютъ у товарища сапоги поцѣлѣе, закалываютъ на голой шеѣ сѣрый шарфъ, чтобъ скрыть отсутствіе бѣлья, и приходятъ справляться относительно проѣзда въ Канаду. Въмѣсто Канады, конечно, чаще всего выходитъ внутренній заемъ.

Рабочіе вообще неохотно прибѣгаютъ къ перепискѣ. Они предпочитаютъ сдѣлать крюкъ по дорогѣ изъ завода версты въ три или въ четыре и вести личные переговоры.

Всякіе есть между ними: мужчины и женщины, сангвиники и меланхолики, люди безусловно благонадежные и такіе, кому все равно надо убираться по добру, по здорову.

Но въ общемъ я долженъ сказать, что они мало отличаются отъ прежнихъ интеллигентовъ. Точно такъ же они знаютъ одно: уйти надо, но какъ уйти, куда и зачѣмъ, объ этомъ они справляются больше всего попутно, для очистки совѣсти. И еще

чаще интеллигентовъ они спрашиваютъ, какимъ путемъ ближе проѣхать въ Америку, — моремъ или сушею.

До сихъ поръ еще существуетъ на свѣтѣ идея о томъ, что интеллигенція одно, а такъ называемый народъ совсѣмъ другое. У интеллигенціи дряблая душа, у народа твердыя руки. Интеллигенція только портитъ, но въ нужную минуту народъ придетъ и принесетъ спасеніе.

Идея эта по меньшей мѣрѣ старомодная. Въ послѣдніе три года мы получали отъ исторіи наглядные уроки. Уроки были дорогіе, но зато кое-что осталось въ памяти.

Напримѣръ: не проси, все равно не дадутъ. Не вѣрь, когда общаются. Синица въ небѣ не лучше, чѣмъ журавль въ небѣ. Только то твое, что въ рукахъ у тебя.

Въ число этихъ уроковъ входитъ новая идея объ отношеніи интеллигенціи и народа. Интеллигенція и народъ, это — одно. Они не лучше и не хуже другъ друга. У нихъ одна манера вѣрить; общая наивность, общая готовность сваливать наиболѣе трудный подвигъ на чужія плечи. Они сражаются вмѣстѣ и вмѣстѣ получаютъ символическія подачки и реальные побои. Когда-нибудь вмѣстѣ они достигнутъ удачи.

Но я увлекся и отклонился въ сторону. Пора вернуться опять къ моимъ искателямъ Бѣлой Арапіи.

На прошлой недѣлѣ ко мнѣ пришли двѣ бабышны. Обѣ были огромнаго роста, въ короткихъ суконныхъ кофточкахъ, съ бѣлымъ башлыкомъ, повязаннымъ накрестъ. Руки у нихъ были красныя и выѣзали изъ узкихъ рукавовъ. На дворѣ былъ

морозъ и онѣ долго топали ногами, чтобы немного отогрѣться. Барышни были сидѣлки, одна изъ общины сестеръ милосердія, другая изъ Калинкинской больницы.

— Мы хотимъ ѣхать въ Америку, къ духовобрамъ, — объявили онѣ.

— А деньги на дорогу у васъ есть?

— Денегъ нѣту. Мы думали, вы намъ присовѣтуете.

— Рублей на полтораста трудно присовѣтовать, — возразилъ я.

— Мы еще иначе придумали, — сказали барышни, — мы на судно поступимъ. Женская работа и тамъ надобна — бѣлье мыть, чулки штопать. Доѣдемъ задаромъ до Америки.

Кстати сказать, это полумиѳическое судно, на которое можно „поступить“, играетъ въ расчетахъ рабочихъ видную роль.

Каждый, у кого нѣтъ денегъ, мечтаетъ доѣхать до Америки даромъ, въ обмѣнъ за черную работу своихъ крѣпкихъ, но необученныхъ рукъ. Увы, съ одной черной работой не далеко уѣдешь даже въ Америкѣ на берегу, не говоря о судахъ.

— А зачѣмъ вы хотите ѣхать въ Америку? — полюбопытствовалъ я.

— Какъ же не ѣхать, — сказала одна сидѣлка, — здѣсь насъ за людей не считаютъ! Помыкаютъ нами, какъ чумичкой.

— „Зачѣмъ вы говорите сидѣлкамъ вы, — передразнила она чей-то начальственный голосъ. — Онѣ не приученныя“...

— Тамъ либо погибнемъ, либо людьми станемъ — твердо сказала другая. — Тамъ, сказываютъ, замужъ легче выйти. Вы же писали...

Вотъ наказаніе. Правда, я писалъ, описывалъ, что видѣлъ; я писалъ разсказъ, а вовсе не краткое руководство къ охотѣ за женихами.

Сидѣлки ушли. Дня черезъ два пришелъ молодой человѣкъ, онъ явился прямо съ работы и былъ весь въ сажѣ, какъ трубочистъ.

— Я хочу уѣхать отсюда, — заявилъ онъ мрачно. — Жить не у чего.

— Вы партійный? — спросилъ я вдругъ.

— Я бывший партійный, бывший сознательный, бывший организованный, но теперь я не вѣрю въ программы.

— Вы пьете вино? — задалъ я другой вопросъ.

— Сроду не пилъ и табаку не курилъ, и если выходить по духоборской вѣрѣ, чтобъ мяса не ѣсть, я и на то согласенъ, только чтобъ жить по иному. Мы старый строй бороли, себя надо побороть. Живемъ, какъ собаки. Бѣдный бѣдному согласенъ горло перегрызть. Одно осталось — уѣхать отсюда къ чертовой матери.

— Вы подождите до весны, — посоветовалъ я. — Въ Америкѣ теперь кризисъ.

— Я не могу ждать, — сказалъ мой гость. — Мысли мнѣ приходятъ, чтобъ сразу покончить всю канитель. Но только если доведется, то лучше не быть дуракомъ, а сдѣлать протестъ противъ другихъ, счастливыхъ.

Въ карманѣ у меня лежало письмо, только что полученное изъ Нью-Йорка, тоже отъ рабочаго, который прожилъ въ Америкѣ девять лѣтъ и теперь собирался вернуться. Я досталъ письмо и прочиталъ отрывокъ.

„Кризисъ сталъ надвигаться съ быстротой урагана. Онъ оставилъ на улицѣ сотни тысячъ лю-

дей. Пройдетъ мѣсяца три и безработные будутъ насчитываться милліонами.

„Люди толпятся тысячами на пароходахъ, отходящихъ въ Европу, и бѣгутъ, точно крысы съ судна, давшего течь. Скверно голодать, особенно въ Америкѣ“.

— Та-акъ!.. — протянулъ мой посѣтитель. — Ну, спасибо! Теперь я знаю, что сдѣлаю.

— Вы зайдите черезъ недѣлю, — предложилъ я. — Я соберу еще новыя справки.

Онъ пожалъ плечами. — Что жъ, я зайду. Прощайте пока!

Съ тѣхъ поръ я его больше не видалъ. Недѣля прошла, но онъ не приходилъ. Фамиліи его я тоже не знаю. И теперь, когда я читаю въ газетахъ длинную хронику самоубійствъ, убійствъ, ограбленій, странныхъ болѣзненныхъ покушеній проломить каменную стѣну вдругъ, на цѣломъ мѣстѣ, при каждомъ имени мнѣ въ голову приходитъ вопросъ: Не это ли мой бывший гость, бывший партійный, бывший сознательный? Страшно подумать, что этотъ крѣпкій молодой человекъ сталъ трупомъ, чортъ знаетъ зачѣмъ, и успокоился и больше не станетъ наводить справокъ.

Страшная, успокоенная Русь.

С.-Петербургъ, 1908 г.

Искатели.

I.

Въ садахъ.

Мы сидѣли въ редакціи провинціальной газеты. Насъ было шесть человѣкъ, и намъ было скучно. Газета была захудалая, подъ стать своему городу. Тиражъ ея былъ 1.200, а весь платный матеріалъ на 6 рублей въ день. При всемъ томъ она приносила убытокъ „на десятку съ номера“, какъ заявлялъ издатель.

— Наша газета шла бы, — жаловался онъ, — да на почтѣ перехватываютъ; черную даромъ рассылаютъ, а телеграммы тѣ же. Тридцать тысячъ мы вложили, насъ трое пайщиковъ. Отстать не охота. Можетъ, выходитъ... И штрафы платимъ. На той недѣлѣ 500 рублей, позавчера 150, за объявленіе о польской лотереѣ. Нельзя, говорятъ, во внутреннихъ губерніяхъ. Но мы почему знаемъ?.. А то, что редакторъ сидѣлъ, это мы не считаемъ...

Я посмотрѣлъ на редактора. Онъ лѣниво мотнулъ головой:

— Не я, другой есть.

Онъ немного подумалъ и вздохнулъ.

— А когда-то мы были лѣвая газета. 5.000 печатали. Публика на отѣмъ брала. Хвостъ у дверей дожидался...

Комната редакціи была низенькая, сѣрая. Отъ прошлаго величія остались только на стѣнѣ образцы шрифтовъ:

Соціальное государство XX вѣка: на кегль 16.

Косвенные налоги извлекають послѣднія копейки изъ кармана трудящагося народа: на кегль 20.

На улицѣ было яркое солнце, но окна были завѣшаны газетными листами. Въ воздухѣ пахло скукой и сномъ. Даже глаза слипались. Какъ будто опиумъ былъ просыпанъ на полу.

О чемъ говорить? Что дѣлается, — это мы знаемъ и безъ разговоровъ. Что надо дѣлать? Чертъ возьми, что именно надо дѣлать?..

„Уйду отсюда, — соображалъ я тускло. — Пойду къ предводителю дворянства, онъ обѣщаль дать цифры о распаденіи общины. Человѣкъ онъ веселый, даже восторженный. Говорить прямо: „лѣтъ черезъ десять мы устроимъ въ уѣздѣ лѣсенку крестьянскихъ владѣній. Я оптимистъ, смотрю на жизнь подъ розовымъ угломъ“.

Одинъ изъ присутствующихъ, мѣстный адвокатъ, причастный къ литературѣ, поднялъ голову и заговорилъ.

— Что будетъ? — сказалъ онъ негромко. — Полтора года просидѣлъ. Шесть съ половиной лѣтъ осталось...

Я раскрылъ глаза и посмотрѣлъ на него внимательно. Я видѣлъ его раньше, три года тому назадъ. У него было тогда чуть-чуть сѣдины на вискахъ. Теперь онъ былъ весь сѣдой, въ морщинахъ.

— Кто это сидить?

— Сынъ мой старшій.

Онъ началъ разсказывать одну изъ російскихъ исторій, страшныхъ и обыкновенныхъ въ послѣдніе годы. Говорилъ онъ отрывистыми фразами, какъ будто нехотя...

— Семнадцати лѣтъ. Способный мальчикъ. Первымъ шелъ. Въ восьмомъ классѣ былъ. Присталъ къ эс-эрамъ... Турнули его. Сдалъ экзамены экстерномъ... Потомъ говорятъ: „видно, не беретъ наша“. Стали максималистами... Пріѣхалъ учитель изъ Сердобска и еще семинаристъ. Съ ума сошли... Устроили экспроприацію въ деревнѣ. Мѣстное почтовое отдѣленіе... Девяносто рублей...

Онъ помолчалъ.

— Если бы они попросили, — прибавилъ онъ глухо, — я бы имъ самъ далъ эти девяносто рублей... Одного убили... Двоихъ повѣсили... Онъ одинъ уцѣлѣлъ, по малолѣтству своему. На восемь лѣтъ. Теперь занимается высшей математикой. Другой — семинаристъ. Тутъ же сидить. На три года. Ему помогаетъ къ аттестату зрѣлости. Скучно ему. Тоскливо... Шесть лѣтъ съ половиной...

Онъ замолчалъ. Мы всѣ тоже молчали. Въ комнатѣ какъ будто стало темнѣе отъ этой унылой и гибельной повѣсти.

Дверь открылась, и въ комнату вошелъ человѣкъ.

И съ перваго взгляда я увидѣлъ, что это человѣкъ другой, не нашей породы. Онъ даже дверь открылъ по иному, широко, „на пяту“, какъ говорятъ въ народѣ, потомъ крѣпко закрылъ ее и подошелъ къ столу, стуча сапогами. Наружность у него тоже была особенная. Черная суконная поддевка, длинная борода, безпокойные глаза.

— Я хронику принесъ, — быстро заговорилъ онъ, — полицейскую окрошку.

Онъ вынулъ изъ кармана пачку смятыхъ бумажекъ и бросилъ ее на столъ передъ редакторомъ.

Редакторъ взялъ одну и прочиталъ вслухъ:

— Нѣкій наблюдательный чинъ на Старомъ Базарѣ...

— Фамилія? — спросилъ онъ кроткимъ тономъ.

— Не скажу, — твердо отвѣчалъ человекъ въ поддевкѣ. — Меня изъ города вышлютъ. И то намедни губернаторъ призывалъ, выговаривалъ: „Чтобы вы поменьше врали, дайте-ка я вамъ собственноручно продиктую“...

— Кто это такой? — спросилъ я тихонько со сѣда.

— Это сидячій и есть, — громко отозвался редакторъ. — Нашъ главный отвѣтчикъ! Получаетъ въ мѣсяцъ пятнадцать рублей, а когда отсиживаетъ, то семнадцать съ полтиной и пять рублей на харчи. Два раза сидѣлъ и очень доволенъ...

— А что же, — весело отозвался сидячій редакторъ, — семь съ полтиной — бѣдному человеку и то разсчесть.

— Позвольте порекомендоваться, — подошелъ онъ ко мнѣ. — Мордвиновъ сапожникъ, былъ миссіонерскимъ ученикомъ, теперь два года кормлюсь строчками...

— Ну, мнѣ идти надо. Знаете что, пойдемъ со мною вмѣстѣ, — предложилъ онъ.

Черезъ минуту мы шли по улицѣ, довольно круто уходявшей внизъ.

— Вамъ куда надо? — спросилъ я спутника.

— Да никуда, — отвѣтилъ онъ съ лукавой

улыбкой. — А просто я васъ увелъ оттуда, скучно тамъ... Пойдемте въ Подгорье, въ сады. Тамъ народъ проще.

Городъ стоялъ на горѣ, примыкавшей къ Волгѣ, и съ трехъ сторонъ внизу былъ окруженъ садами.

Это и было Подгорье.

Сады были старинные, вѣковые. Они поставляли вверхъ до Нижняго и дальше яблоки, груши, сливы, прекрасныя вишни, орѣхи. Они были разбиты на небольшіе участки, и во вѣхъ участкахъ ютились и хлопотали, какъ пчелы, садовники: мѣщане и подгородніе крестьяне.

Мы сошли внизъ и очутились на тропѣ, которая вилась между заборами, переходила черезъ ручьи, спускалась въ лощины и поднималась вверхъ по кособогу.

Черезъ заборы справа и слѣва глядѣли вѣтви старыхъ яблонь, усыпанныя мелкими зелеными, еще незрѣлыми плодами. Яблочъ было много. Иныя вѣтви уже были подперты жердями и рогатками, чтобы тяжесть дозрѣвшаго урожая не обломала ихъ.

Было очень тихо. Крѣпкій и сладкій запахъ шелъ изъ густой глубины фруктовыхъ зарослей, слѣва поднимался легкій паръ съ тихаго волжскаго протока.

— Хорошо тутъ, — сказалъ я невольно.

— Да, — подтвердилъ Мордвиновъ. — Тутъ много нашихъ приустроилось.

— Какихъ нашихъ?

— Да всякихъ: баптистовъ, бѣлоризцевъ и хлыстовъ, и всякихъ сектантовъ.

— Вы развѣ сектантъ?

— Все бывало, — сказала Мордвиновъ, тряхнувъ головою. — Евангеліе такая книга, что если читать да вникать православному человѣку, то непременно церковь потеряешь... Я бывалъ и въ сектантахъ.

— Бывалъ, — повторилъ я этотъ многократный глаголь, — ну, а теперь?

— Теперь ежели угодно знать, — то я атеистъ.

— Какъ это атеистъ?

— Единое творческое начало я еще признаю, такую аллегорію, но что касается помощниковъ, то извините, пожалуйста...

— Вы, должно быть, теистъ? — переспросилъ я.

— А быть можетъ, и теистъ, — съ готовностью согласился Мордвиновъ.

— Я, если угодно знать, смѣшанной вѣры человѣкъ, со всѣми умствую, ко всѣмъ себя причисляю. Татары, такъ татары, хвалю ихъ вѣру. А жида, такъ жиды. Всѣ вѣры любы, и всѣ партіи милы, до самыхъ кадетовъ. Всѣмъ другъ, всѣмъ помогать... Но больше всего жалѣю своихъ мужичковъ-русачковъ. Вотъ теперь хлопочу, чтобы передѣлать хлыстовъ баптистами, — попрошу Пахомова, слѣпца изъ Самары. У него даръ Божьяго слова. Побесѣдуемъ съ хлыстовскими наставниками. Старообрядцевъ ужасно жалѣю. Изучалъ ихъ дисциплину, чтобъ принимали за своего. У нихъ тяжелый законъ, по домашнему обиходу, како сидѣть благочинно во всѣ часы житія: нога на ногу не слагати, лѣвая рука во уста не влагати...

Передо мной было совсѣмъ новое религіозное явленіе, продуктъ великаго потрясенія, которое даже и у интеллигентовъ перемѣшало всѣ вѣры и всѣ партіи и, подобно землетрясенію, перебросило

однихъ слѣва далеко вправо, а другихъ справа еще дальше влѣво.

Я не могъ даже разобрать, былъ ли этотъ диковинный человѣкъ теистъ или, дѣйствительно, атеистъ — крайній матеріалистъ.

Онъ ни передъ чѣмъ не задумывался и былъ переполненъ безцеремоннымъ отрицаніемъ, напоминавшимъ наши шестидесятые годы. Народная мысль, очевидно, переживала тѣ же этапы, что и интеллигентная, и, между прочимъ, дошла до матеріализма.

— Вотъ Фейербаха купилъ, — говорилъ Мордвиновъ. — Спрашиваетъ, чѣмъ человѣкъ отъ животныхъ разнится. Животная религіи не имѣетъ. Про слоновъ наврали. Она не имѣетъ разума и не знаетъ своего рода. Человѣкъ знаетъ свой родъ. У него есть разумъ и воля, и сердце. Божественныя ли эти вещи? Скажемъ: божественныя. Но если признать божественными, то мы субъектъ, а Богъ объектъ. Нашъ разумъ въ Его природѣ мы распространили до безконечности, и мы же на него молимся. Я и тѣнь моя. Кто старше? Человѣкъ дикій — и богъ дикій. Человѣкъ умнѣе — и богъ умнѣе.

Я слушалъ его рѣчи и, наконецъ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, откуда вы взялись?

Мордвиновъ остановился.

— Я православнаго рода, — началъ онъ, — бѣдной семьи. Съ дѣтства имѣлъ большую охоту къ ученію. Десять лѣтъ ничего не могъ добиться, только въ садахъ работалъ. Нашелъ книги старопечатныя, сталъ читать. Спасовскаго согласія наставникъ, Андрей Афанасьевичъ Коноваловъ, — отъ него занялся. Скоро принялъ его приемы для бесѣды, началъ съ миссіонерами недоумѣвать. Въ

виду чего предложили присоединиться къ нимъ. Миѣ то и нужно, лишь бы образованіе получить. Приняли меня въ миссіонерскую школу. Пятнадцать учениковъ, десять на счетъ миссіи, а пять на счетъ архіерея. Но какіе же учителя: Власій, мнихъ. Ходить въ подрясникъ, безъ калъ сонъ, длинная рубаха, лицо шарфомъ закрываетъ; секта у него — беретъ сестеръ къ себѣ на все-нощную.

— Вотъ извольте посмотрѣть.

Онъ порылся въ карманъ и досталъ свѣжую вырѣзку изъ „Голоса Самары“, октябристской газеты. Вырѣзка гласила: „Духовный слѣдователь закончилъ слѣдствіе о монахѣ, священникѣ Власіи, живущемъ въ Кытанскомъ монастырѣ. Установлено, что отца Власія усиленно посѣщали женщины. Найдень фотографическій снимокъ отца Власія, окруженнаго голыми женщинами. Ожидается скандальный процессъ“.

— Вотъ такъ учителя, — прибавилъ Мордвиновъ. — А уроки задають по учебнику. отседова — доседова. Время пришло такое бойкое, 1905 годъ. Я всѣхъ учениковъ натрафилъ. Стали заявлять требованія: „дайте намъ хорошихъ педагоговъ. Мы вѣдь не маленькіе. Вы берете народныя деньги, а учить не умѣете. Ты учебникъ-то закрой, изъ своей головы учи“. Они втупикъ становятся: „Мы выключимъ тебя“...

— Но вѣдь я вровень съ сектантами. Я въ воскресенье въ церкви спрошу о причинѣ...

— Составили мы прошеніе, подписали по алфавиту, подали архіерею.

— Такъ имъ прискорбно. Вѣрите, отецъ эконо- номъ встанетъ средь трапезы, воетъ голосомъ:

„Экая язва, — вездѣ завелись. Зубами рвалъ бы ихъ. Покою не даютъ“.

— Выключили насъ; а меня опредѣлили помощникомъ миссіонера Ножкина, на сто рублей въ годъ. Я ѣздилъ, вель бесѣды, о чемъ хотѣлъ. Стали они носомъ крутить, помѣстили меня сторожемъ въ архіерейскомъ саду, на двадцать рублей въ мѣсяцъ. Женщины тутъ, подозрительныя особы, монашки и служки, никакого грѣха не признаютъ. Монашку моя жена во дворѣ съ келейникомъ поймала. „Тыфу на васъ, — говоритъ, — гадкіе вы“.

— Яблоковъ сила въ саду, а красть имъ неловко. Я стерегу. Стали насъ выживать изъ сада. Архіерей напугался. А я говорю: „Предоставьте мнѣ револьверъ, я буду васъ остерегать“. Предоставили мнѣ, такой бульдожка скверный. А въ то время монашки да служки навели на меня обыскъ. Ушелъ я изъ архіерейскаго сада, пошелъ къ тестю въ садокъ, стали жить, кое-какъ биться. Маленькій садокъ, какъ глазокъ. Сами сейчасъ увидите...

Мы вошли въ калитку. Садокъ дѣйствительно былъ маленькій, но очень живописный. Онъ стоялъ на мягкомъ земляномъ обрывѣ, надъ тихимъ рѣчнымъ затономъ. Внизу подъ обрывомъ лежала длинная черная лодка, похожая на корягу.

— Чужая земля, наемная, — грустно сказалъ Мордвиновъ. — Эхъ, кабы эту землю мнѣ. Я бы всю кручу разрылъ и обвалилъ, воздѣлалъ бы до самой воды. Помидоровъ посадилъ бы, картофеляю. Если пропасть доведется, было бы дѣтямъ обезпеченіе. Трое у меня, маленькія, какъ галчата...

Навстрѣчу намъ бѣжалъ пузатый мальчишка, лѣтъ пяти, весь въ грязи и въ одной рубашонкѣ. Подолъ у него былъ задранъ чуть не до шеи. Онъ придерживалъ его обѣими руками, что-то жевалъ и кричалъ на бѣгу съ полнымъ ртомъ.

— Мм, тятя, я яблоки ѣмъ!..

Изъ подола рубашки сыпались зеленые яблоки, совсѣмъ незрѣлыя, мелкія, немного побольше орѣха.

— Развѣ не вредно ѣсть такія яблоки?

— Богъ съ вами, — сказалъ Мордвиновъ, — мы привычные. Яблоки эти чуть не съ цвѣту ѣдимъ. Если безъ овощей, намъ нѣтъ вкуса. Лѣтомъ и мясо не въ охоту.

Мальчикъ заглядѣлся на насъ и выпустилъ подолъ. Яблоки посыпались во всѣ стороны.

— Онъ у меня тоже безбожникъ, — сказала Мордвиновъ полусерьезно — Самъ отъ себя. Никто его не училъ.

— Ну-ка, Мишка, скажи, гдѣ Богъ?

— Не знаю, — сказалъ Мишка, засовывая палецъ въ ротъ.

— Можетъ, на небѣ?

— Я туда не лазилъ, — буркнулъ Мишка угрюмо. — Отстань.

— У меня вся семья любопытная, — сказалъ Мордвиновъ, — жена моя родилась въ бѣлоризцахъ, въ бѣломъ мѣшкѣ, въ густой крапивѣ, молока не ѣла, только растительное молоко, конопляное сѣмя. Тестъ мой бывший хлыстъ. Строгой вѣры. У нихъ говорили: „грѣхъ молоко хлебать. Корова блудница. Яйца — мышьякъ, отравя духовная. Цвѣтная рубаха — пестрый звѣрь. Совлеките съ себя звѣря, надѣньте бѣлое, ангельскій чинъ“.

— Вы поговорите съ нимъ. Пронзительный ста-

ричекъ. Люте меня. Онъ Ренана книги читалъ. Прочитаетъ и мнѣ перескажетъ. Мнѣ некогда читать столь длинныя книги.

Избушка у Мордвинова была черная, покосившаяся на-бокъ. Внутри было тѣсно и грязно. Только передній уголъ былъ оклеенъ цвѣтными карикатурами недавней эпохи: Витте въ клѣткѣ, Лидваль съ урною. Ярче всего бросалась въ глаза большая зловѣщая картина: горитъ крестьянская изба. Изъ красныхъ облаковъ протягивается длинная рука съ жадными, длинными, костлявыми пальцами.

Вмѣсто всякаго богатства Мордвиновъ показалъ мнѣ огромный черный ящикъ съ выписками и всякими бумагами. Онѣ были набиты до самаго верха, вродѣ геологическихъ пластовъ. Нижнія были написаны полууставомъ на синей бумагѣ и относились къ духовнымъ книгамъ: Ефремъ Сиринъ, Григорій Богословъ. Потомъ шли русскіе духовные писатели, мистики, брошюры Толстого и Григорія Петрова, журнальныя статьи, клочья освободительныхъ брошюръ. Сверху лежали груды газетныхъ вырѣзокъ. Въ настоящее время Мордвиновъ самъ мѣтилъ въ писатели и подбиралъ матеріалъ въ редакціи среди изрѣзанныхъ и брошенныхъ газетъ.

Все это было мятое, въ сажѣ и грязныхъ пятнахъ. Трудно было бы сохранить чистоту въ такой обстановкѣ.

У окна стояла лавка безъ одной ноги, подпертая чурбаномъ. На лавкѣ сидѣлъ старикъ въ ветхихъ валенкахъ, несмотря на лѣтній зной. Это и былъ бывший хлыстъ, читатель Ренана. Волосы у него были совсѣмъ бѣлые, лицо истощенное. Только глаза сохранились, маленькіе, яркіе, злые.

— Вы не думайте, что я такой старикъ, — сказалъ онъ, — мнѣ пятьдесятъ два года. Это отъ нравственной жизни. Жили строго, скоромно не ѣли, нарядно не носили, вина не пили, табакъ не курили, хлѣба поменьше жевали. Я хотѣлъ рыбу завершить ѣсть, голова стала болѣть, куриная слѣпота напала. А товарищъ померъ.

— Такъ глупость наша, — старикъ махнулъ рукой. — Держались за Бога, измождились, теперь на покой надо.

— При юности моей, — сталъ рассказывать старикъ, — былъ въ нашемъ селѣ прельститель, онъ прельстилъ двѣнадцать человѣкъ, въ родѣ апостоловъ. Одинъ былъ мой товарищъ. Молодые оба. Онъ сталъ мнѣ тексты бросать, а я не разумѣю, что и къ чему. Думаю: неужели я меньше ихняго грамотѣ знаю. Взялся за евангеліе, да въ жнитво, да въ пашню. Можетъ, не одну сотню разъ перечелъ отъ корня до корня. Сталъ я поспарывать съ ними. Сумнѣніе явилось. Другіе двѣнадцать человѣкъ ко мнѣ пристали, на двѣ секты. Приходить къ обѣднѣ въ посту нѣкій человѣкъ, привелъ насъ въ изумленіе. Девятая, семнадцатая, восемнадцатая главы Ивана Богослова, — онъ толкуетъ по-своему, особо отъ хлыстовъ. Тайное сводитъ на явное...

— Батюшка началъ сердиться. „Отчего въ церковь не ходите?“ — „Неколи намъ“... Они насъ стали подъ надзоромъ имѣть. Посматривали искоса, даже смертью грозили. Мельникова въ ссылку угнали. Товарищъ мой Николай сталъ имъ предателемъ, все обсказалъ. Какъ съ дѣвицами въ баню ходили, — и родила дѣвица, и зарыли дитя; шестнадцать человѣкъ въ ссылку угнали въ Елизаветполь. Насъ тоже хотѣли сослать, но я уклонился отъ нихъ въ

книги. Добился книгу „Благовѣсть“, Бесѣды „Апостольскія“, „Кормчая“ съ доски до доски, „Дѣянія Апостольскія“. Многія книги стали намъ извѣстны. Такую охоту имѣлъ. Идешь мимо лавки. „Чего надо?“ „Книгу“. Дай Богъ здоровье Неручеву, Александру Алексѣевичу, онъ книгъ давалъ. Въ то именно время я сталъ поститься. Не такъ понималъ, по буквѣ. Въ сущемъ дѣлѣ посты полезны для перемѣны пищи. Челъ я книгу старца Дорофея: „Какой есть грѣхъ смѣяться за столомъ“. — Не грѣхъ, а вредъ: — крошка заскочить. Или народъ дикій былъ, то ему говорили: грѣхъ, эпитимія. У просвѣщенныхъ грековъ не было эпитиміи, а нашимъ дикимъ народамъ назначили, вродѣ, какъ гривна штрафу. Или, на примѣръ, постъ. Нужно ли это семейному человѣку? Монаху нужно для укрощенія собственной плоти, у него жеребьячья плоть. Семейному надо свою плоть питать. Или молиться, зачѣмъ два часа, — не довольно ли четверть часа? Кто-нибудь обманулъ на сто рублей, а Богу свѣчу поставилъ въ десять копеекъ. Такъ эскимосы дѣлаютъ. Священство, на примѣръ, отъ Моисея. Послѣ египетскихъ кирпичей онъ далъ левитамъ, пусть кормятся. Теперь я вижу: все это лишнее. Всѣ ихнія дѣла надо испопомъ окурить, дезинфекцію сдѣлать. Если они на Писаніе ссылаются, то Христось не то говорилъ, а: „накормите голоднаго“ Оттого я сталъ жить слабже, чай пить, молоко хлебать, мясо ѣсть. Главное дѣло, слово свободы пришло. Намъ стало прямѣе. Что мы шишикали промежъ себя, то стало громко въ народѣ. Сходныя къ намъ стали новыя книги, о чемъ прежде мы шопоткомъ говорили: Бебель, Исторія Шишко, Христось Ренана. Но только Ренанъ Христа-человѣка извнѣ сдѣлалъ, не изнутри... Подожди

годовъ десятокъ, что выйдетъ. И такъ, почитай, все на нашей сторонѣ. „Союзниковъ“ совсѣмъ нѣтъ, — чепуха все. Въ городѣ полтора человѣка, а по деревнямъ совсѣмъ нѣтъ. Звонятъ, зубами ляскаютъ. Все по пустому. Мы вотъ не звонимъ, молчимъ. Неручевъ, правда, звонитъ по всѣмъ базарамъ. Человѣкъ сильный! Мало звонковъ противъ Александра Алексѣевича. Ты говоришь, что будетъ? Хорошо не будетъ. Такъ не пойдетъ, какъ наверху хотятъ. Потому народъ еще больше размножится. На одной бороздѣ не очень станешь жить. Хлѣбъ все дороже, а урожай хуже. Не выйдетъ по ихнему. Народъ сталъ къ ученію допускаемъ. Раньше дикій былъ. Теперь понемногу сталъ добираться до сути. Слово свободы выпущено, чтобъ правду говорить. Хватились, да поздно. Пропустили его. Теперь думаютъ только то, какъ бы схватить, словить. Заходили кругомъ. Какъ было сказано: „Придутъ птицы съ желѣзными носами. Станутъ васъ долбить до самыхъ костей“.

Онъ даже съ мѣста поднялся и руку протянулъ, какъ будто предсказывалъ.

— Постой, дѣдушка, — перебилъ я. — А ты скажи, какъ идетъ законъ девятого ноября?

— Земляной выдѣлъ? — переспросилъ старикъ и сѣлъ на лавку. Онъ какъ будто весь осѣлъ и опустился внизъ.

— Такъ идетъ, что надо бы хуже, да нѣту. Пошла ссора на всю землю! Отъемъ, разоренье... Онъ остановился, не окончивъ фразы.

— Вѣришь ли, до меня дѣло дошло. Дѣвки у меня. Думаю: вовсе отнимутъ, затрутъ. Дѣлить будутъ. Сперва полъ-осминника, потомъ четь-осминника. А тамъ ничего не останется. Пылью пойдетъ. Поневолю закрѣпилъ...

Лицо его имѣло довольно смущенный видъ.

— Ты не думай, — спѣшно сказалъ онъ. — Если теперь опять на общину пойдетъ, то я свою землю отдаю, желаю всю дѣлить. У кого тысячи земли, а у насъ полуосминникъ. Но только теперь въ ожиданіи намъ безъ земли нельзя...

Онъ даже руками развелъ въ обѣ стороны. Я невольно подумалъ: русская исторія имѣетъ особую логику. Бывшій хлыстъ и аскетъ, теперь читатель (и почитатель) Бебеля и Шишко, въ то же время принимаетъ участіе въ разрушеніи общины, во имя интересовъ своихъ дѣвокъ...

Мордвинову тоже стало, кажется, неловко.

— Пойдемте къ другимъ, — предложилъ онъ, — къ Неручеву теперь.

Мы вышли и пошли задами, перелѣзая черезъ плетни и пробираясь между шпалерами грушъ и вишенъ.

— Вотъ хорошій садокъ, — сказалъ Мордвиновъ, останавливаясь на холмѣ.

Садъ, дѣйствительно, былъ на славу. Земля на грядкахъ была рыхлая и пышная, какъ пухъ. Яблони и груши были старыя, свилеватыя съ бурой кожей; у нихъ былъ тотъ тощій, изношенный видъ, который одинаково присущъ многоудойнымъ коровамъ, плодовитымъ женщинамъ и плодовитымъ деревьямъ.

— Это Свищовыхъ садъ, — сказалъ Мордвиновъ. — Строгіе люди, въ старинѣ живутъ. Да вотъ и самъ хозяинъ.

Подъ яблоней стоялъ мужикъ, большой, грузный, съ краснымъ лицомъ, въ сѣрой курткѣ, съ передникомъ, и подчищалъ вѣтви.

Мы поговорили, и я увидѣлъ, что это представитель консервативнаго элемента.

— Насъ трое братьевъ, — говорилъ Свищовъ; — дѣтей у насъ восемь и восемь и пять, а всего двадцать одинъ. Земли семь съ половиною десятинъ. Есть съ чего жить. Одной вишни сходить сорокъ фунтовъ съ дерева. Конечно, необразованность наша. Да мы не гонимся. Вонъ должностей не хватаетъ для образованныхъ, а черный рабочій народъ лишній не будетъ...

Мы прошли черезъ садъ и опять пошли по тропинкѣ.

Мордвиновъ снова вернулся къ своимъ безпокойнымъ мыслямъ:

— Мы желаемъ устроить вольную духовную общину. Пробовали социализмъ. Да не вышло у насъ. Купили лошадь общую. Одинъ поѣхалъ за сто пятьдесятъ верстъ. Другому надо ѣхать за семьдесятъ пять. Тогда продали ее. Пускай же нынѣ будетъ одно духовное. Выберемъ себѣ священника отъ православнаго епископа. Всѣ обряды будемъ соблюдать, но постепенно выправлять. Въ церковь будемъ ходить, въ какую угодно. Свой священникъ для бесплатнаго совершенія требъ. Школу устроимъ. У насъ находятся люди. И священники находятся, даже не одинъ, а нѣсколько. Есть у насъ такой апологетъ, даже академика перешибетъ. Охотниковъ много. Одинъ жандармъ есть, выходитъ изъ службы, идетъ въ нашу общину.

Мы повернули за уголъ и подошли къ высокимъ рѣзнымъ воротамъ.

— Это Неручева домъ, — сказалъ Мордвиновъ. — Самъ Александръ Алексѣевичъ въ тюрьмѣ сидитъ.

— Какъ въ тюрьмѣ, къ кому же мы идемъ?

— Небось, сегодня выпустили, — успокоитель-

нымъ тономъ сказалъ Мордвиновъ. — Паспортовъ не прописывалъ, — прибавилъ онъ въ поясненіе, — новая наша напасть, чего по вѣку не было, — штрафъ положили на него. Ко мнѣ пришелъ совѣта просить. — „Какъ ты думаешь: сидѣть или платить?“ Я говорю: „Чего ты, садись скорѣй. Въ ихней казнѣ много денегъ есть безъ нашего. Я сидѣлъ, пробовалъ. Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюють“. Тогда онъ пошелъ и сѣлъ подъ арестъ.

II.

Лександра Сильный.

Неручевъ, дѣйствительно, былъ дома. Онъ только что пришелъ изъ тюрьмы, отсидѣвъ свой срокъ. Онъ встрѣтилъ насъ въ дверяхъ, но остановился, какъ будто загораживая дорогу. Я невольно засмотрѣлся на него. Онъ былъ огромный, статный, косая сажень въ плечахъ, копна рыжихъ волосъ на головѣ. Въ лицѣ и фигурѣ было что-то большое, стихійное. Такіе, должно быть, были когда-то ушкуйники или собственные предки Неручева изъ понизовой волости. Глаза его горѣли страннымъ огнемъ. Можно было, пожалуй, принять его за безумнаго. Потомъ въ разговорѣ, когда онъ выбрасывалъ короткими фразами свои рѣзкія мысли, было нетрудно увидѣть, что это блескъ непрерывной работы ума, лихорадочной и ѣдкой.

Александръ Алексѣевичъ, безспорно, самый замѣчательный человѣкъ во всемъ Подгорьѣ. Многие его не любятъ.

— Рѣзкій мужикъ, язвительный. Ничего не пропустить. Звонить, какъ колоколъ.

Съ другой стороны, Подгорье какъ будто гордится Неручевымъ. Это мѣстный вождь и домо-рощенный философъ.

Про него говорятъ: „У него страху нѣтъ. Его умъ до всего доходитъ“, и называютъ его по уличному: Лександра Сильный. Въ другое время онъ могъ бы стать ересіархомъ.

Неручевъ сначала говорилъ мало и неохотно, но за чаемъ разошелся. Мы просидѣли съ нимъ часовъ шесть до поздняго вечера. Онъ описывалъ мнѣ свои духовныя исканія и религіозные этапы.

— У меня было три вѣры, — говорилъ онъ. — Эта новая — четвертая.

Три первыя вѣры были: православіе, расколъ, сектантство. Новая вѣра была вѣра свободы.

Разсказывалъ онъ обстоятельно, мѣтко, очень зло, можно сказать, даже съ художественной полнотой, мѣнялъ голосъ и выраженіе лица, изображалъ раскольничьихъ начетчиковъ и старицъ, — даже губы поджималъ какъ-то по особенному, — сектантскихъ проповѣдниковъ и православныхъ поповъ. Надо отдать ему справедливость: онъ былъ безпристрастенъ и всѣхъ по очереди освѣщалъ одинаковымъ свѣтомъ.

Мордвиновъ слушалъ и смѣялся отъ всей души. Нельзя было не смѣяться. Даже когда дѣло дошло до проповѣдниковъ „новой вѣры“, Неручевъ и ихъ не пощадилъ.

— Что же это такое, — сказалъ онъ, — пришли въ деревню Чумовку на бесѣду двое, эсь-эрь и эсь-де. Много народу. Меня предсѣдателемъ выбрали. Они на телѣгу полѣзли. Одинъ говоритъ одно, другой другое. Мужики ротъ разинули. Подписывать пора. — Лександра Лексѣевъ, кто правъ? — Что тутъ дѣлать? Какъ ихъ мирить. Я имъ говорю: какъ же вы пріѣхали народъ присоглашать, а сами между собой, какъ кочетишки, такъ и бзыкаетесь! И слу-

шать не хотятъ, другъ на дружку смотрять косо. Что съ ними подѣлаешь?

Я привожу его разсказъ полностью, несмотря на длинноты и повторенія. По-моему Александръ Алексѣевъ очень типиченъ для крупнаго мужицкаго интеллигента-самородка, который началъ отъ книги „Камень Вѣры“ и дошелъ до Геккеля и Ренана, даже до Спинозы.

Ибо много теперь такихъ Неручевыхъ, которые не знаютъ страха и доходятъ умомъ до всего... Они есть въ Твери и въ Самарѣ, и въ Астрахани. Они бываютъ разныхъ оттѣнковъ: одни агрессивные, какъ Неручевъ другіе — незлобивые, примирительные, какъ сама природа.

Я упомянулъ имя самарскаго слѣпца Пахомова. Это фигура еще крупнѣе и оригинальнѣе Неручева. Я буду писать о немъ ниже.

А въ Астрахани на рыболовномъ суднѣ я встрѣтилъ стараго матроса. Онъ грѣлся на солнцѣ и читалъ книгу Метью Арнольда: „Свѣтъ Азій“. Онъ сказалъ мнѣ: — Три года я читаю эту книгу и теперь я знаю: всѣ вѣры святы, и всѣ люди созданы, чтобы быть царями...

— Я мужицкаго роду, — разсказывалъ Неручевъ, — путанной вѣры. Отецъ и мать православные, и бабки и дѣды, а тетка изъ своей чашки ѣла. А для чего, сама не понимаетъ. Былъ я восемнадцати лѣтъ. Смерть охота книги читать. Гдѣ их возьмешь? Былъ начетникъ спасовскій, у него дочи. А евангеліе большое. Думаю, дочь возьму, онъ книгочей — будемъ вмѣстѣ читать.

„Женили насъ. Въ конецъ масленой пришелъ я къ тестю. У него самоваръ, бутылка. „Хвати, затекъ!“ Я морду ворочу. „Молодъ еще. Угля-

дишься въ библию. Выпей, да лошадь запряги, молodu утѣшь, покатай ее на саночкахъ“. Зло во мнѣ. Запрягъ лошадь, поѣхалъ по гумнамъ. Она плачетъ: „Чего озоруешь?“ — „Какъ озорую? Ты изо всего села меня выбрала. Будемъ наслаждаться другъ на дружку“.

„Поѣхалъ на улицу. Былъ обычай такой парами, тройками ѣздить, съ лентами, съ платками. Теперь уничтожается — лошадей нѣтъ. Другой былъ обычай поганый. Нововѣнчанныхъ ребяташки потащутъ по снѣгу. Я не хотѣлъ допустить. Проскочилъ мимо кабака, сталъ лошадь выпрягать. Ребята прибѣжали. Прежній товарищъ, Федоръ, такъ и напираетъ. „Федоръ, не лѣзь. Я тебѣ такъ заплаю!..“ Онъ вскочилъ черезъ сани, я какъ размахнулся, хватъ его въ ухо. Какъ снопъ свалился. Такое сердце было крутое, разымчивое.

„Постъ прошелъ. Я къ тестю направился книгу читать. Тестъ ничего не знаетъ. Досада моя. Пасха пришла. Вижу наряжаютъ двѣ избы связью. Объ лѣву сторону угощать будутъ, о праву читать. Увидѣлъ, не осмѣлился войти. „Паша, — говорю женѣ, — спроси мать, нельзя ли мнѣ туда войти“. Лютая теща была. Въ минуту исходатайствовала: „Иди-ка!“ Вошелъ, вижу — старикъ въ очкахъ. Передъ нимъ книга. Народу у нихъ много. Слушаю я: читаетъ хуже моего. „Дѣдушка ты плохо видишь. Дай-ка я“. Съ удовольствіемъ отдалъ. „Ты читай, я буду объяснять“. Я началъ рѣзко. Онъ объясняетъ. Тѣхъ словъ нѣтъ. Отколь беретъ? Диво мнѣ. Вечеромъ наряжаются идти въ другое село. Старыя дѣвки живутъ. Собраніе у нихъ. „А меня возьмете?“ „Чай бы, вся сила небесная обрадовалась. Сколько шаговъ пройдешь, зачтено

будеть“. Я съ удовольствіемъ пошелъ, — пусть радуются.

„Въ томъ селѣ двѣ дѣвки старыя, настолько благообразны. Фиміамчикъ, кадиленка. Губы у нихъ сожаты, рта вовсе не разѣваютъ. Книги въ чистыхъ срачицахъ.

„Начали читать соборне большую книгу, Григорія Богослова, Антонія Митрополита Папу Римскаго. Читали, плакали. „Были въ плѣну семьдесятъ лѣтъ на грѣшномъ мѣстѣ, только духовную жертву принося, духъ сокрушенъ, сердце смиренно, — Богъ не сокрушитъ. Тако и мы въ плѣну антихриста. Надо укрыться въ горы и пещеры, ѣсть хлѣбъ, посыпанный золою“.

„До того растрогались, стали носами похлебывать.

„Дней пять мы тамъ были. Не выдаючи прошло. Я въ восторгѣ. Много книгъ, осмѣлился попросить. Ухъ, нести далеко. Тяжелыя книги, каждая книга полпуда вѣсу. А одной книги мало.

„Пошли мы со старикомъ въ его село Ждановку. У него старуха православная. — „А ты, молодчикъ, какой?“ „Я, бабушка, и самъ не знаю. Я ни туда, ни сюда“. — „Не слушай ихъ, мошенниковъ. Жулики они!“ Травитъ ихъ не въ образъ (бранить, на чемъ свѣтъ стоитъ). Жрать не даетъ. Меня потчуетъ: „Кушай, батюшка, ты усталъ“.

„Пошли мы домой. Около насъ бѣглополовцы. По матери родники. Охотятъ заманить къ себѣ. Мы жили богато. Они видятъ: этакій мальчонка молодой, пробойной, можетъ дойти. Зовутъ насъ. Пошли мы съ отцомъ. Отецъ такую же охоту имѣлъ, какъ и я. Былъ Родивонъ Матвѣичъ, начетникъ. Такой словущій. Въ душу впивается. Книгъ много

читательныхъ. „Дайте одну“. Дали книгу Катехизисъ. Интересная книга. Выписаль кое-что. Взялъ на память. Сталь спрашивать начетника: „Спасовцы какіе?“ — „Хм, проклятые понѣтчики!“ Проругаль ихъ, какъ могъ.

„Сталь спрашивать понѣтчика: „Бѣглопоповцы какіе?“

„— Еретики проклятые. У нихъ подъ рогожей попа взять“. Другъ друга обнажаютъ.

„Рыковъ купецъ изъ Москвы былъ въ селѣ Мукосѣихѣ. Устроилъ оказію. Доски около церкви намощены высоко. Споръ о вѣрѣ. Православный миссіонеръ и другихъ сектъ. Одинъ молодой мальчонка дѣлаетъ возраженія, чего-то говоритъ. Какъ же онъ-знаетъ? Сейчасъ къ нему. „Гдѣ набрался?“ — „Книги читаль, „Пращицу“, „Камень вѣры“. — „Гдѣ купилъ?...“ Выспросилъ, записаль. Добьемся и мы. Мальчонка-то православный, противъ раскольщиковъ дуетъ. „Мы ихъ какъ треснемъ „Камнемъ вѣры“ изъ „Пращи“, только ахнешь“. Купилъ я книги, перечиталь, потомъ продалъ; миссіонеры купили.

— На завтра опять споръ. Старики сидятъ округъ, спасовцы, поморине. Степенно сидятъ, на-вытяжку, аршинъ съѣли. Я не видалъ такихъ. У насъ просто сидятъ: сидить, носомъ клюкаетъ. Рыковъ пріѣхаль. Меня впередъ высунули.

„— Ты кто? — это миссіонеръ спрашиваетъ.

„— Я не знаю.

„— Православный?

„— Не знаю.

„— Въ церковь ходишь?

„— Я радъ бы не ходить, меня дѣдушки гонять.

Они православные.

„— Ты еретикъ. Покажи, какъ крестишься.

Я показаль. У насъ, молъ, щепотью.

— „Нейдете за пастыремъ“.

Помѣшалъ онъ меня лежачаго, въ бока потолкаль. Ничего не выжалъ.

Поѣхали домой. Ходили, читали. Быть намъ спасовцами. Они насъ завладѣли по нашей слабину. Икону дали, ѣздять. Только подъ началъ принимать. Ночью не спится. Ну, какъ ошибемся. — Люди начетники есть? — спрашиваю. „Какъ не будутъ? Тридцать лѣтъ читають“. — Когда пріѣдутъ? На Троицу будутъ“. Стали подготавливаться. На Троицу роспуски запрягли. Картузъ новый, рубаха красная, каленаго ситца. Раздѣвкой поѣхаль.

„Книгу достукался прежде всего у сосѣда, богача-раскольника. Двѣсти рублей дана въ Москвѣ. Толкованіе Ивана Златоуста на Евангеліе Матвѣя. Рукопись писана святыми отцами. Нипочемъ не даваль. Ну, ладно, думаю. Онъ занимался торговлей. На базаръ надо ѣхать, кудель скупать. А деньгами нехватка. Тоскуеть. — „Дадимъ тебѣ двѣсти цѣлковыхъ взаемъ, дай книгу“. Разступился, далъ. Радехонько. За книгой заѣхали. Взялъ, выхватилъ. Сердце прыгаетъ. Читаль, читаль, ажъ слюни текутъ. Тѣ дѣвки старыя услыхали, прилетѣли: „Дайти списать“. Плачутъ. „Не уйдемъ отсюда“. Въ мѣсяцъ списали, день и ночь безъ отдыха. Одна устанетъ, другая пишетъ. Такъ и читать довелось мало.

„Книгу въ сорочку, въ кошель. Сорочка особо сошитая. Ыдемъ на Соборъ... Начетниковъ трое. Слѣпой чувашинъ, ничегохонько не понимаетъ. Другой молодой, неженимый. Третій старикъ. Рвется душа. Мѣшкають. Отецъ говоритъ: „Мы книгу привезли такую“. „Христа ради, дайте почитать“. Положили на столъ. „Головной, почитай“. Не идетъ.

„Неженимый, ты!“ И этотъ: имѣй меня отреченна. Боятся. Я думалъ, буду ихъ слушать. Они откоснулись.

„— Вотъ что, ты почитай. Ты чернила знаешь, а мы толкованія. — „Благословите“. — „Господь благословить“. Крестное знаменіе на лобъ. Прочиталъ двѣ строчки. — „А ну еще разокъ!“ Еще прочиталъ. — „Еще двѣ строчки!“ Стало четыре. „А по твоему какъ?“ — „Кто же будетъ контролеръ?“ — „Не бойся. Мы не поддакнемъ“. Я сказалъ: „По-моему, вотъ такъ“. „Такъ и есть“. — А, думаю, вотъ какіе вы есть толкователи!“ Затаилъ въ сердцѣ. Цѣлую страницу прочелъ.

„Одиннадцать часовъ, двѣнадцать, часть. „Поѣсть бы надо. Послѣ обѣда еще почитаемъ“...

„Стали обѣдъ собирать. У насъ бывало на обѣдъ два блюда, сила что три. Тутъ видимъ: наклали луку съ яйцами. Хлѣбъ ситный. Одну чашку намъ отдали. Еретикамъ, — такъ особо. Потомъ съ рыбой. Мы стали тупо ѣсть. Послѣ этого шей. Что за диковина? Я, какъ могъ, наѣлся, бросилъ. Четвертое — лапша съ яйцами, монастырская; каша съ молокомъ, пшенникъ, лапшенникъ. Мы четыре перемѣны кое-какъ огоревали, отбились. Они — девять блюдъ. Куда кладутъ? Я удивился. Такъ наѣлись, едва имъ согнуться можно. Спать. Спали, спали. Время пришло вставать. Никто не выходитъ. „Будите ихъ!“ Сошлись. Пить хотятъ, ведро квасу выпили, брюхо дуть начало. То и дѣло на дворъ бѣгаютъ.

„Я къ нимъ съ книгой: „Чего вяло?“ Стали себя понижать. Окаяшутъ себя. „Какъ намъ, окаяннымъ, знать?“ Какое смиренномудріе. — Ахъ, думаю, если назвать со стороны, осердятся ли? Да

съ дураковъ и хлопнулъ: „А ты молъ, окаанный, какъ скажешь?“ — „О, щенокъ, молоко не обсохло“. — Попался старый хрычъ! Взбунтилась вся бесѣда. Усмирили его. — „Слушайте, говорю. — Читаемъ толкованіе Ивана Златоуста: О смиренномудріи: „Передъ чужими устами будь смиренъ сердцемъ“... Я испыталъ его... Старикъ провалиться готовъ. Мнѣ авторитетъ дали. — „Отчего такъ много перемѣнъ ѣды?“ — „Преданіе у насъ. Сколько перемѣнъ, столько ангеловъ“. „А я въ книгахъ видалъ: сколько сластей, столько дьяволовъ“. Они не могутъ спорить: „Мы сами не знаемъ, старики толкуютъ“.

„Стали читать бесѣду Златоуста „О нарядѣ“. Они расцвѣчены, и я такожъ. Громить Златоустъ цвѣтное платье, во всю нарицаеть. Завтра же скину. Отецъ тоже рѣшилъ — у насъ скоро. На другой день отецъ велѣлъ женѣ бѣлу рубашку приготовить. „Али съ ума сошелъ?“ Мы не слушаемъ. Принесли холста, сошили, надѣли, стали, какъ арестанты. Вышли на улицу. — „Что сдѣлалось?..“ — Другіе говорятъ про насъ: они попали въ секту скопцовъ. Жена плачетъ, со мной никуда не выходитъ...

„Такъ кончилась моя первая вѣра...“

— Это былъ первый этапъ неручевского разсказа. Послѣ того настала очередь второй вѣры, сектантской, аскетической.

— Сосѣдней деревни Егоръ Загаровъ услыхалъ, прилетѣлъ. Онъ въ бѣлой рубашкѣ отъ бѣлоризцевъ Писцовыхъ, а мы самородки. Отецъ увидалъ: „Вотъ еще христіанинъ ѣдетъ“. Такой чудакъ. Мы приняли его. Меду поставили. Онъ не ѣстъ. Чего ни спрошу, все толкуеть, прибавляетъ и накладываетъ: „Мало бѣлу одежду“. Изъ бібліи началъ

вычитывать: „мяса не ѣшь, рыбу не ѣшь, молоко не ѣшь“. Недѣлю прожилъ, ѣлъ хлѣбъ съ водой въ очищеніе грѣховъ. Мы тоже ревнуемъ. Мать ругается. Мы продавать велимъ. Все не надо. Нарядъ продавать велимъ. Бабы плачутъ, а заартачиться нельзя. Покупили бѣло, нарядили въ бѣло. Насъ двое, хозяева полные. Если бы хоть одинъ былъ на ихней сторонѣ... Онъ приводный народъ.

„Услыхали отъ Егора — есть учитель въ городѣ, — земля не держить. Хотя завтра запрягай. Нельзя, надо хлѣбъ убрать. Въ сентябрѣ поѣхали. У Писцова недѣлю прожили. Онъ съ насъ плату положилъ, пятнадцать копеекъ въ сутки съ одного человѣка. Слова не сказали, отдали два цѣлковыхъ. Этимъ привлекли его, что мы не дармоѣды.

„Онъ насъ тоже увлекъ. Искусникъ, степенный, семья въ порядкѣ. Говоримъ: „поселиться бы около, добра бы научились. Купимъ садъ“. Онъ сталъ спрашивать: „А много ли денегъ?“ Мы говоримъ: „три тысячи“. Мы въ то время на чертѣ стояли, каждый годъ тысячи по двѣ наживали въ лѣсной торговлѣ. Кабы не пошли по вѣрѣ, въ сотняхъ тысячъ пошли бы. Но мы денегъ боялись, антихристова печать. Безъ рукавицы не брали.

„— Есть,—говорить,—продажный садъ. Денегъ не пожалѣете, — продастъ. — „Какое мѣсто?“ — „Тамъ-то“. Пошли мы. „Что надо?“ — „Садъ продажный“. — „Три тысячи рублей“. Какъ будто въ карманѣ пощупалъ. Отецъ сразу говоритъ: „А двѣсти рублей уступишь?“ Тутъ же купили за двѣ тысячи восемьсотъ рублей. Дали задатокъ, купчую, поѣхали домой.

„Отецъ говоритъ: „Пока не сказывай женѣ. Испугаешь. Будемъ понемногу продавать“. Стали продавать. Телѣги, сани, дрова; хлѣбъ молотимъ,

продаемъ. Что за чудо? Жена говорить: „За-чѣмъ?“ Дошло дѣло: конопли немоченыя. Это ихнее, бабье. Онъ матери сказалъ. Стали соби-раться въ городъ смотрѣть. Тутъ матери показа-лось. Садъ ихъ взманилъ. Сладкій духъ. Пере-брались въ городъ.

„Когда переѣхали, сталъ Писцовъ къ намъ ходить. Я такихъ не встрѣчалъ. Полонъ ротъ слова. Мнѣ тоже не терпится. Говорить: „раньше трехъ годовъ передать не могу“.

„Отецъ говорить: „Вытерпишь три года?“ — „Больно долго“.

„Рѣшилъ терпѣть. Онъ общался къ намъ каждый день ходить. Такъ бывало въ четыре часа утра является. И въ полночь вставали: Се грядетъ женихъ во полунощи. Я полтора года терпѣлъ. До половины дня я отцу натолкую. А онъ ему ска-жетъ, будто отъ себя. Верткій старикъ, выдернется, все мое затретъ. А я у отца ломаю послѣ. Отецъ умомъ разорился. Оба отъ писанія и оба отъ ума. Такъ мы его съ боку на бокъ переваливаемъ.

„Потомъ говорю: „Больше терпѣть не буду. Идемъ къ нему. Пусть выгонитъ“. — „Плохо зна-ешь его“. Пошли. Тамъ еще два человѣка сидятъ. Стали читать. Зло меня забрало. — „Василій Ива-новичъ, это не такъ“. — „Тебѣ молчать“. — „Не буду молчать“. — „Тебѣ тутъ и не быть. Повино-ваться сѣдинѣ“. — „Разумъ не въ сѣдинѣ. Не былъ ли Даніиль благоразумнѣе стариковъ? Они Сусанну осудили, а молоденькій мальчишка восемнадцати лѣтъ имъ обсказалъ. Не былъ ли младъ лѣтами Іоасафъ царевичъ?“ Тутъ онъ меня за грудки схватилъ, по-перъ къ двери. Вырвался я. „Видишь, говорю, папаня! Пойдемъ отсюда, пока по шеѣ не наклали.

По-моему и вышло“. Полтора года въ ротъ глядѣли. Тутъ у насъ все пошатнулося“.

— Въ чемъ у васъ было разногласіе?

— Да онъ тоже говорилъ: ограничивай себя, то не пей, другое не ѣшь, третье не носи. А у меня все стало иное. Думаю: зачѣмъ ограничивать?

„Послѣ того, я началъ мыслить: быть можетъ, православіе не хуже этихъ вѣръ. Жена давно вернулась къ церкви. Скорбить, покою не даетъ. — „За гробомъ, если не по-моему, мы будемъ тогда врозь“. Заболѣла съ печали, попа позвала. Исповѣдуются. Гляжу, перекрестилась шепотью. Когда выздоровѣла, я спросилъ: „Зачѣмъ шепотью крестилась?“ — „Чай, мнѣ тебя жалко, пусть на томъ свѣтѣ по-твоему будетъ. Лишь бы не врозь“... А выздоровѣла, опять горстью крестится. — „Ну, думаю, Богъ съ тобой. Мы тоже попытаемъ“.

„Пошли мы съ братомъ въ консисторію, въ бѣлыхъ балахонахъ. Вышелъ сторожъ. Сказали: „Протопопа такого-то“. Слышали раньше: есть протопопъ, можетъ наставить на истину. Вышелъ. „Кто такіе?“ — „Жители, поговорить“. — „Приходите домой завтра послѣ службы“. Отправились. Что задавали вопросовъ, разъяснялъ, какъ могъ, отъ бѣднаго ума. Черезъ малое время не стало удовлетворять...“

„Архіерей Варсонофій устроилъ народныя бесѣды въ церкви.

„Пойдемъ, ради Христа. Все расскажемъ. Афишки расклеены по городу. Мы въ восторгѣ. Кое-какъ пожрали дома, отправились.

„Большое собраніе народу. Четыре священ-

ника. Старшій протоіерей съ экспромту рѣчь говоритъ:

„— Православные христіане, по благословенію Его Преосвященства въ эти часы мы будемъ объяснять народу службу, какъ ходимъ въ церковь и крестимся, и кланяемся. Многіе ходятъ, не знаютъ.

„Другой священникъ сказалъ по-своему, а то же самое: „Жалко васъ стало, темные люди, въ подпольѣ живете“.

„Такъ меня за сердце задѣло: — Кто виновать. Вы же не выпускали на свѣтъ. Погоди-ка, мы узнаемъ, кто въ подпольѣ живетъ...

„Третій сказалъ. Четвертый выходитъ съ книгой: „Дьяконъ голову наклонить, и вы тоже кланяйтесь“. По одной командѣ... Достойно читаютъ, кончили. Я впередъ пробрался. — Батюшка! — „Чего?“ — „Я не понялъ. Чать, можно спросить?“ — „Спрашивай“. — „Прискорбно мнѣ, въ подпольѣ мы были. Выпускаете насъ. Не знаемъ, что годно. Хочу учить я церковную дисциплину. Сколько же въ службѣ поклоновъ земляныхъ, сколько грудныхъ, сколько поясныхъ? Объясните намъ“.

„Опѣшили они. Посматриваютъ другъ на друга. „Мы къ этому не припаслись. Придите въ слѣдующій разъ“. Церковь взбунтовалась. На другое воскресенье народу не протолкнешь. Слухъ прошелъ: „Человѣкъ выходитъ, задаетъ вопросы“. Я опять тутъ. — „Дайте намъ настоящее правило: можно ли въ воскресенье класть земные поклоны“. До архіерея дошелъ: „Какое тебѣ правило? Есть постановленіе святѣйшаго синода“ ...

Послѣ этого слѣдовала цѣлая эпопея диспутовъ и споровъ Неручева съ мѣстнымъ духовенствомъ.

Онъ сражался со всѣми, доходилъ до архіерея, писалъ отзывы и печаталъ ихъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, нападалъ и защищался. Оружіемъ его была изумительная память, которая хранила въ себѣ цѣлое сокровище текстовъ и ссылокъ, старопечатныхъ и новопечатныхъ цитатъ.

— Я ему показываю „Пращицу“, а онъ ее сроду не видалъ. „Гдѣ напечатана?“ — „Да развѣ я ее въ подпольѣ печаталъ? Погляди-ка выходи у нея“.

„Требникъ свой десять лѣтъ читаютъ, а что въ немъ есть, сами не знаютъ. — „Вы, говорю, поглядите 391 листь“.

„— Ты, — говорятъ, — мірянинъ. Зачѣмъ ты не повинуюешься, читаешь? Были бы вы на своемъ мѣстѣ, не шлялись тутъ.“

„— Вамъ, говорю, лишь бы доходы взять.“

„— Не твоего ума дѣло!“

„— Эхъ вы, говорю, пекари. Одна капелька Христовой вѣры весь міръ спасла, а вы хотите: „сорокъ просфировъ — сорокъ рублей“.

„Тутъ они напустили на меня монаховъ. А я говорю: „Когда церковь зачиналась, монахи были?“ — „Не были!“ — „Вотъ то-то не были“.

„Отецъ Серафимъ обозвалъ меня нехорошимъ словомъ: „Онъ духовоборъ, скопецъ, у него богородица“. Въ „Вѣдомостяхъ“ написалъ про меня: „коноводъ, хлыстъ“. Отъ невѣжества своего всѣ вѣры перепуталъ.“

„Съ тѣхъ поръ опостыли они мнѣ.“

„Въ то время мы были буквоѣды, потомъ стали перевертывать на мистическія мысли. Книги получили. Михаила митрополита духовная бесѣда: „Христось на деревѣ, но сказалъ: хочу быть въ

твоёмъ домѣ. Древо — обрядъ, домъ — душа. Но святые отцы къ древу прилѣпились"... Купилъ книгу „Братолюбіе“. Столько разбиралъ, даже вши меня стали ѣсть.

„Тутъ сынъ подростъ, я его, спасибо, въ школу отдалъ. Онъ сталъ въ постъ мясо ѣсть. Я — возставать. Онъ задаетъ вопросы: „Убѣди меня, я перестану“. Я не могу отвѣчать. Слабость моя велія, пружины ослабѣли. Сдался я на его примѣры, перешелъ на сторону сына. Сталъ я читать другія книги, какія творенія были по Дарвину, Ренана книгу, Фаррара о Христѣ, --- онъ тоже виляетъ, до конца не договариваетъ... Геккеля купилъ. Какъ сталъ я разбирать, все сразу рухнуло. Некрѣпкое было, подкопанное.

— Въ это время вышло семнадцатое октября. Мы листки схватили, по деревнямъ развозимъ мужикамъ. Одинъ говоритъ: антихристъ, другой говоритъ: послѣднее время... Митинги пошли. Тутъ мы услышали: конституція. Я раньше не слыхалъ. Новые журналы пошли, газеты. Два года свобода была, — въ два мѣсяца науку прошли.

„Я имъ толкую: „Раньше намъ этого нельзя было читать. Теперь читаемъ, какъ пьяные. Были мы, какъ Адамъ въ раю, въ раю невѣжества своего. Теперь вкусимъ плода запрещеннаго“...

„Прочиталъ про разныя партіи, мнѣ показались социаль-демократы. Увидалъ сына, спросилъ, какая партія. Онъ разъяснилъ. Я видѣлъ, что эта партія лучше народниковъ“.

— А скажите, какая между ними разница? — спросилъ я.

— Будто вы сами не знаете? — сказалъ Неручевъ подозрительно.

— Я хочу, чтобы вы объяснили, — сказалъ я прямо.

Онъ сталъ объяснять топорнымъ языкомъ, но вразумительно.

— Бакунинъ хотѣлъ, чтобы въ нашу Русь не прошелъ капиталъ. А Карлъ Марксъ говорить: „Пройдетъ въ Русь капиталъ и нарождаетъ пролетаріевъ. Эти пролетаріи будутъ ему могила“. Бакунинъ говорилъ: „Община прочная“... Но масса пролетаріевъ народилась на фабрикахъ.

— Ну, ты опять, — неожиданно заговорилъ Мордвиновъ. — Мужикъ жесткій. Его въ котлѣ не уваришь.

— А дѣло къ тому идетъ, — возразилъ Неручевъ. — Долго варить, можно топорище во шахъ разварить.

Этò, очевидно, былъ старый, часто возобновляемый споръ.

— Я болѣе склоненъ къ философскимъ темамъ, — заговорилъ Неручевъ. — Спинозу купилъ. Жую, разбираю. Что есть Богъ, и что есть міръ, и что есть я? Зубы старые, не берутъ. Вотъ кабы, когда намъ было двадцать лѣтъ, встрѣли бы мы такого человѣка, объяснительнаго, не мучались, не измождались, — что бы изъ насъ вышло... Ты спрашиваешь, какъ теперь идетъ? Съ пестриной идетъ. Глядя по мѣстамъ и по людямъ. Напримѣръ, безпоповцы, — есть лѣвые, а есть — боятся, говорятъ: конституція — антихриста печать. Я думаю, не скоро кончится. Вотъ просидѣлъ восемь дней въ арестномъ домѣ. Гонять мужиковъ-аграрниковъ. Эй, дуботолки. Травы укосилъ, дровъ увезъ, — всѣ эти грѣхи теперь наказываютъ. И есть тамъ два надзирателя-каина, колотятъ ихъ по голо-

вамъ. А они терпятъ, авелево племя. Потому Авель былъ овечій хозяинъ и самъ, какъ овца. Дали ему щелчка въ лобъ, онъ на землю упалъ. Съ той поры Каинъ на Авелѣ верхомъ поѣхалъ. Не скоро кончится...

III.

Слѣпой.

Поль-Самары знаетъ слѣпого, Матвѣя Иваныча. По крайней мѣрѣ, что касается „простого народа“. Когда я спросилъ на базарѣ его адресъ, мнѣ сказали: „Идите въ Слободку, на Панскій Разъѣздъ, тамъ спросите. Всякая собака укажетъ“.

Я взялъ извозчика и поѣхалъ на другой конецъ города.

Колеса сперва стучали по выбоинамъ мостовой, потомъ съѣхали въ мягкую пыль. Солнце жгло, пыль подымалась столбомъ, какъ дымъ, ѣла глаза, забивалась въ ноздри, какъ сажа.

Въ горлѣ першило, въ вискахъ стало сверлить хуже мигрени. Какъ будто это былъ не городъ, а аравійская пустыня. Дома стали ниже и хуже, потомъ пошли избушки въ два окна, съ заплатками на крышѣ, хуже деревенскихъ. Сюда, очевидно, и извозчики не ѣздили. При стукѣ нашихъ колесъ ребятишки выбѣгали изъ воротъ и глядѣли намъ вслѣдъ.

Слѣпой пріютился на задворкахъ, у бѣднаго сапожника. Онъ платилъ за уголь два рубля въ мѣсяцъ. Самъ онъ былъ бѣденъ и грязенъ. Рубаха на немъ была рваная, босыя ноги въ старыхъ

резиновыхъ калошахъ. Онъ сидѣлъ, опираясь руками на столъ. Столъ былъ старый, черный и даже лоснился весь, какъ будто его покрыли тусклымъ лакомъ.

Я прошелъ впередъ и назвалъ свое имя, ссылаясь на общихъ знакомыхъ.

Сапожникъ посмотрѣлъ на меня подозрительно, потомъ подошелъ и сталъ что-то шептать, но слѣпой махнулъ рукой.

— Э, все равно, и такъ одинъ сажу.

— Слѣпой я отъ малолѣтства, — сказалъ онъ, — до старости дожилъ, мнѣ пятьдесятъ восемь лѣтъ.

Несмотря на убогій видъ, ему можно было дать гораздо меньше. Въ волосахъ не было сѣдины, и въ лицѣ трепетала особая чуткость, напряженная и вмѣстѣ осторожная, свойственная слѣпцамъ.

— Я слѣпой изъ-за отца, — сказалъ Матвѣй Ивановичъ. — Сильно пьянствовалъ, дрался, мать билъ, беременная была... Варвары у насъ — не люди. Когда я родился, глаза не открылись. Нѣмка одна стала насильно открывать, хуже сдѣлала. Совсѣмъ гноемъ затекли.

„Отецъ былъ рыбакъ, торговецъ, буржуй. Торговалъ съ товарищами, на нихъ люди рыбачили. Потомъ, какъ сталъ пьянствовать, самъ на другихъ сталъ рыбачить. Дядя мой Пахомовъ, бѣглопопoveцъ, имѣетъ сто тысячъ капиталу. Я къ нему не хожу. Какъ померъ отецъ, было мнѣ лѣтъ двадцать. Домъ остался. Я къ дядѣ пришелъ, говорю: „Этотъ домъ долженъ теперь придти въ упадокъ. Возьми, будто въ залогъ. Выдавай пожизненно“. Онъ не помогъ. Говоритъ: „Продай все“. Далъ тысячу рублей. Подѣлили съ сестрой. Пришлось на мою долю пятьсотъ рублей. Отдалъ хорошимъ людямъ,

сталъ жить съ ними. Они пользовались и вычитали за столъ. Въ пять лѣтъ все прожилъ. Впалъ въ крайнюю бѣдность.

— Ходилъ звонить на колокольню. Пономарь пировать уйдетъ, меня одного покинетъ. Колоколъ пудовъ сорокъ, языкъ безъ шарнировъ. Звонилъ, нутужался, до грыжи...

„Кромѣ слѣпоты, у него была еще и грыжа.

„Потомъ было обо мнѣ напечатано въ газетѣ. Пришли молокане. Я имъ полюбился. Ходили, слушали“.

— А что было о васъ напечатанно?

— Память у меня... Съ молоду еще тверже была. Разъ мнѣ прочтутъ — и готово. У начетчиковъ бралъ на слухъ. Выступилъ въ публичныхъ бесѣдахъ апологетомъ австрійскаго толка. Библию ни одинъ попъ лучше не знаетъ. Раскройте, прочитайте, я скажу мѣсто.

Я раскрылъ большую черную книгу и прочиталъ наудачу:

Отъ вѣка не слышано, чтобъ кто отверзъ очи слѣпорожденному.

— Отъ Іоанна, глава девятая, стихъ тридцать второй, — сказалъ Матвѣй Иванычъ. — Это про меня написано, — прибавилъ онъ съ блѣдной улыбкой.

Я подумалъ, что, должно быть, книгу на этомъ мѣстѣ раскрывали слишкомъ часто, и раскрылъ въ началѣ:

Отошла слава отъ Израиля, ибо взять ковчегъ Божій.

— Самуила, четвертая глава, — сказалъ слѣпой.

— Эта книга у меня вся въ головѣ стоитъ.

Я слышалъ отъ отца про прежнихъ талмудистовъ, что иные изъ нихъ знали библию на память и даже

„на иглу“. Они протыкали иглой нѣсколько листовъ и потомъ называли наизусть всѣ проткнутыя мѣста. Но вѣдь это были зрячіе. Предо мною былъ слѣпой, который могъ знать біблію лишь по слуху, постольку, поскольку находились охотники читать ему, быть можетъ, сегодня одну главу, а черезъ двѣ недѣли другую.

— А вы грамотный? — спросилъ я и тутъ же понялъ нелѣпость своего вопроса.

Слѣпые крестьянскія дѣти не учатся грамотѣ. Дай Богъ, чтобы для зрячихъ было побольше мѣста...

Но Матвѣй Ивановичъ и здѣсь составлялъ исключеніе.

— Теперь я грамотный, — сказалъ онъ, — пять лѣтъ тому назадъ я научился выпуклой грамотѣ. Даже книгу мнѣ подарили.

Въ то время мнѣ больше дарили... Богатые есть молокане, любители. Придешь бывало, попросишь: дайте слѣпому на калачъ. Дадутъ рублишко. Одна вдова до того умилилась, пожертвовала мнѣ мужнину лисью шубу...

Въ голосѣ его звучала какая-то странная нота, не то жалоба, не то насмѣшка.

— Теперь осердились, три раза ходилъ на совѣщаніе, говорятъ: „ты революціонеръ“. А у вдовы крестьяне имѣніе сожгли. Она плачетъ: „Я его сколько холила, всѣмъ дѣлилась. А онъ ѣздитъ по деревнямъ, призываетъ къ погромамъ“...

— Ого, — сказалъ я. — Что же, это правда?

Матвѣй Ивановичъ презрительно покачалъ головой.

— Все это ложь. Гривенникъ дастъ, а раздается на рубль. Мизерные людишки. Есть тутъ те-

перь купцы нашихъ мыслей. Называютъ себя прогрессисты. Придешь, попросишь... „Что я одинъ въ городѣ, что ли? Проси у другихъ“.

Онъ нахмурилъ свои незрячіе глаза и сурово усмѣхнулся однимъ краемъ рта.

— Трудно жить мнѣ. Сколько муки душевной примешь... Сталь я работу искать. У Челышева одно лѣго колесо мы вертѣли, растирали краски. Двое слѣпыхъ. Намъ платили хорошо, что и говорить. Полтинникъ въ день. Намахаетъ себѣ руки...

— Послѣ того рассчиталъ насъ Челышевъ. Больно ужъ много маляровъ развелось. И зрячіе нашлись на наше мѣсто. Такъ приходится нынѣ, хоть съ голоду помирать. Грыжа мучаетъ... Вонъ чирья по тѣлу пошли, отъ грязи, должно быть... Сталь я теперь, какъ Іовъ на гноищѣ...

— А правда, что вы призывали крестьянъ къ возмущенію?

— Что я безуменъ? — сурово сказалъ слѣпой. Стану ли я призывать людей, чтобы шли подь обухъ? Я говорилъ отъ писанія, какъ выходить по духу Христа... Я и на допросѣ сказалъ то же самое.

— На какомъ допросѣ?..

Моя записная книжка лежала на столѣ. И я торопливо дѣлалъ свои замѣтки. Сапожникъ все время проявлялъ признаки нетерпѣнія, но тутъ онъ не выдержалъ.

— Придержись, Иванычъ, — предупредилъ онъ слѣпого. — Пишетъ все. Надо быть, по слѣдственному дѣлу...

Матвѣй Иванычъ махнулъ рукой, какъ прежде.

— Я не боюсь. И на судѣ то же скажу. Пусть господа судятъ.

— За что васъ привлекли? — спросилъ я.

— По дѣлу присяжному, — спокойно объяснилъ слѣпой, — будто бы я рѣчь говорилъ насчетъ присяги...

— И это неправда?

— Я и тебѣ одно скажу. Я слѣпой, ничего не знаю. Привезъ меня человекъ, поставили на столъ.

— „Матвѣй Ивановичъ, скажи о присягѣ!“ Сейчас отъ Матвѣя пятая глава, стихъ тридцать четвертый: „Я говорю вамъ, не клянись ни небомъ, ни землею, ни головою твоею, ибо не можешь ни одного черного волоса сдѣлать бѣлымъ. Да будетъ слово ваше: да или нѣтъ. Что сверхъ сего, то отъ лукаваго“.

— Если вѣрите, то яснѣе яснаго.

— Іакова пятая глава. Ивана Златоуста рѣчь о статуяхъ. „Человекъ, который клянется, хуже разбойника, онъ убиваетъ душу“.

— Чего меня судить? Я бомбовъ не дѣлаю. И судьямъ такъ скажу: „Если вѣруете Христу и писанію его, то вы тоже не клянитесь“.

Я слушалъ и никакъ не могъ уловить одного, самаго главнаго. Матвѣй Ивановичъ говорилъ „отъ писанія“, можно сказать, былъ насыщенъ писаніемъ, но пользовался имъ какъ-то объективно, скорѣе какъ орудіемъ.

— Да вы сами вѣруете?

Матвѣй Ивановичъ молчалъ довольно долго, минуту или двѣ.

— Не знаю, — сказалъ онъ, наконецъ. — Бываетъ, вѣрую, а бываетъ, думаю: все темнота, жуть. Вертится, какъ колеса на мельницѣ. Третъ жерновъ... По себѣ сужу. Іова Богъ будто обличилъ, да потомъ помиловалъ. Насъ, небось, не помилуетъ. Такъ и издохнемъ въ навозѣ...

Сапожникъ, наконецъ, отказался отъ своей недобрѣчивости. Жена его захотѣла угостить насъ чаемъ. Она накрыла свой черный столъ сѣрою тряпкой, изображавшей скатерть, принесла разрозненныя чашки, жестянку съ сахаромъ и какое-то желтое варенье. Стаи крупныхъ мухъ, сидѣвшихъ на потолкѣ, тотчасъ же спустились внизъ на это угощеніе. Онѣ жужжали, какъ пчелы, лѣзли въ глаза, кусались и, видимо, старались отогнать насъ отъ стола.

— Пейте, пожалуйста, — приглашала хозяйка.

Я сдѣлалъ еще одну попытку, потомъ отступилъ и даже отодвинулся въ сторону. Мухи были сильнѣе.

— Тяжело жить на свѣтѣ слѣпому думающему, — говорилъ Матвѣй Ивановичъ. — Смолоду больно скучно было. Помню я: человѣка не могъ найти. Поговорить не съ кѣмъ. Къ слѣпымъ придешь, только про дѣвокъ, да про бабъ. А то про рай, да про адъ.

„Будь хоть такое время, какъ эти года, я бы широкую дѣятельность открылъ, народнымъ ораторомъ сталъ бы, былъ бы полезенъ родинѣ. Я могу говорить очень понятно. Развѣ маленькій ребенокъ не пойметъ.

„Я прозябалъ до старости, жизни хотѣлъ лишиться. Одинъ товарищъ былъ, тоже думающій. Взялъ пистолеть, застрѣлился. Я водку пить принимался. Знакомые такіе, голь. Чѣмъ угостить, развѣ водки стаканомъ? Однажды со слесаремъ такъ набузились. Кто гдѣ остался, тутъ и уснули. Водка мнѣ въ прокъ не пошла, сдѣлался со мной delirium слуха. Тогда я бросилъ пить.

„Одна утѣха была: книги слушать, потомъ рассказывать другимъ. Я жилъ съ мастеровыми. Они

любили мои рассказы: — Юрій Милославскій“. У Загоскина хорошо, а у меня еще лучше. — „Никогда Россія не была въ такомъ бѣдственномъ положеніи“... Кирша тамъ, казаки. Князь Серсбренный, опричники. Ужъ больно имъ занятно.

„Я много книгъ узналъ съ того времени. Русскую исторію и всеобщую, Англію и Францію, древнюю и новую. Варяжскихъ князей и татарское иго. Толстого, Тургенева, Добролюбова. Съ юности моей ходилъ на религіозныя бесѣды. Слушаетъ меня народъ, не потому что даръ, а льется изъ души. Сначала трудно было, а теперь легко. Само льется. Народъ говоритъ: „Матвѣй Ивановъ пришелъ, айда те слушать!“. А попы начнутъ, только старушки слушаютъ, да еще кое-кто.

„Сами попы даютъ мнѣ на извозчика, чтобы я ѣздилъ, потому я имъ нуженъ. Матеріаль набираютъ себѣ на обученіе семинаристовъ.

„Безъ извозчика мнѣ по городу трудно ходить. Ноги не держатъ. И провожатаго нѣтъ.

„Отецъ Мартемьянъ предлагаетъ мнѣ въ миссіонеры, четвертый годъ сватаетъ, но я не иду. Теперь малъ человѣкъ, а тогда буду еще меньше. Я голъ и босъ. Все у меня имущество — одна душа моя. Ее отдать, то изнутри голый останусь.

„Бываютъ такія бесѣды, до добра не доводятъ. Одинъ разъ было. Сходили къ губернатору. „Разрѣшите бесѣду“. Честь-честью разрѣшилъ. Пришли попы, три миссіонера. Я сталъ ставить злободневные вопросы. О повинненіи властямъ. Народъ кипитъ. Порядка нѣтъ у нихъ, перебиваютъ. — „Какой это слѣпой, арестовать его надо!“ Заговорили объ иконахъ. „Позвольте, говорю, привести историческій примѣръ: Казан

ская Божія Матерь спасла Россію отъ Польши. Какъ же она отъ двухъ воришекъ себя самое не защитила?“ „Кошунство, къ прокурору!“ Девять дней продержали, тоже хотѣли судить, а потомъ отпустили. Зазрила ихъ совѣсть. Непригожъ я для суда...“

Я обвелъ глазами эту худую изможденную фигуру. Чтожъ, быть можетъ, и правда... И у прокуроровъ бываетъ совѣсть. Такого судить рука не поднимется...

— Другой разъ было. Баптистъ Илья Антоновъ пришелъ бесѣдовать. Стали говорить о перенесеніи честныхъ костей. Онъ и урѣзалъ: „Перенесли бы ихъ, да больше съ ними не тетенькались“. — „Какъ, съ нашими мощами не тетенькались?!“ Тутъ его чернь чуть не убила. Я его немножко поддержалъ, изъ жалости сказалъ: „Не тетенькались,— значитъ не нянчились. Мы не ученые. Наше простое нарѣчіе. Но Моисей говорилъ про евреевъ передъ Господомъ: „Что я имъ, нянька, что ли!“

„Баптисты и штундисты, и всякіе сектанты, это не мой народъ. Я съ простыми живу, самъ изъ простого народа. У нихъ лицемѣрія много, святости, искусства. Какъ-нибудь обанкрутятся тысячь на тридцать, потомъ говорить: „я святой“. Такой святой — товаръ плохой хвалить. Изъ нихъ коммерсанты будутъ хорошіе, не граждане мысли.

„Вотъ вы спросили, чему я вѣрую. Вѣрую мысли. Религія — тормазъ человѣческой мысли. Мамка души. Безъ мамки будетъ головой работать. Отвыкнетъ складать на другихъ: пропѣется — чортъ смутилъ; споткнется — Богъ наказалъ.

„Если бы народъ весь пошелъ такимъ путемъ,

было бы иное. Много ли было сознательныхъ? Состоя часть, и тѣ разбросаны. Развѣ мало погромовъ дѣлали?

„Послѣ манифеста я три мѣсяца использовалъ, день и ночь, все изъ Писанія. Писаніе — мой мечъ духовный. Нашему народу Божіе слово лучше всего.

„Я въ деревняхъ Божьимъ словомъ сильно дѣйствовалъ. Раскроешь предъ ними библию, какъ она есть. „У Соломона Мудраго по его благочестію было семьсотъ женъ и триста наложницъ. Ладно ли такъ? Столько и куръ у пѣтуха не бываетъ“. Они смѣются.

„Въ двухъ кампаніяхъ участвовалъ, въ выборахъ въ Думу. Рѣчи говорилъ: „Не выбирайте октябристовъ, они — богачи; кадеты — на словахъ. Выбирайте народную партію, она не измѣнитъ“. Слушали насъ. Октябристовъ турятъ, прямо на духъ не являйся, кадетъ выходить — жить не даютъ. Стоять на сторонѣ лѣвыхъ.

„Было короткое время. Сказать — сказали, а сдѣлать не сдѣлали. Народъ обробѣлъ. Храбрый, храбрый, пока его беретъ. Разъ побьютъ, и шабашъ. Наполеонъ первый гналъ, пока зима не заступилась. Русскій силенъ, пока побѣждаетъ. Потомъ теряется. Воли своей нѣтъ. Командуютъ имъ. Скажутъ ему: „лягъ!“ онъ и ляжетъ.

„Японцы насъ искалѣчили, теперь передъ урядникомъ дрожимъ. А какъ кричали!.. Что изъ того, что влетѣло? Трусамъ однимъ не влетаетъ. Безъ борьбы ничего не дается...“

Слѣпой покачалъ головой.

— Теперь будетъ опять... Быть можетъ, набухнетъ еще разъ, или какъ по иному... Грамотной

силы много. Большого не достигнемъ. До социализма лѣтъ ста не доживемъ, а свободъ кое-какихъ достигнемъ, лѣтъ черезъ десятокъ.

Слѣпой помолчалъ и вздохнулъ.

— Черезъ десять лѣтъ я и мышей не буду ловить. Шестидесять-восемь стукнетъ... Не во-время родился... Если бы я былъ моложе, взялъ бы посохъ, пошелъ бы по Россіи. Жизнь моя въ словѣ. Изъ этого дома слово мое далеко не достигнетъ.

Я не зналъ, что сказать ему.

— Есть сказка, — началъ опять слѣпой. — Былъ королевичъ. Приколдовали его навѣки недвижимо. До пояса у него тѣло, а отъ пояса камень. И не можетъ пошевелиться... Сидитъ и живетъ и старѣетъ... И я не лучше его...

Я собрался уходить.

— Позвольте вамъ оставить немного денегъ, — предложилъ я на прощанье.

Слѣпой не пошевелился. Я вынулъ монету и положилъ ее въ руку женѣ сапожника. Но она замотала головой.

— Не мнѣ. Не надо. Чтобы не было соблазну... Иванъ Матвѣичъ, тебѣ даетъ...

Она отыскала его руку на столѣ и вложила въ нее деньги. Слѣпой вернулъ ихъ обратно.

— Возьми себѣ за квартиру, — сказалъ онъ. — И такъ не плачено.

Я вышелъ за ворота и отправился на пристань, собираясь въ тотъ же день уѣхать изъ Самары.

Но еще долго передъ глазами моими стоялъ этотъ слѣпой человѣкъ, сильный и вмѣстѣ безпомощный, спосбный и загрошенный,

Онъ былъ, какъ живой инструментъ, созданный природой для благородной работы, но испорченный

ею въ самомъ началѣ, брошенный въ сторону и ржавѣющій въ углу...

Приколдованный плѣнникъ...

С.-Петербургъ, 1908.

